Наполеон Бонапарт

ЕГИПЕТСКИЙ ПОХОД

МЕМУАРЫ ИМПЕРАТОРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга повествует об одной из самых масштабных и одновременно трагических военных кампаний французской армии XIX века – Египетском походе. Это летопись кровопролитных сражений, проведенных блистательнейшим военачальником и стратегом, гением военной и политической мысли – императором Наполеоном I.

Перевод: В. Голант

- Наполеон Бонапарт
- Кампании в Египте и Сирии 1798-1799
- Глава I Мальта
-
-
-
-
-
-
-
-
- Глава II Описание Египта
-
-
- Глава III Завоевание Нижнего Египта
-
-
-
- Глава IV Нильское морское сражение
-
-
-
- Глава V Религиозные дела
-
-
- Глава VI Восстание в Каире
-
-
- Глава VII Завоевание Верхнего Египта
-
-
- Глава VIII Сирия
- Глава IX Завоевание Палестины

- Глава X
- Глава XI Абукирское сражение
- Глава XII Возвращение Наполеона на Запад
- Заключительные замечания Наполеона об Египетском походе
- Приложение Из работы «Очерк войн Фридриха II»
- Глава IV, § 6
- Глава IX, § 2

Наполеон Бонапарт Египетский поход Мемуары императора

Издательство «РИМИС» – лауреат Литературной премии им. Александра Беляева 2008 года.

Печатается по изданию: Наполеон. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1956.

Издательство «РИМИС» выражает искреннюю благодарность Давидсону Аполлону Борисовичу за помощь в работе над книгой.

Кампании в Египте и Сирии 1798-1799

Глава I Мальта

I. План войны с Англией в кампанию 1798 года. – II. Подготовка и состав Восточной армии. – III. Отплытие флота из Тулона (19 мая). – Об острове Мальта и об ордене святого Иоанна Иерусалимского. – V. Средства обороны Мальты. – VI. Колебания великого магистра и его совета. – VII. Военные действия; бои; перемирие (11 июня). – VIII. Переговоры и капитуляция (12 июня). – IX. Вступление армии в столицу Мальты; организация управления Мальтой. – X. Отплытие с острова (19 июня).

I

Договор в Кампо-Формио восстановил мир на материке. Германский император был удовлетворен условиями, которые ему предоставили. Франция вновь вступила во владение наследством галлов. Она отвоевала свои естественные границы. Первая коалиция, грозившая задушить республику в колыбели, была побеждена и распалась. Только Англия оставалась вооруженной. Она воспользовалась бедами, постигшими материк, чтобы завладеть обеими Индиями и установить свою тиранию на морях. Директория прекратила переговоры в Лилле, будучи уверенной, что восстановить равновесие в Индиях и свободу морей можно лишь путем удачной кампании на морях и в колониях.

На 1798-й год намечалось несколько планов кампании. Говорилось о высадке десанта в Англии с помощью плоскодонных судов, прикрываемых совместными действиями французской и испанской эскадр, но для подготовки требовалась сотня миллионов, на которую при тогдашнем расстройстве финансов нельзя было рассчитывать. К тому же вторжение в Англию требовало использования основных сил Франции, что явилось бы преждевременным вследствие состояния возбуждения, в котором находился еще материк. Правительство приняло следующий план: держать в лагерях на побережье Ла-Манша 150 000 человек, которые станут угрожать Англии неминуемым вторжением, но на самом деле будут готовы в случае надобности выступить к Рейну; в то же время две небольшие армии численностью в 30 000 человек каждая будут действовать наступательно. Одна из них, взятая на корабли Брестской эскадры, высадится в Ирландии, где ее дожидаются 100 000 повстанцев; другая, предназначенная для действия на Востоке, переправится на другую сторону Средиземного моря, в котором господствовала Тулонская эскадра. Это нанесет сокрушительный удар английским колониям в

Индии. Типпу-сагиб, маратхи, сикхи дожидались только сигнала. Командование Восточной армией представлялось необходимым возложить на Наполеона. Египет, Сирия, Аравия, Ирак ждали такого человека. Турецкая администрация пришла в упадок. Последствия этой экспедиции могли оказаться столь же велики, как счастье и гений того, кто должен был руководить ею.

Одновременно с высадкой армии на Востоке в Константинополь должно было прибыть торжественное посольство, располагающее средствами, нужными для достижения успеха. В 1775 г. мамлюки [1] заключили договор с английской Индийской компанией [2] . С этого момента французские торговые дома подвергались оскорблениям и всяческим унижениям. По жалобе Версальского двора Порта [3] в 1786 г. направила против беев капудан-пашу Хасана; но со времени революции французская торговля вновь стала подвергаться преследованиям. Порта заявила, что она тут ничего не может поделать, а мамлюки – «люди жадные, безбожные и мятежные», и дала понять, что отнесется к экспедиции против Египта терпимо – так же, как отнеслась она к экспедициям против Алжира, Туниса и Триполи.

II

Английские эскадры ушли из Средиземного моря в конце 1796 г., когда неаполитанский король заключил мир. С этого времени трехцветный флаг [4] господствовал в Адриатике, в Леванте и вплоть до Гибралтарского пролива. Успешное продвижение Восточной армии зависело от того, насколько удастся сохранить в тайне подготовку к экспедиции. Наполеон в качестве главнокомандующего Английской армией объехал прежде всего лагеря на Ла-Манше, делая вид, что занимается только ими, но на самом деле занимаясь по-настоящему только Восточной армией. Из городов Фландрии и Бельгии, которые он посетил, Наполеон отправлял курьеров, которые доставляли его приказы на побережье Средиземного моря. Он взял на себя руководство всей подготовкой на суше и на море. Флот, конвой, армия – все это было приведено в состояние готовности за несколько недель. Он переписывался с генералами: Каффарелли – в Тулоне, Ренье – в Марселе, Барагэ-д\'Илье – в Генуе, Дезэ – в Чивита-Веккии, Вобуа – на Корсике. Эти пять уполномоченных им лиц заготовляли продовольствие, собирали и вооружали суда с такой энергией, что 15 апреля войска совершили посадку на корабли в пяти портах. Командующим оставалось только ждать приказа об отплытии. Состав экспедиции был следующим:

Порты, где производилась посадка на суда	Линейные корабли	Фрегаты	Корветы и посыльные суда	Транспорты	Людей на борту	Лошадей на борту
Тулон	13	7	6	106	20 500	470
Марсель	—	—	2	30	3200	60
Корсика	—	—	1	20	1200	—
Генуя	—	1	1	35	3100	70
Чивита-Веккия	—	1	1	41	4300	80
	13	9	11	232	32 300	680

Из тринадцати линейных кораблей, входивших в состав эскадры, «Амираль» был 120-пушечный, три – 80-пушечные и девять – 74-пушечные. В их числе были «Герье» и «Конкеран», старые и плохие корабли; на них были установлены только 18-фунтовые пушки. Среди кораблей конвоя находились два венецианских 64-пушечных корабля, четыре 40-пушечных фрегата и десять корветов и посыльных судов, служивших для охраны. Вице-адмирал Брюэйс – офицер старого флота, который за год до того командовал флотом в Адриатике, считался одним из лучших военных моряков республики. Две трети кораблей имели хороших командиров, но одной третью командовали люди, не способные к этому. Эскадра и армия имели запас продовольствия на сто дней и воды – на сорок.

Сухопутная армия состояла из пятнадцати пехотных полубригад, семи кавалерийских полков и двадцати восьми рот – артиллеристов, рабочих, саперов, минеров, а именно: из 2-й, 4-й, 21-й, 22-й полубригад легкой пехоты; 9-й, 18-й, 19-й, 25-й, 32-й, 61-й, 69-й, 71-й, 80-й, 85-й, 88-й линейных пехотных полубригад, каждая трехбатальонного состава (в каждом батальоне по девять рот); 7-го гусарского, 22-го конноегерского, 3-го, 14-го, 15-го, 18-го, 20-го драгунского полков; шестнадцати артиллерийских рот; восьми рот рабочих, саперов и минеров; четырех рот артиллерийского обоза. Кавалерия имела комплект седел и сбруи, но только триста лошадей; артиллерия имела боеприпасов втрое против нормы, много ядер, пороха, инструментов, осадный парк и все необходимое для обороны побережья большой протяженности, 12 000 запасных ружей, различное оборудование, упряжь на 6000 лошадей. Комиссия наук и искусств имела своих рабочих, библиотеки, типографии – французскую, арабскую, турецкую и греческую – и переводчиков, владевших всеми этими языками. Пехоты – 24 300 человек, кавалерии – 4000, артиллерии – 3000, нестроевой состав – 1000. Всего 32 300 человек.

Генерал Бертье был начальником штаба армии. Генерал Каффарелли командовал инженерными войсками и имел в числе своих подчиненных ряд лучших офицеров этого рода оружия. Генерал Доммартен командовал артиллерией, ему были подчинены генералы Сонжис и Фотрие. Генералы Дезэ, Клебер, Мену, Ренье, Бон, Дюгуа были генерал-лейтенантами. В числе генерал-майоров называли Мюрата, Ланна, Ланюсса, Виаля, Во, Рампона, Жюно, Мармона, Даву, Фриана, Бельяра, Леклерка, Вердье, Андреосси.

Дезэ был наиболее выдающимся офицером во всей армии, энергичным, образованным, любящим славу ради славы. Он был маленького роста, обладал малопривлекательной внешностью, но умел и задумать операцию, и сам провести ее во всех деталях. Он мог командовать и армией, и авангардом. Природа предназначила ему видную роль, будь то в армии или на гражданской службе. Он сумел бы управлять провинцией так же хорошо, как завоевать или оборонять ее.

Клебер был самым красивым человеком в армии. Он был ее Нестором [5] . Ему было 50 лет, он говорил с немецким акцентом и держался немецких обычаев. Восемь лет он прослужил в австрийской армии в качестве пехотного офицера. В 1790 г. он был назначен командиром батальона добровольцев на своей родине – в Эльзасе. Он отличился при осаде Майнца, вместе с гарнизоном этой крепости перешел в Вандею, где прослужил один год, участвовал в кампаниях 1794,1795 и 1796 гг. в составе Самбро-маасской армии. Он командовал ее главной дивизией, отличился, оказал важные услуги, приобрел репутацию искусного полководца. Но его саркастический ум нажил ему врагов. Ему пришлось покинуть армию за неподчинение начальству. Его перевели на полжалованья. В 1796 и 1797 гг. он жил в Шайо. Он находился в очень стесненном положении, когда в ноябре 1797 г. Наполеон прибыл в Париж. Он бросился в его объятия. Он был принят с почетом. Директория питала к нему большое отвращение, и он платил ей тем же. В характере Клебера была какая-то беспечность, позволявшая интриганам с легкостью обманывать его. У него имелись фавориты. Он любил славу как путь к наслаждениям. Это был человек умный, смелый, знавший военное дело, способный на великие свершения, но только тогда, когда его принуждала к тому сила обстоятельств; в подобных случаях советы, которые давали ему собственная беспечность, а также фавориты, оказывались не ко двору.

Генерал Бон происходил из Баланса, в Дофинэ. Он служил в Восточно-Пиренейской армии, где получил все свои чины. Это был мужественный солдат. В ходе предшествующих кампаний от

отличился в составе Итальянской армии. В Сен-Жоржском сражении он командовал левым флангом армии.

Генерал Каффарелли отличался такой энергией, которая не позволяла заметить, что у него не хватало одной ноги. Он прекрасно разбирался во всех деталях, связанных с его родом оружия. Но особенно отличался он высокими моральными качествами и глубокими административными знаниями во всех отраслях управления. Это был хороший человек, бравый солдат, верный друг, отличный гражданин. Он погиб со славою при осаде Сен-Жан д\'Акра [6] в момент, когда произносил очень яркую речь о народном образовании. Ему было поручено руководство Комиссией ученых и художников, следовавшей за армией. Эта комиссия состояла из академиков Монжа и Бертолле, Доломье, Денона; главных инженеров путей сообщения Ленэра, Жирара; математиков Фурье, Костаза, Корансеза; астрономов Нуэ, Бошана и Мэшена; натуралистов Жоффруа, Савиньи; химиков Декостильса, Шальпи и Делиля; рисовальщиков Дютертра, Редутэ; музыканта Вийото; поэта Парсеваля; архитекторов Лепэра, Протэна, Норри; наконец, в ее состав входил Контэ – глава воздухоплавателей, универсальный человек, имевший вкус к искусству, знавший его и проникшийся его духом, особенно ценный в отдаленной стране, умевший все, способный воссоздать искусства Франции посреди аравийских пустынь. К этой комиссии было прикреплено человек двадцать студентов Политехнического и Горного училищ, среди которых отличились Жомар, Дюбуа-старший, Ланкрэ, Шаброль, Розьер, Кордье, Реньо и др.

III

Когда все приготовления были закончены, произошел инцидент с Бернадоттом в Вене, заставивший опасаться возобновления войны на материке. Отплытие армии было отложено на 20 дней, что поставило ее под угрозу. Тайна была раскрыта, и в Лондоне успели узнать о всех приготовлениях, сделанных в Италии. Однако только 16 мая адмиралтейство отправило эскадру с Темзы в Средиземное море. 12 июня она подошла к Тулону. Французский флот отбыл оттуда 19 мая. Он опередил англичан на 25 дней. Он опередил бы их на 45 дней, если бы не столь глупая выходка Бернадотта.

Наполеон прибыл в Тулон 9 мая. Он сделал смотр армии. В своем приказе он объявил в основном следующее:

...

«Солдаты, вы являетесь одним из крыльев Английской армии… Римские легионы, которым вы подражали, пока еще не сравнявшись с ними, сражались с Карфагеном попеременно на этом же море и на равнинах Замы… На вас смотрит вся Европа… Вам предстоят великие свершения… Солдаты, матросы, вы являетесь предметом самых больших забот Республики… Вы покажете себя достойными армии, часть которой составляете!..»

Марсельский конвой вышел в море под охраной двух фрегатов. 15-го суда его бросили якорь на тулонском рейде. Наполеон вступил на борт «Ориана» – 120-пушечного корабля. Это был один из лучших кораблей, обладавший всеми качествами, каких можно было пожелать. 18-го с оконечности Саблеттского мыса были замечены английские корабли. Это был легкий отряд Нельсона из трех кораблей. 19-го флот вышел в море. В ночь с 20-го на 21-е он обогнул Корсиканский мыс, причем попал в шторм. Генуэзский конвой присоединился назавтра, корсиканский – 26-го, на траверсе пролива Бонифачо. 2 июня с кораблей флота был замечен мыс Карбонара – оконечность Сардинии. Корвет, направленный в Кальяри, установил, что на кораблях легкого английского отряда под командованием Нельсона имелись повреждения, вследствие чего последнему пришлось стать на ремонт на сен-пьерском рейде. Адмирал хотел было атаковать его [7] там, но английский бриг, преследуемый посыльным судном «Корсир», был принужден выброситься на берег Сардинии. Экипаж был взят в плен. Он сообщил, что Нельсон ожидает прибытия из Англии десяти кораблей. Флот крейсировал в море три дня в ожидании конвоя из Чивита-Веккии, который не прибыл к первому условленному месту встречи. 4-го флот снова двинулся в путь, и с кораблей был замечен остров Маретимо. 5-го одно посылочное судно сходило на Сицилию и успокоило губернатора, который был очень встревожен. Один фрегат был направлен в Неаполь, один в Тунис, один в Триполи и один – к Мессине.

Эскадра двигалась в отличнейшем порядке, тремя колоннами; две состояли из четырех кораблей, а центральная – из пяти. Капитан 1-го ранга Декрэ был послан в дозор с легкой эскадрой, состоявшей из фрегатов и быстроходных корветов.

Конвой, охраняемый двумя венецианскими 64-пушечными кораблями, четырьмя фрегатами и большим количеством мелких судов, со своей стороны высылал дозоры во всех направлениях. Он имел приказ в случае нападения на флот вражеской эскадры укрыться в дружественном порту.

По всем линейным кораблям были распределены отборные войска. Три раза в день они проводили артиллерийские учения. Наполеон командовал как сухопутными, так и военно-морскими силами. Ничего не делалось иначе, как по его приказу. Он направлял движение флота. Он часто жаловался на то, что линейные корабли держатся слишком далеко друг от друга, но никогда не вмешивался ни в какие детали, требовавшие знаний и опыта в морском деле. 3 июня на высоте мыса Карбонара адмирал Брюэйс представил ему на утверждение приказ, предусматривавший посылку четырех линейных кораблей и трех фрегатов навстречу конвою, вышедшему из Чивита-Веккии. Наполеон написал на полях: «Если через 24 часа после выделения этих кораблей будут замечены десять английских, у меня окажется только девять кораблей вместо тринадцати». Адмирал ничего не смог возразить.

9 июня на рассвете были замечены Гоцо и конвой из Чивита-Веккии. Таким образом, вся армия оказалась в сборе.

IV

Из семи языков, составлявших орден святого Иоанна Иерусалимского [8] , три были французскими. Не имея возможности признать существование в своих владениях ордена, основанного на преимуществах, даваемых происхождением, республика его упразднила, присоединила его владения к владениям других духовных орденов, а рыцарей зачислила на пенсию. В качестве ответной меры великий магистр Роан отказался принять французского поверенного в делах. Французские торговые суда допускались в его порты, только спрятав трехцветный флаг. Между республикой и орденом не было никаких дипломатических отношений. Англичан же орден принимал и оказывал им предпочтение; им предоставлялась всевозможная помощь; власти следили за укомплектованием английских эскадр и снабжением их продовольствием. Со складов великого магистра было выдано 20 тысяч фунтов пороха вице-королю Корсики Эллиоту. Но решающим для судьбы ордена явилось то, что он отдался под покровительство императора Павла – врага Франции. Был создан православный приорат, что оскорбляло римско-католическую религию и клир. Россия стремилась к господству над этим островом, имеющим столь большое значение в силу своего положения, удобства и

безопасности его порта и мощи укреплений. Ища покровительства на севере, орден не принял во внимание и поставил под угрозу интересы держав юга. Наполеон решился овладеть островом, но лишь в том случае, если это удастся сделать без ущерба для достижения основной цели.

Мальта расположена в 20-ти лье от Сицилии и в 60-ти от берегов Африки. Этот остров имеет 6-7 лье в длину, 4 в ширину и 20 в окружности. Западный и южный берега – обрывисты, но на северном и восточном – очень много бухт и прекрасных якорных стоянок. Остров Комино, имеющий в окружности 300 туазов, расположен между Мальтой и Гоцо. Гоцо имеет 4 лье в длину, 2 в ширину, 10 в окружности. Население трех островов составляло 100 000 душ. Поверхность Мальты – это скала, прикрытая 8-10-ю дюймами почвы. Главной культурой является хлопок – лучший в Леванте. Древней столицей Мальты является Знатный Город [9] , находящийся в центре острова. Город Ла-Валлетта, основанный в 1566 г., несколько раз осаждался турками. Он располагает наилучшим портом Средиземного моря, имеет 30 тысяч жителей, красивые дома, прекрасные набережные, великолепные склады для ржи, изящные фонтаны. Укрепления отличаются большой протяженностью, построены из тесаного камня, все склады – вне пределов досягаемости бомб. Различные фортификационные сооружения, батареи и форты – многочисленны и нагромождены друг на друга. Генерал Каффарелли сказал в шутку, осматривая их на следующий день после сдачи: «Хорошо, что в них были люди, чтобы открыть нам ворота». Он намекал на множество рвов, эскарпов и контрэскарпов, которые пришлось бы преодолеть, если бы ворота остались запертыми.

В 1789 г. орден извлекал из различных стран христианского мира от 18 до 20 миллионов ренты (в том числе 7 миллионов из Франции). В XIV веке он унаследовал владения тамплиеров. После изгнания его с Родоса Карл V уступил ему три острова – Мальту, Комино и Гоцо. Это было сделано с условием, что он [10] станет защищать берега Испании и Италии от варварийских пиратов. Ему легко было это сделать. Он мог иметь 6-7 линейных 74-пушечных кораблей, столько же фрегатов и вдвое больше мелких судов, с тем чтобы одна треть их постоянно крейсировала перед Алжиром, Тунисом и Триполи. Он мог бы положить конец варварийскому разбою, принудив пиратов жить в мире, в этом случае орден заслужил бы благодарность всего христианского мира. Половины его доходов было бы достаточно, чтобы достигнуть этого великого и благодетельного результата. Но рыцари, по примеру других монахов, присвоили имущество, которое было им предоставлено ради общественного блага и

нужд всего христианского мира. Роскошь приоров, бальи [11] , командоров вызывала возмущение всей Европы. Монахи, по крайней мере, отправляют требы, они полезны в духовной жизни; но эти рыцари ни на что не годны, ничего не делают, не оказывают никаких услуг. Они, однако, были обязаны высылать караваны судов. В этих целях четыре или пять галер ежегодно совершали прогулку по Средиземному морю, тщательно избегая при этом варварийских пиратов, и посещали порты Италии, Испании или Франции, где им устраивалась торжественная встреча. Они были правы; их суда не были способны принять бой с алжирскими фрегатами. Варварийские пираты безнаказанно нападали на Сицилию, Сардинию и берега Италии. Они опустошали побережье в районе, расположенном по прямой линии от Рима. Орден сделался бесполезным. Когда орден тамплиеров, созданный для охраны Иерусалимского храма и сопровождения паломников на дорогах, ведущих от Антиохии, Птолемаиды и Яффы к гробу Господню, был переведен в Европу, существование его стало бесцельным, он пал и должен был пасть.

V

За несколько месяцев до описываемых событий великий магистр Гомпеш унаследовал сан великого магистра Роана. Это был человек пожилой, больной, нерешительный. Бальи, командоры, сенешалы, должностные лица ордена были стариками, не участвовавшими в войнах, холостяками, проведшими жизнь в самом приятном обществе. Очутившись на Мальте, как в ссылке, они желали умереть у себя на родине. Их не вдохновлял ни один из мотивов, в силу которых люди пренебрегают большими опасностями. Кто мог заставить их рисковать жизнью ради сохранения бесплодной скалы посреди моря? Религиозные чувства? Они были мало религиозны. Сознание собственной полезности? То гордое чувство, которое побуждает человека идти на жертвы, потому что он защищает родину и себе подобных? Они ничего не делали и никому не приносили пользы. Мальта располагала для своей обороны 800 или 900 рыцарями, малопригодными к военным действиям и разобщенными между собой, подобно тому как были разобщены обычаи и интересы наций, к которым они принадлежали; 1500-1800 плохими солдатами – итальянцами, немцами, французами, испанцами, большей частью дезертирами или авантюристами, которые с тайной радостью отнеслись к возможности соединить свои судьбы с судьбой самого знаменитого полководца Европы; и 800-900 ополченцами. Эти ополченцы гордые, как и все островитяне, давно уже чувствовали себя оскорбленными наглостью и высокомерием рыцарей-дворян.

Они жаловались на то, что являются у себя на родине иностранцами, не допускаемыми к занятию почетных и доходных должностей. У них не было привязанности к ордену. Они видели во французах защитников своих прав. К тому же самая организация ополчения находилась в небрежении, ибо орден давно уже не опасался вторжения турок и, напротив, боялся установления гегемонии коренных жителей. Если фортификационные сооружения и материальные средства обороны были обширны, то моральный фактор сводил их к нулю. Капитуляция Мантуи, почетные условия, предложенные Вурмзеру, представлялись умственному взору всех и каждого. Если уже настал час капитуляции, то предпочитали сдаться воину, который внушил высокое представление о своем великодушии. Город на Мальте не мог, не хотел и не должен был защищаться. Он не смог бы выдержать суточной бомбардировки. Уверившись в том, что он может сметь, Наполеон осмелился!!!

VI

8 июня, когда конвой из Чивита-Веккии появился перед Гоцо, великий магистр, предчувствуя опасности, угрожавшие ордену, собрал Большой совет, чтобы обсудить столь важные обстоятельства. «Французская эскадра сосредоточивается в пределах видимости с наших берегов. Если она потребует разрешения на вход в порт, на что нам решиться?» Мнения разделились. Одни думали, «что необходимо дать сигнал тревоги, загородить цепью вход в порт, взяться за оружие, объявить остров на военном положении; такая подготовка произведет впечатление на французского главнокомандующего; необходимо в то же время не пренебрегать ничем из того, что может завоевать ордену расположение главнокомандующего и важнейших его офицеров; это единственный способ отвести от себя грозу». Другие, напротив, говорили, «что назначение ордена – вести войну с турками, что они не должны выказывать какого-либо недоверия при приближении христианского флота; что дать при виде его сигнал тревоги, который обычно давался лишь при виде полумесяца [12] , значит вызвать и навлечь на город ту самую грозу, которую хотели от себя отвести; французский главнокомандующий, возможно, не имеет никаких враждебных намерений, если мы не выкажем ему никакого недоверия, он, может быть, пойдет своим путем, не тревожа нас!». Пока продолжалась эта дискуссия, подошел весь флот. 9-го в полдень он появился у входа в порт, на расстоянии пушечного выстрела. Французский адъютант потребовал разрешение на вход, чтобы можно было запастись водой. Члены Совета, считавшие, что нужно обороняться, снова стали с жаром доказывать, «насколько

неосторожно будет отдаться связанными по рукам и ногам на милость иностранной армии, намерения которой неизвестны; хуже этого ничего произойти не может; сдаться на милость победителя никогда не поздно; с республикой нет никаких дипломатических отношений; неизвестно даже, находятся ли с ней в состоянии мира или войны; и, наконец, если нужно погибнуть, то лучше сделать это с оружием в руках, а не в результате собственной трусости». Противная партия доказывала, что будет крайне неосторожно провоцировать эту грозную армию, которая находится уже на расстоянии пушечного выстрела; что через несколько часов после начала военных действий она овладеет сельскими местностями Мальты и Гоцо; что тогда не останется другого выхода, как запереть ворота столицы, и что, будучи блокирована с суши и с моря, последняя не сможет обороняться из-за недостатка продовольствия; что рожь, правда, имеется, но зато отсутствуют все другие продукты питания; что французам не понадобится и суток, чтобы соорудить несколько мортирных батарей и начать бомбардировку крепости с суши и с моря; что тогда придется ожидать восстания ополченцев, которые, будучи и без того плохо настроены, не останутся безучастными свидетелями сожжения их домашних очагов; что военные действия покажут чрезвычайную слабость ордена и тогда будет потеряно все; а между тем имеется возможность, раз уж это абсолютно необходимо, вести переговоры с выгодой для себя и поставить условия, почетные для ордена и выгодные для отдельных лиц.

Дискуссия была оживленной. Большинство Совета высказалось за применение оружия. Великий магистр велел призвать господина Каруссона, одного из коммерсантов рода, который вел дела французов. Он поручил ему сообщить волю Совета главнокомандующему. В то же время он дал сигнал тревоги. Ворота заперли, зажгли печи для каления ядер, распределили обязанности между командирами. Все ополченцы взялись за оружие и отправились на батареи. Командор Буаредон де Рансюэ, принадлежавший к овернскому «языку», протестовал против этих мер. Он заявил, что, будучи французом, никогда не поднимет оружие против Франции. Несколько рыцарей присоединились к его мнению. Их арестовали и отправили в тюрьму. Князь Камилл де Роан взял на себя командование ополчением острова, имея в качестве подчиненного бальи де Клюни. Командор де Месгриньи отправился на остров Гоцо, рыцарь Вален – на остров Комино. Рыцари распределились по батареям и башням, окружавшим остров. Весь день и всю ночь царило крайнее возбуждение.

9-го, в 10 часов вечера, господин Каруссон сообщил главнокомандующему о своей миссии. Он получил приказ ответить великому магистру следующими словами:

...

«Главнокомандующий возмущен тем, что вы не желаете разрешить набирать воду более чем четырем кораблям одновременно; действительно, сколько времени понадобится 400-500 судам для того, чтобы получить подобным способом воду и все остальное, в чем они сильно нуждаются? Этот отказ тем более удивил главнокомандующего, что ему известно, какое предпочтение оказывается англичанам и какую декларацию обнародовал ваш предшественник. Главнокомандующий решил взять силой то, что должны были ему предоставить, руководствуясь законами гостеприимства, которые являются основой вашего ордена; я видел, сколь значительны подчиненные ему силы, и предвижу, что остров не сможет обороняться… Главнокомандующий не пожелал, чтобы я вернулся в город, который он считает себя обязанным рассматривать впредь как вражеский… Он отдал приказ о том, чтобы религия, обычаи и собственность мальтийцев уважались».

Одновременно корабль «Ориан» дал сигнал к бою. Генерал Ренье двинулся в путь с марсельским конвоем, чтобы с рассветом высадиться на острове Гоцо. Генерал Дезэ с конвоем из Чивита-Веккии под прикрытием кораблей контр-адмирала Бланке-Дюшайла бросил якорь в бухте Марса-Сироко. Генуэзский конвой бросил якорь в бухте Св. Павла.

На Мальте всю ночь с величайшим нетерпением ожидали возвращения консула. Когда стало известно, что он остался на борту корабля и военные действия начались, всех охватили растерянность и недовольство. Одно чувство владело всеми – сознание невозможности и опасности обороны.

VII

10-го на рассвете «Ориан» дал сигнал высадки. Наполеон высадился с 3000 человек между городом и бухтой Св. Павла, капитан 2-го ранга Мютар командовал десантными шлюпами. Как только они подошли на расстояние выстрела к башням и батареям, последние открыли огонь. На него отвечало несколько канонерок, вооруженных 24-фунтовыми пушками. Шлюпы продолжали движение вперед в отличнейшем порядке. Море было спокойным, что являлось необходимым, так как высадка производилась на скалы. Вражеская пехота противодействовала десанту. Вступили в действие стрелки. За один час батареи и башни были взяты и противник прогнан из города. Генерал Барагэ-д\'Илье овладел бухтами Св. Павла и Мальты. Преодолев слабое сопротивление, он захватил батареи, башни и всю южную часть острова; он взял 150 пленных и потерял убитыми трех человек. Генерал Дезэ высадил 21-ю легкую полубригаду во главе с генералом Бельяром. Он захватил все батареи Марса-Сироко. К полудню Мальта [13] была окружена со всех сторон. Французские войска находились под ее грозными стенами, на расстоянии половины пушечного выстрела. Крепость вела огонь по тем стрелкам, которые подходили слишком близко. Генерал Вобуа направился к Знатному Городу, имеющему крепостную ограду, и овладел им, не встретив сопротивления. Генерал Ренье овладел всем островом Гоцо, который защищали 2500 человек, большей частью коренные жители, и взял в плен всех оборонявших его рыцарей. В час дня шлюпы приступили к выгрузке двенадцати орудий и всего необходимого для оборудования трех платформ для мортир; в операции участвовали также шесть бомбард и двенадцать канонерок, вооруженных 24-фунтовыми пушками. Несколько фрегатов дошли к порту, 11-го вечером город можно было бомбардировать 24-мя мортирами, одновременно с пяти направлений.

Главнокомандующий в сопровождении генерала инженерных войск Каффарелли осмотрел расположение батарей, которое тут же приказал вычертить. Между четырьмя и пятью часами осажденные сделали вылазку. Адъютант Мармон отбросил их, взяв несколько пленных. По этому случаю он был произведен в бригадные генералы. В семь часов вечера, незадолго до наступления темноты, показалась большая толпа жителей,

желавших выйти из города. Это было предусмотрено, и им отказали в пропуске. Когда раздались пушечные выстрелы, возвещавшие тревогу, большая часть жителей острова со своими семьями и скотом поспешила укрыться за стенами столицы, что еще увеличило беспорядок. Главнокомандующий вечером вернулся на «Ориан». Час спустя он получил следующее письмо от батавского консула:

...

«Великий магистр и его Совет поручили мне указать вам, гражданин генерал, что, запретив вам вход в порты… они желали лишь узнать, какого рода отступлений от обязательств, которые налагает на них нейтралитет, вы добивались… Поэтому великий магистр и его Совет просят, чтобы вы прекратили военные действия и сообщили, каковы ваши намерения, которые, конечно, находятся в соответствии с великодушием французской нации и хорошо известным характером знаменитого полководца, который ее представляет».

Генерал Жюно, его [14] старший адъютант, немедленно отправился на Мальту и в два часа утра подписал следующее соглашение о перемирии:

...

«Объявляется сроком на 24 часа, считая с 6 часов вечера сего 11 июня 1798 г. и до 6 часов вечера завтрашнего, 12-го дня того же месяца, перемирие между армией Французской республики под командованием генерала Бонапарта, представителем коего является бригадный генерал Жюно, старший

адъютант названного главнокомандующего, и великим магистром ордена святого Иоанна Иерусалимского.

Подписано: Жюно, Гомпеш».

VIII

11-го на рассвете представители великого магистра явились на борт «Ориана» с полномочиями, необходимыми для заключения соглашения о сдаче крепости. Во главе их находился командор Буаредон де Рансюэ, которого освободили из тюрьмы, после чего народ нес его на руках как триумфатора и он был принят великим магистром. 10-го в течение всего дня смута в городе все усиливалась. При получении каждого нового известия о взятии батарей и башен и об успехах осаждающих жители устраивали беспорядки. Подготовка к бомбардировке возбуждала недовольство ополченцев. Несколько рыцарей было убито на улицах, и ненависть, которая давно зрела в сердцах жителей, неудержимо прорвалась наружу. Те члены Совета, которые особенно энергично призывали к сопротивлению, теперь всего более добивались покровительства французского главнокомандующего, ибо именно они являлись прежде всего мишенью для народного возмущения. Акт о капитуляции был подписан на борту «Ориана» 12 июня, в 2 часа утра:

...

«Статья 1. Рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского передадут французской армии город и форты Мальты. Они отказываются впользу Францу зскойреспубликиотправ суверенитетаи собственности, как в отношении этого города, так и в отношении островов Мальта, Гоцо и Комино.

Статья 2. Республика употребит свое влияние на Раштадтском конгрессе, чтобы обеспечить великому магистру пожизненное владение княжеством, равноценным тому, которое он

теряет, а в ожидании этого станет выплачивать ему пенсию в 300000 франков. Кроме того, ему будет выдана сумма, равная этой пенсии за два года, в качестве возмещения за его движимое имущество. В течение того времени, пока он останется на Мальте, ему будут оказываться те же воинские почести, что и прежде.

Статья 3. Рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского, являющиеся французами и находящиеся в данный момент на Мальте, чей статус будет определен главнокомандующим, смогут вернуться на родину; пребывание их на Мальте будет им зачтено как пребывание во Франции.

Французская республика сделает Цизальпинской, Лигурийской, Римской и Гельветической республикам представления об объявлении настоящей статьи общей для рыцарей этих наций.

Статья 4. Французская республика сделает другим державам Европы представления о сохранении за рыцарями соответствующих наций их прав на собственность Мальтийского ордена в этих государствах.

Статья 5. Рыцари сохраняют свое имущество на островах Мальта и Гоцо, на правах частной собственности.

Статья 6. Жители островов Мальта и Гоцо, как и в прошлом, будут свободно исполнять обряды римско-католической апостольской веры; они сохранят привилегии, которыми пользуются; не будет наложено никакой контрибуции.

Статья 7. Все гражданские законы, введенные при правлении

ордена, сохраняют свою силу и будут соблюдаться».

Во исполнение статей, подписанных 12 июня (24 прериаля) представителями Французской республики и Мальтийского ордена, была достигнута договоренность о следующем:

...

«Статья I. Сегодня, 12 июня, форт Маноэль, форт Тиньи, замок святого Ангела, укрепления Бормолье, Коттонары и города Побед будут переданы в полдень французским войскам.

Статья II. Завтра, 13 июня, форт Риккаколи, замок св. Эльма, укрепления городов Валлетты, Флорианны и всех других будут переданы в полдень французским войскам.

Статья III. Сегодня, в 10 часов утра, французские офицеры явятся к великому магистру, чтобы получить у него приказы комендантам различных портов и укреплений, которые должны быть переданы французам. Их будут сопровождать мальтийские офицеры. Офицеров будет столько, сколько будет передано фортов.

Статья IV. Такие же меры, как означенные выше, будут приняты в отношении фортов и укреплений, подлежащих передаче французам завтра, 13 июня.

Статья V. Одновременно с передачей фортификационных сооружений будет осуществлена передача артиллерии, складов и документов инженерных войск.

Статья VI. Находящиеся на острове войска Мальтийского ордена

смогут оставаться в занимаемых ими казармах впредь до иного распоряжения.

Статья VII. Адмирал, командующий французским флотом, назначит офицера, который примет сегодня корабли, галеры, суда, склады и прочее имущество военно-морского флота Мальтийского ордена».

Обнародование этого соглашения о капитуляции успокоило умы, положило конец мятежу и восстановило порядок. Наполеон написал епископу Мальты, чтобы успокоить священников, которые были сильно встревожены:

...

«Я с подлинным удовлетворением узнал, господин епископ, о вашем хорошем поведении и приеме, оказанном вами французским войскам при вступлении их в Знатный Город. Вы можете заверить ваш клир, что римско-католическая апостольская вера не только будет уважаться, но и что священникам этой религии будет оказываться особое покровительство… Я не знаю человека более почтенного и заслуживающего уважения, чем священник, который, проникшись подлинным духом Евангелия, уверен в том, что долг его требует послушания светской власти и поддержания мира, спокойствия и единения среди своей паствы… Я желаю, господин епископ, чтобы вы тотчас же явились в город Ла-Валлетту и своим влиянием поддержали порядок и спокойствие среди народа. Я сам отправлюсь туда сегодня вечером. Сразу же по прибытии моем в город вы

представите мне всех священников и руководителей монашеских орденов… Будьте уверены, господин епископ, в моем желании дать вам доказательства уважения и почтения, которые я питаю к вашей особе».

IX

12-го, в 8 часов утра, порты и форты Мальты были переданы французским войскам. Было объявлено, что назавтра прибудет главнокомандующий. Но в час пополудни он высадился инкогнито, обошел крепостные стены, побывал во всех фортах и явился с визитом к великому магистру, чем сильно его озадачил. 13-го на рассвете эскадра вошла в порт. Это было великолепное зрелище. Триста судов встали на якорь без всякого беспорядка. В этом прекрасном порту могло разместиться втрое большее число судов. Склады Мальты были заполнены. На рейде стоял 64-пушечный линейный корабль ордена и еще один находился на стапелях. Чтобы увеличить количество легких судов флота, адмирал забрал две полугалеры и две шебеки. Он взял на эти суда матросов, служивших ордену. Триста турок, находившихся в качестве невольников на каторге, приодели и распределили по линейным кораблям. За армией последовал легион, составленный из батальонов, названных мальтийскими. Он был сформирован из солдат, служивших ордену. На службу [15] поступили также гренадеры гвардии великого магистра и несколько рыцарей. Некоторые жители, говорившие по-арабски, пожелали быть прикомандированными к генералам и различным учреждениям.

Три роты ветеранов, составленные из всех старых солдат ордена, были отправлены на Корфу и на Корсику. В крепости имелось 1200 пушек, 40000 ружей, 1 миллион фунтов пороха. Начальник артиллерии велел погрузить на суда все, что он счел нужным для пополнения и укомплектования материальной части. Эскадра запаслась водой, продовольствием. Склады ржи были очень велики, их содержимого хватило бы городу на три года. Фрегат «Сансибль» отвез во Францию трофеи и несколько редкостей, которые главнокомандующий отправил правительству. Генерал Барагэ-д\'Илье, который в силу непостоянства своего характера пожелал вернуться в Париж, получил разрешение на отъезд, причем ему было поручено доставить штандарт ордена. Все мальтийские рыцари – французы и итальянцы – получили паспорта для въезда во Францию и в Италию. По условиям капитуляции все остальные эвакуировались с острова. К 18 июня

на Мальте не оставалось больше ни одного рыцаря. Великий магистр 17-го отплыл в Триест. Найденная в казнохранилище серебряная посуда стоимостью в миллион была по прибытии в Каир перечеканена в монету.

Генерал Вобуа с 4000 человек гарнизона был оставлен комендантом острова. Чтобы оборонять последний, нужно было иметь 8000. Генерал Бертье приказал послать туда 6000 человек из запасных частей, находившихся в Тулоне, направил туда же 1000 человек с Корсики, 1500 из Чивита-Веккии и 1500 из Генуи. Чтобы полностью снабдить гарнизон, не хватало соленого мяса и медикаментов. Он сообщил об этом военно-морским властям в Тулоне. Наполеон дал почувствовать Директории необходимость переправить на Мальту эти подкрепления, а также все, чего не хватало гарнизону, дабы обеспечить нормальное несение службы в этой важной крепости. 8000 человек могли бы удержать господство над островом и оказались бы тогда в состоянии получать пополнения. Море оставалось свободным в течение июня, июля, августа, сентября. Но Директория, как обычно, ничего не сделала. Вобуа был предоставлен самому себе.

X

Завоевание Мальты вызвало во Франции взрыв энтузиазма, а в Европе – большое удивление. Армия была ослаблена на 4000 человек, но пополнила свой состав 2000 человек Мальтийского легиона. 19 июня, как раз через месяц после того, как он покинул тулонский рейд, флагман дал сигнал к отплытию. Взятие Мальты замедлило движение армии только на шесть дней. Стало известно, что курс будет взят сначала на Кандию. Мнения относительно последующего назначения разделились. Собираются ли возвысить снова Афины или Спарту? Будет ли трехцветное знамя водружено на серале [16] или же на пирамидах и развалинах древних Фив? Или же из Алеппо направятся в Индию???

Эти сомнения перекликались с сомнениями Нельсона.

Глава II Описание Египта

I. Египет. – II. Пустыни Египта. – III. Население древнее и современное; человеческие расы: копты, арабы, мамлюки, османы, сирийцы, греки и др. – IV. Распределение собственности, финансы. – V. Чем стал бы Египет под властью Франции. – VI. Поход на Индию.

I

Египет составляет часть Африки. Расположенный в центре Старого Света, между Средиземным морем и Индийским океаном, он является естественным складочным местом для торговли с Индией. Это обширный оазис, окруженный со всех сторон пустыней и морем. Занимая пространство между 24° и 32° северной широты и 26° и 32° восточной долготы (от Парижа), он окаймлен с севера Средиземным морем, с запада – Ливийской пустыней, с юга – Нубийской, с востока – Красным морем и Суэцким перешейком, отделяющим его от Сирии. Для защиты своих границ Египет не нуждается в крепостях. Их заменяют ему пустыни. На него можно напасть только с моря или через Суэцкий перешеек.

В Египте редко идет дождь – на побережье все же чаще, чем в Каире, а в Каире – чаще, чем в Верхнем Египте. В 1798 г. в Каире однажды шел дождь в течение получаса. Роса выпадает очень обильная. Зимой температура опускается в Нижнем Египте до плюс два градуса по Реомюру, а в Верхнем – повышается до плюс десяти градусов. Летом она достигает 26-28 градусов в Нижнем Египте и 35-36 градусов в Верхнем. Стоячие воды, болота не испускают никаких нездоровых испарений, не порождают никаких болезней, что объясняется исключительной сухостью воздуха. Мясо, выставленное на солнце, скорее высушивается, чем загнивает. На протяжении июня, июля и августа дуют постоянные ветры с севера и северо-запада. В эти месяцы суда затрачивают от десяти до двенадцати дней на переход из Марселя в Александрию, 60-70 на переход от Суэца в Индию. В январе, феврале и марте господствуют юго-восточные ветры. Это время возвращения из Индии и переходов из Александрии в Европу. Хамсин – восточный или южный ветер. Это местный сирокко. Повсюду он неприятен и утомителен; в некоторых частях пустыни он опасен, он вредит урожаю и продуктам земледелия.

Египет – одна из самых прекрасных и плодородных, а также наиболее интересных стран мира. Это колыбель наук и искусств. Там встречаешь самые большие и самые древние памятники, созданные руками человека. Если бы у нас был ключ к

иероглифам, которыми они покрыты, то мы узнали бы неизвестные сейчас вещи относительно первого периода развития общества. Египет состоит: 1) из Нильской долины; 2) из трех оазисов; 3) из шести пустынь. Нильская долина – единственная его часть, представляющая ценность. Если бы Нил был отведен в Красное море или в Ливию до Сиенского катаракта [17] , Египет стал бы всего лишь необитаемой пустыней, ибо эта река заменяет ему дождь и снег. Нил – бог этих мест, их добрый дух и регулятор всех отраслей производственной деятельности; это – Озирис, подобно тому, как Тифон – это пустыня…

II

Египетские арабы – это земледельцы, бедуины или марабуты [18] . Земледелец живет в предоставленных ему или купленных им деревнях; но и здесь он длительное время остается диким. В этих деревнях не видно мечетей, порядочных домов, они состоят из одинаковых хижин, без деревьев. Все там напоминает о пустыне и свирепом характере бедуина. Мужчины – воинственны. Они разводят лошадей. Они непокорны, неохотно переносят иго власти, нелегко выплачивают дань, иногда дерутся с арабами-бедуинами. Они считают себя представителями высшей породы по сравнению с другими феллахами [19] , которых они нередко обижают. Впрочем, они предприимчивы и трудолюбивы. Мамлюки никогда не живут среди них. По мнению арабов, будь то земледельцев или бедуинов, феллахи являются их подданными, а мамлюки и турки – узурпаторами.

Арабы-марабуты не вооружены, не имеют лошадей, обязаны принимать у себя бедуинов и заботиться об их нуждах. Кочевые племена, или бедуины, почти все в той или иной мере занимаются земледелием; но они всегда живут в палатках, никогда не располагаются в домах или хижинах, часто меняют свое местонахождение и кочуют из конца в конец принадлежащей им пустыни, чтобы обеспечить стойбищем своих верблюдов и пользоваться водою из колодцев.

Арабы-бедуины – самая большая язва Египта. Из этого не следует, что их надо уничтожить; напротив, они необходимы. Без них эта прекрасная страна не смогла бы поддерживать никаких связей с Сирией, Аравией, оазисами, королевствами: Сеннар, Дарфур, Абиссиния, Триполи, а также Феццан. Без них перевозка грузов с Нила к Красному морю, из Кены в Косейр, из Каира в Суэц стала бы невозможной. Убыток, который понесла бы страна от их уничтожения, был бы весьма значителен. Бедуины держат большое количество верблюдов, лошадей, ослов, баранов, быков и т.д., которые составляют часть богатств Египта. Натуральная сода, египетская кассия, камедь, тростник, камыш, для добывания

которых надо углубиться в пустыню на несколько дневных переходов, были бы потеряны. Уничтожить их [20] было бы возможно; но из внутренней части Африки и из Аравии явились бы многочисленные племена с целью захватить их страну, являющуюся предметом вожделений всех этих кочевых племен. Когда Нил вздымается и происходят сильные наводнения, как, например, в 1800 г., весть об этом передается из уст в уста, достигает Центральной Африки, и многочисленные племена проходят по 500 лье, чтобы стать лагерем в затопленной таким необычным наводнением части пустыни, произвести посев и жить там. Племена египетских арабов противятся тому, чтобы иностранцы приходили жить в их владениях. Нередко им приходится драться. Это сопротивление сдерживает племена Великой пустыни. Уничтожить бедуинов было бы все равно, что островитянам уничтожить все корабли, потому что большое число этих последних используется пиратами. Когда Египтом управляли с твердостью и справедливостью, арабы были усмирены; каждое племя отвечало за свою часть пустыни и прилегающей к ней части границы. Это царство справедливости положило конец злоупотреблениям, и племена, подобно мелким вассалам, обеспечивали спокойствие в стране, а не нарушали его.

Подчинение арабов имеет большое значение для процветания Египта. Это предварительное условие всякого прогресса. Чтобы подчинить арабов, необходимо: 1) занять оазисы и колодцы; 2) организовать полки верблюжьей кавалерии, приучить их к пребыванию в пустыне в течение целых месяцев, без возвращения в долину; 3) создать большую администрацию и суд для рассмотрения дел, наказания и наблюдения за кочевыми племенами. Основы подобной организации были заложены в 1799 г. Сначала были приняты два образца башен. Первый – высотою в 24 фута, в два этажа, с двумя пушками на платформе, кордегардией на 40 человек гарнизона, рвом, контрэскарпом, контрэскарповой галереей, плацдармами и наружным рвом, с оградой, снабженной бойницами, каждая сторона которой должна была иметь протяжение в 200 туазов, причем заключенное в этой ограде пространство простреливалось картечью с башни. В ограде находился продовольственный склад, способный питать гарнизон в течение ста дней, и резервный склад для полка верблюжьей кавалерии с десятидневным запасом. На одном из плацдармов были предусмотрены колодцы, тщательно выложенные камнем и содержащиеся в превосходном состоянии, а также цистерна для дождевой воды. Башня второго образца имела 15 футов в высоту, один этаж, две пушки на платформе, 15 человек гарнизона, склад с продовольствием, необходимым этим 15 человекам в течение

100 дней, резервный склад для роты верблюжьей кавалерии с десятидневным запасом, один или несколько колодцев, цистерну и наружный ров, каждая сторона которого равнялась 100 туазам. В 1800-1801 гг. должно было быть построено 20 башен первого образца и 40 второго, а именно: 8 – в пустыне Бахейра, 8 – в пустыне Малого оазиса, у пирамид и Файюма; 2 – в самом этом оазисе; 10 – в пустыне Большого оазиса; 5 – в самом этом оазисе; 5 – у колодцев на дорогах в Исну и Асьют; 8 башен – в четвертой и пятой пустынях, на пяти дорогах в Косейр; 12 – в Суэцкой пустыне, независимо от фортов Суэца, Аль-Ариша и Тины. Эти башни господствовали бы над двенадцатью важнейшими источниками воды: Катия, Мансура, Зави, Рафия, оазис Тумилат, Бир-Саба и т. д. Гарнизон этих башен должен был состоять из: сержанта артиллерии и 9 канониров, всего по десяти человек на одну малую башню; сержанта артиллерии, капрала и 13 канониров – всего по 15 человек на одну башню первого образца; итого: 760 канониров. Полки́ верблюжьей кавалерии должны были выделить по 5 человек на каждую малую башню и по 25 на каждую большую. Эти башни должны были служить опорными пунктами и защитою для такого же числа деревень, которые, находясь в сфере обстрела и за оградою, были бы гарантированы от нападений бедуинов. Крестьяне, пользующиеся такой защитой, смогли бы заниматься земледелием, пасти скот, обеспечивать продовольствием проходящие караваны и вести с ними торговлю.

Было решено создать шесть полков верблюжьей кавалерии, по одному на каждую пустыню, возложив снабжение их продовольствием и выплату жалованья на прилегающие к ним области. Каждый полк должен был состоять из 900 человек, 750 дромадеров [21] и 250 лошадей, переносящих запас продовольствия на 50 дней. Один дромадер переносит 4 квинтала.

	Квинталов	
750 дромадеров	3000	3500
250 лошадей (по 2 квинтала)	500	
Один человек весит 180 фунтов, а 900 человек	1620	3340
Продовольствие на 50 дней для 900 человек	450	
Корм на 25 дней на 250 лошадей (по 10 фунтов на день)	625	
Корм для 750 дромадеров на 25 дней (по 2 фунта на день)	375	
Вода для 900 человек на 50 дней (по 4 фунта на день)	180	
Вода для 250 лошадей на 3 дня (по 12 фунтов на день)	90	

Каждый солдат был вооружен копьем, ружьем со штыком, имел патронташ, 100 патронов, мешок. Каждым полком должен был командовать бей – полковник, под начальством которого находились: кахья [22] – майор, два адъютанта, четыре киашифа – капитана, четыре лейтенанта и младших лейтенанта; таким образом, на роту приходилось по три офицера и еще барабанщик, два трубача и 225 человек. Каждому полку придавалось по две пушки, которые тащили шесть верблюдов. Следовательно, для сдерживания пустыни требовалось 5400 человек, то есть расход в 4 миллиона. Это не составляет и десятой части убытков, которые причиняют стране бесчинства бедуинов. Шестью полками должны были командовать великий шейх пустыни (дивизионный генерал), два кахья (бригадные генералы), шесть беев (полковников), двадцать четыре киашифа (подполковника), один киашиф артиллерии и один инженерных войск.

При великом шейхе пустыни должен был состоять диван [23] в составе одного кахьи, четырех улемов [24] и писаря, которому надлежало разбирать спорные дела, возникающие между арабами и феллахами, а также между племенами. Была создана бригада французских солдат, посаженных на 1500 дромадеров. Было сказано:

1) Племена, кочующие по шести пустыням Египта, должны будут – через посредство их шейха и шести знатных лиц – принести присягу на верность великому шейху пустыни.

2) Племена получат фирман инвеституры [25] , в котором будет указана территория принадлежащей им части пустыни и определено количество всадников и верблюдов, которые они должны предоставить султану Египта. Общая численность этих контингентов была установлена в 5000 всадников на лошадях и 2000 на дромадерах, а также в 700 верблюдов, по одному

ездовому на трех верблюдов.

3) По смерти шейха его сан принимает наследник, который в течение трех месяцев обязан явиться к великому шейху для принесения присяги и получения фирмана; при этом ему выдается почетный ментик.

4) Один из десяти старейшин племени будет находиться вместе со своей семьей в Каире, в качестве ответственного лица и для сношений с диваном по делам пустынь. Шестеро детей в возрасте от 10 до 18 лет будут обучаться при мечети Аль-Азхар основам Корана, а также арабскому и французскому письму и счету.

5) Великий шейх пустыни придет на помощь племенам, на территорию которых вторгнутся племена Великих пустынь. Всякий спор между двумя племенами будет рассматриваться диваном, а решение последнего – передаваться представителю племени, который перешлет его своему вождю, бею пустыни, для исполнения.

6) Всякий спор между племенами и феллахами рассматривается диваном. Виновниками всякого оскорбления, нанесенного в пустыне египтянам, считаются арабы соответствующего племени; всякое оскорбление, нанесенное на границе каким-либо арабом, считается нанесенным членом данного племени.

7) Сопровождение караванов путешественников в пределах каждой пустыни и предоставление верблюдов являются обязанностью племени.

Возникающие в связи с этим затруднения рассматриваются диваном.

8) После рассмотрения дела диваном великий шейх присуждает племя к уплате лошадьми, верблюдами, быками, баранами штрафа, соответствующего тарифу, установленному за убийство или нанесение раны. Убытки феллахов возмещаются племенем, которое, кроме того, приговаривается к штрафу в порядке наказания и взыскания издержек.

9) В случае убийства или ранения улема, мультазима [26] , имама [27] , шейх-аль-беледа [28] или европейца племя обязано выдать дивану преступника либо вместо него – одного из 50 старейшин племени, который доставляется в диван и приговаривается к смерти, наказанию палками или тюрьме, в зависимости от тяжести проступка, совершенного членом племени.

10) Когда племя проявляет непослушание, оно объявляется на подозрении. Заявление об этом делается представителю племени, который доводит о нем до сведения своего вождя, и

месяц спустя племя обязано выдать в качестве заложников 12 старейшин. Если оно объявляется мятежным, этот приговор направляется всем беям и на все башни; ему закрывается доступ к воде и пастбищам; колонны дромадеров преследуют его и уничтожают. Его часть пустыни передается другому племени.

11) Арабам воспрещается иметь пушки, ружья со штыками, крепостные ружья, возводить какие бы то ни было укрепления, проделывать бойницы в стенах помещений духовных братств и домов.

12) Каждый год великий шейх будет лично объезжать различные пустыни либо поручать это своим кахья. Великий шейх и беи пустыни будут заботиться о снабжении башен и других фортов, регулярно направляя туда караваны, сопровождаемые отрядами верблюжьей кавалерии. Караваны паломников, а также торговые с момента вступления в пустыни Египта будут сопровождаться отрядами полка верблюжьей кавалерии, платя за эскорт по установленному тарифу.

III

Поверхность Египта составляет 45 000 квадратных лье, из них менее 4000 приходится на долину Нила, 400 на три оазиса и 40 000 – на пустыни. Долина Нила имеет население в три миллиона жителей; население пустынь и оазисов – от 160 000 до 200 000. Историк Иосиф [29] определил население Египта в 7 500 000, Амру [30] – в 26 000 000, живущих в 26 000 городах и деревнях. Шесть веков спустя арабские географы определяли его в 5 000 000, живущих в 4900 городах или деревнях. Могут ли 4000 квадратных лье предоставить возможность существования и прокормить население в 20 000 000, то есть 5000 человек на квадратный лье? Во Фландрии на квадратный лье приходится 2400 человек, значит, эта цифра вдвое больше фландрской. Но следует помнить, что эти квадратные лье покрываются во время паводка водами Нила; что там нет ни пустошей, поросших вереском, ни гор, ни ландов [31] , которые нужно вычесть из общей цифры, что вся земля там пригодная для обработки; что нильский ил устраняет надобность в паровых полях и позволяет снимать три урожая в год и что, наконец, сама почва более плодородна, а южные народы отличаются большей трезвенностью. Следовательно, население могло достигать 5000 на квадратный лье.

Эфиопы и короли кочевых народов, царствовавшие в Египте, смешали кровь народов Центральной Африки и пустынной Аравии с кровью египтян. За 500 лет до Рождества Христова персы, а 200 лет спустя – греки принесли в Египет кровь Мидии, Ирака и Греции; еще через 300 лет Египет стал римской

провинцией; там поселилось много жителей Италии. К моменту арабского вторжения в VII в. египтяне были католиками.

Прошло немного лет, и большинство коренных жителей стали мусульманами. В настоящее время невозможно отличить мусульман, происходящих от семей, которые поселились в Египте в период арабского вторжения и после него, от потомков древних жителей – христиан, принявших ислам, за исключением, впрочем, знатных родов, имеющих подобно шейхам Аль-Бекри и Сада исторические генеалогии. Копты, остающиеся еще христианами, – коренные жители страны. Их насчитывается 80 000-100 000 душ. Они не воины. Это – деловые люди, сборщики податей, банкиры, писцы. Они имеют своих епископов, церкви и монастыри; они не признают Папу.

Мамлюки обосновались в Египте в X в. У них были свои султаны, Саладин Великий являлся мамлюком. Они царствовали в Египте и Сирии до XVI в. Селим, император османов, покончил с их господством и присоединил Сирию и Египет к своей империи. Он оставил 40000 человек для охраны своих завоеваний и разделил их на семь отрядов ополчения: шесть, состоящих из османов, и один – из мамлюков. С этой целью он собрал все, что пережило поражение последних. Он поручил управление страной паше, 24 беям, корпорации эфенди [32] и двум диванам. Из этих 24 беев один был кахьей или заместителем паши; трое являлись комендантами крепостей Александрия, Дамиетта и Суэц; они получали приказы непосредственно из Константинополя; пятый был казначеем; шестой – эмир-хаджи [33] ; на седьмого была возложена доставка дани султану; четверо командовали войсками в пограничных областях. Остальные 12 беев оставались в распоряжении паши [34] . Большой диван состоял из бея-кахья, казначея, первого эфенди, четырех муфтиев [35] , четырех великих шейхов и семи представителей семи отрядов ополчения. Ага-янычар [36] был старшим из генералов. Седьмой отряд – мамлюкский, состоявший из самых красивых и храбрых воинов, сделался и самым многочисленным. Первые шесть отрядов ослабели, вскоре в них осталось только 7000 человек, в то время как одних мамлюков было больше 6000. В 1646 г. произошел полный переворот. Турки были удалены из крепостей, и мамлюки завладели всем. Их начальник принял титул шейх-аль-беледа Каира. Паша лишился всего. В 1767 г. шейх-аль-белед Али-бей объявил себя независимым, стал чеканить собственную монету, захватил Мекку, начал войну в Сирии, вступил в союз с русскими. Беями стали тогда и остаются поныне одни мамлюки. В 1798 г. каждый из двадцати четырех беев имел более или менее многочисленную дружину. Наиболее слабые имели по 200

мамлюков. Отряд Мурад-бея достигал 1200. Эти 24 бея составляли сообщество, подчинявшееся наиболее влиятельным из них. Они делили между собой все владения и должности.

Мамлюки рождаются христианами, покупаются в возрасте 7-8 лет в Грузии, в Мингрелии, на Кавказе, доставляются константинопольскими торговцами в Каир и продаются беям. Они – белые и являются красивыми мужчинами. Начиная с самого низшего положения при дворе бея, они постепенно возвышались, становясь мультазимами в деревнях, киашифами [37] или губернаторами провинций и, наконец, беями. В Египте их род не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками. У них не бывало детей или же дети, рождавшиеся от этих браков, умирали, не достигнув зрелости. От браков с коренными жительницами у них рождались дети, доживавшие до старости; однако род их редко продолжался до третьего поколения, что вынуждало их пополнять свои ряды путем покупки детей на Кавказе. Количество мамлюков – мужчин, женщин и детей – исчислялось в 1798 г. 50 тысячами. Они могли выставить 12 000 всадников.

Оттоманская раса, турки или османы, состоит из потомков родов, которые завоевали страну в XVI в. или же обосновались там позднее, прибыв из Турции в качестве эфенди, кади [38] , эмиров, или для занятия должностей в шести отрядах ополчения, либо, наконец, по торговым делам. Эта раса, включая женщин, детей и стариков, насчитывала в 1798 г. 40 000 человек; все они жили в Каире, Александрии, Дамиетте и Розетте.

Магрибинцы происходят из Марокко, Туниса, Алжира и Триполи. Это потомки паломников, направлявшихся в Мекку и вступивших по пути туда в брак с негритянками или женщинами из Абиссинии, Сеннара, Барбара или дочерьми сирийцев, греков, армян, евреев, французов. В 1798 г. их насчитывалось 10 0000 душ.

IV

Мультазимы – сеньоры и владельцы деревень. Они назначают на все общественные должности, ведают сбором податей, осуществляют полицейские и административные функции. Каждая деревня имеет: 1) шейх-аль-беледа – это староста – и несколько шейхов, служащих ему помощниками; должности эти, по существу, наследственные, и сын становится преемником отца; 2) шахеба, или делегата; он избирается феллахами, это их человек, он ведет кадастр всех затопляемых земель, налагаемых на них податей и взносов, делаемых феллахами в течение года; 3) мешеда – своего рода судьи-кудесника; 4) саррафа – копта, присылаемого управляющим мультазима для пребывания в

течение года в общине и руководства составлением списков и взимания платежей; это сборщик; 5) хаули, или землемера; это один из феллахов деревни, который производит обмер ежегодно затопляемых земель; 6) гафиров; это сельские стражники, которые охраняют урожай, водные источники и дамбы и, завидев бедуинов, дают сигнал тревоги; 7) имама; это священник; 8) брадобрея и столяра, которые оплачиваются общиной и содержатся на ее счет.

Мультазим имеет право продавать, отчуждать и закладывать свою деревню, которая после его смерти переходит к его наследнику – по закону или по завещанию. Последний получает от губернатора фирман инвеституры и уплачивает ему единовременный налог, равный трехлетнему доходу с земли. Феллах является пролетарием или собственником. Если он пролетарий, то живет тем, что заработает за день, занимается каким-нибудь ремеслом или держит лавочку. Он может владеть двумя видами собственности: 1) домом, обстановкой, скотом, деньгами; 2) собственностью типа «атар» , то есть неотъемлемым правом на обработку поля. Это право он может отчуждать, закладывать и передавать его своему наследнику. Он обрабатывает свое поле, как считает нужным, никому в этом не отчитываясь, коль скоро вносит оброк мультазиму. Если мультазим умирает, не оставив наследника, вся его собственность переходит к правительству. Если феллах умирает, не оставив наследника, его собственность первого рода отходит к правительству; но его «атар», или второй род собственности, переходит к мультазиму, который обязан перепродать его другому феллаху. Имеются земли, обработкой которых занимается сам мультазим, другие он сдает в аренду на один год или несколько лет, третьи он заставляет обрабатывать феллахов в порядке барщины. Такие земли называются «васиями» [39] . Площадь земель «васия» относится к площади земель «атар», как 10:10 000. В Верхнем Египте имеются только земли «атар», а «васия» вовсе отсутствуют.

Феллах выплачивает мультазиму «маль-аль-хур», то есть оброк. Последний обязан вносить подати государю и местным властям. Размер «маль-аль-хура» зависит от характера паводка, культуры, которой было засеяно поле, и числа снятых урожаев. Существует тариф, предусматривающий размер оброка с каждого феддана [40] земли при любых из упомянутых условий. Феддан, с которого получают индиго, сахар, лен, рис и т.д., облагается выше, чем засеянный рожью. Тариф «маль-аль-хура» был установлен императором Селимом в XVI в.; но происшедшие с тех пор изменения в монетной системе и произвол мультазимов,

более сильных, чем бедные феллахи, привели к его удвоению – либо посредством введения дополнительных сборов, именуемых «новыми киашифскими сборами», либо с помощью повышения старинных сборов. Совокупность всех этих сборов составляла «маль-аль-хур» 1798 г., который превышал старинный более чем вдвое.

Мультазим выплачивает из собраного «маль-аль-хура»: 1) «мири», или подать государю, размер которой не изменялся со времени установления его императором Селимом в 1520 г.; 2) сборы на киашифов; избыток, который называется «фаиз», составляет доход мультазима. Имеется несоответствие между этим доходом и тем, что выплачивает мультазим в форме «мири» и сбора на киашифов. По подсчетам коптов, в обычные годы «маль-аль-хур» дает 30 миллионов франков. Сбор на киашифов составляет 20%, или одну пятую, – 6 миллионов. «Мири» составляет 6 400 000 франков, то есть немного более одной пятой. Следовательно, «фаиз», или доход мультазимов, составляет 17 600 000 франков – около трех пятых.

Кроме того, феллах уплачивает местные сборы, размер которых меняется; эти сборы не входят в «маль-аль-хур». Их определяют в шесть миллионов. Таким образом, общая сумма поземельных налогов в Египте составляет 36 миллионов франков, не считая продукцию «васия» и «ризк» [41] и владений мечетей, госпиталей, священных городов Мекка и Медина, с которых никаких налогов не взимается. Вакфы представляют собой владения благотворительных учреждений, также освобожденные от всяких налогов. Они состоят из садов, зданий и ренты с мультазимов, идущей на те же цели. Часть «маль-аль-хура» в провинциях Верхнего Египта (то есть Саида) – Асьют и Миния и половине провинции Бени-Суэйф вносится рожью и ячменем. Эти провинции сдают в качестве «маль-аль-хура» 1 800 000 ардебов ржи, пшеницы и ячменя, и, значит, площадь обрабатываемых земель составляет в них 900 000 федданов. Всего же в этих провинциях 1 700 000 федданов земли. Это составляет одну треть всего Египта, причем площадь затопляемых земель достигает почти 1700 квадратных лье (из расчета 25 лье на градус).

В 1798 г. персональное обложение давало 2 миллиона франков; сборы с должностных лиц, христиан и таможен – 6 миллионов; мелкие сборы давали в совокупности 2 миллиона; итого – 10 миллионов. Из этих 10 миллионов один заносился на счет государя, в качестве мири. Таким образом, в целом налоги и сборы с Египта составляли 46 миллионов франков, включая 16 миллионов фаиза мультазимов; мири, шедший государю, равнялся в целом 7 400 000 франков.

Взимание «маль-аль-хура» поручается исключительно коптам. Они действуют в качестве управляющих мультазимов, сборщиков на службе у губернаторов и различного рода саррафов. Они образуют секретное сообщество и делят между собой барыши, которые весьма значительны; 1) они устанавливают размер натуральных сборов с феллахов; 2) они наживаются на местных расходах; 3) пользуясь разницей в монете, они принимают патак [42] , достоинством в 90 медин, за 82-83 медины, причем феллах теряет 8-9%; 4) наконец, они получают незаконные доходы, предоставляя льготы феллахам при составлении податных списков и земельных кадастров, а также применяя тариф, установленный для менее выгодных культур. Хорошо осведомленные лица оценивают незаконные доходы коптов от составления кадастров в 8 миллионов франков. Шейх-аль-беледы также получают большие доходы. Зная об этом, мультазимы, до урегулирования счетов, заставляют их вносить ежегодную ренту или взимают с них иные поборы. Незаконные доходы шейх-аль-беледов определяются в 6 миллионов франков. В-третьих, мамлюкские губернаторы провинций и окружные начальники также взимают поборы лошадьми, верблюдами, продуктами, деньгами. Эти поборы оцениваются в 4 миллиона франков. Наконец, арабы требуют уплаты за покровительство или произвольно налагают контрибуции. Это оценивается в 9 миллионов. В конечном счете за все должен платить феллах. Названные четыре больших язвы обременяют земли на сумму в 27 миллионов. Если бы все это шло в казну, доход ее возрос бы до 73 миллионов франков, а за вычетом 17 миллионов фаиза составлял бы 56 миллионов. Один миллион в Египте равен 3 миллионам во Франции, поскольку рожь продается по 3 франка за квинтал, дневной труд мужчины оплачивается 8 су, а прокорм лошади обходится в 6 су, стоимость различных продуктов, домашней птицы и т.д. составляет одну пятую цены, по которой они продаются во Франции. 50 миллионов в Египте соответствуют 150 миллионам во Франции.

При Птолемеях подати давали 168 миллионов. После завоевания Амру в VII в. они давали 144 миллиона. В течение 40 месяцев французского управления стране пришлось выдержать: 1) завоевательную войну 1798 г.; 2) войну и вторжение великого везира в 1800 г.; 3) вторжение англичан в 1801 г. Тем не менее за эти 40 месяцев французская казна извлекла из нее 80 миллионов. Мамлюки облагали Египет со своей стороны, армия великого везира – со своей, английская армия тоже дорого обошлась стране. Арабы полностью использовали этот период кризиса. Доходы Египта в нынешнем его состоянии можно определить в 50

миллионов. Господин Эстев, ведавший финансами, исчислял доходы за 1801 г. 48 миллионами франков, причем страна была охвачена войной, а торговле на Средиземном море препятствовали крейсировавшие в нем вражеские корабли.

V

Египет может уже сейчас (1799 г.) обеспечить содержание армии в 50 000 человек и эскадры в 15 линейных кораблей, частью на Средиземном море, частью на Красном, а также многочисленной флотилии на Ниле и на озерах. Его территория может предоставить все необходимое, кроме леса и железа, которые он будет получать из Албании и Сирии и из Европы в обмен на свои произведения. Его доходы составляют 50-60 миллионов. Но какого процветания смогла бы достигнуть эта прекрасная страна, если бы ей выпало счастье пользоваться в течение десяти лет мира благами французского управления? В этот промежуток времени укрепление Александрии было бы завершено; этот город стал бы одной из сильнейших крепостей Европы [43] ; ее население было бы весьма значительным; строительство верфи было бы закончено; через канал Рахмания Нил постоянно вливался бы в старый порт, что обеспечило бы проход самых крупных джерм [44] ; вся торговля Розетты и почти вся торговля Дамиетты сосредоточились бы в этом порту, равно как и военные и военно-морские учреждения. Александрия сама по себе стала бы богатым городом; воды Нила, разлившись вокруг нее, сделали бы плодородными большое количество пригородных земель, и проживание на этих землях явилось бы одновременно приятным, полезным для здоровья и безопасным; открылось бы сообщение между двумя морями [45] ; в Суэце были бы созданы верфи; город и порт были бы прикрыты фортификационными сооружениями; оросительные каналы, отходящие от магистрального, и обширные цистерны давали бы воду окрестностям города; в порту Миос-Ормос, который стал бы служить базой красноморской эскадре, были бы построены новые поселения и фортификационные сооружения; озера Мадия, Буруллус и Манзала были бы осушены полностью или в значительной мере, что вернуло бы сельскому хозяйству чрезвычайно ценные земли; растения, дающие колониальные товары, а именно: сахар, хлопок, рис, индиго, – покрыли бы весь Верхний Египет, заменив произведения Сан-Доминго; несколько шлюзов и нагнетательных насосов позволили бы регулировать систему затопления и орошения.

Но чем станет эта прекрасная страна после 50 лет процветания и хорошего управления? Воображению предстает волшебная картина! Тысяча шлюзов обуздает и будет

распределять воды паводка по всем частям страны; 8 или 10 миллиардов кубических туазов воды, которые пропадают каждый год в море, распределялись бы между всеми низменными районами пустыни, озером Мерис, озером Мареотис и Безводной рекою, до оазисов и значительно дальше на запад, а в восточном направлении поступали бы в Горькие озера и во все низменные районы Суэцкого перешейка и пустынь между Красным морем и Нилом; большое количество нагнетательных насосов и ветряных мельниц поднимали бы воду в водохранилища, оттуда ее можно было бы брать для орошения; многочисленные эмигранты из внутренней части Африки, Аравии, Сирии, Греции, Франции, Италии, Польши, Германии учетверили бы население; торговля с Индией вернулась бы на свой древний путь благодаря необоримой силе естественных условий; к тому же, господствуя в Египте, Франция господствовала бы и в Индостане.

Но я уже слышу, как говорят, что столь могущественная колония не замедлила бы провозгласить свою независимость. Это, без сомнения, так. Как во времена Сезостриса и Птолемеев, великая нация заселила бы эти ныне столь пустынные земли; своей правой рукой она опиралась бы на Индию, а левой – на Европу. Если бы только местные условия определяли благосостояние и величину городов, то Александрия, в большей степени, нежели Рим, Константинополь, Париж, Лондон, Амстердам, была бы призвана играть роль столицы мира.

VI

От Каира до Инда так же далеко, как от Байонны до Москвы. Армия в 60 000 человек, посаженных на 50 000 верблюдов и 10 000 лошадей, имея с собой запас продовольствия на 50 дней и воды на 6 дней, достигла бы за 40 дней Евфрата и через 4 месяца оказалась бы на берегу Инда, среди сикхов, маратхов и народов Индостана, с нетерпением ждущих своего часа, чтобы сбросить гнетущее их ярмо!!!

После 50 лет владения Египтом цивилизация распространилась бы во внутренней части Африки через Сеннар, Абиссинию, Дарфур, Феццан; несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны прийти свет и счастье!!!

Глава III Завоевание Нижнего Египта

I. Переход от Мальты к берегам Египта; высадка в Марабуте; марш на Александрию (1 июля). – II. Штурм Александрии (2 июля); арабы-бедуины; эскадра встает на якорь у Абукира. – III. Марш на Каир; бой у Рахмани (10 июля). – IV. Бой у Шубрахита (13 июля). – V. Марш до Эмбабы. – VI. Битва у пирамид (21 июля). – VII. Переправа через Нил; вступление в Каир (23 июля). – VIII. Бой у Салихии; Ибрагим-бей изгоняется из Египта (11 августа). – IX. Возвращение Наполеона в Каир; он узнает о гибели эскадры (15 августа). – X. Если бы французы вели себя в Египте в 1250 г. так же, как в 1798-м, они бы достигли успеха; если бы в 1798 г. они вели себя, как в 1250 г., они были бы разбиты и изгнаны из страны.

I

После семи дней весьма спокойного плавания эскадра подошла к Кандии. Этот знаменитый Крит чрезвычайно возбуждал французское любопытство. На следующий день фрегат, отправленный в Неаполь, присоединился к адмиралу, принеся весть о том, что Нельсон с тринадцатью 74-пушечными линейными кораблями появился перед этой столицей 20 июня, а оттуда направился к Мальте. Получив эти известия, Наполеон приказал взять курс на мыс Арас, то есть на 30 лье западнее, чтобы подойти к Африке с наветренной стороны Александрии и, таким образом, не показываться перед этим портом, пока не будут получены данные о том, что там происходит. Туда был направлен фрегат, чтобы принять на борт французского консула. Если его прогонят, он должен был взять ложный курс. 29 июня с легкой эскадры был замечен мыс Арас. Одна из шебек остановила каботажное судно, вышедшее 28-го из Александрии. Последнее сообщило, что в этом городе нет ничего нового. 31-го были замечены башня Арабов, Помпеева колонна и город Александрия. Французский консул сообщил, что Нельсон с тринадцатью 74-пушечными линейными кораблями и одним фрегатом появился 28 июня перед Александрией, заявив, что он занят поисками французской армии, а затем отплыл в направлении Караманийского берега [46] ; что турки, будучи весьма встревожены, днем и ночью заделывают бреши в стенах; что христианам угрожает нож. Морские офицеры не опасались встретиться в открытом море с эскадрой, настолько уступавшей в силе их собственной, но боялись быть атакованными, когда они будут заняты высадкой сухопутной армии или после этой

высадки. Они особенно рассчитывали на храбрость этих ветеранов Итальянской кампании, взявших столько трофеев.

Наполеон приказал высадить десант в тот же вечер. Конвой приблизился к суше на высоте Марабута. Флагманский корабль, столкнувшись с другим, был вынужден встать на якорь в трех лье от берега. Море было бурным, и солдаты с большим трудом сели в шлюпки и преодолели рифы, которые закрывают вход на рейд Александрии и находятся перед участком взморья, избранным для десантной операции. 19 человек утонули. Адмирал подал руку главнокомандующему, чтобы помочь ему спуститься в его катер, и, когда последний стал удаляться, воскликнул: «Счастье покидает меня». Эти слова оказались пророческими!!! Перед высадкой десанта был издан приказ, в котором говорилось: «Солдаты… вы наносите Англии наиболее чувствительный удар, в ожидании того, чтобы нанести ей удар смертельный… вы преуспеете во всех ваших предприятиях… судьба вам благоприятствует… через несколько дней мамлюки, оскорбившие Францию, не будут более существовать… народы, среди которых вы будете жить, имеют символ веры: «Нет бога, кроме Бога, и Магомет – пророк Его!». Не противоречьте им… Римские легионы любили все религии… Грабежи бесчестят армии и приносят выгоду лишь немногим… Город, который лежит перед вами, город, куда вы вступите завтра, построен Александром!!!».

В 9 часов вечера генерал Мену высадился первым у Марабута. У него был провансальский лоцман, бывавший в этих местах. Главнокомандующий после утомительного и довольно рискованного перехода на катере в час ночи вступил на берег подле гробницы святого Сиди-аль-Палабри. В 3 часа он велел дать сигнал сбора и провел смотр высадившимся уже войскам. В наличии оказалось 4500 человек из всех полков. Ярко светила луна. Беловатая сухая почва Африки была освещена, как днем. После долгого и опасного плавания люди очутились на взморье древнего Египта, населенного восточными нациями, чуждыми нашим нравам, нашим обычаям и нашей религии; однако под давлением обстоятельств было срочно необходимо с горстью людей, без артиллерии, без кавалерии, штурмовать и взять приступом крепость, защищаемую вооруженным и фанатизированным населением. Сколько опасностей, сколько событий, сколько случайностей, сколько утомительных трудов впереди! .. Дезэ с 600 человек своей дивизии остался для охраны плацдарма и организации войск по мере высадки их на сушу. Маленькая армия двинулась вперед тремя колоннами. Мену, командовавший левой, имел 1800 человек; Клебер, командовавший центральной, – 900; Бон, командовавший

правой, – 1200; всего 3900 человек. Главнокомандующий шел пешком; не было еще выгружено ни одной лошади.

Флот, состоявший из почти трехсот судов, среди которых насчитывалось много первоклассных, представлял собой зрелище, не переставшее волновать жителей Александрии в течение всего вечера 1 июля. Если этот флот намеревался овладеть их городом, то, как они полагали, кораблям следовало направиться на абукирский рейд; в этом случае для высадки армии потребовалось бы столько времени, что они [47] получили бы передышку в несколько дней. Они удвоили свою энергию, чтобы завершить вооружение. Но в час ночи комендант города Кораим узнал от одного араба-бедуина, что неверные овладели фортом Марабут, море покрыто их шлюпками, а взморье почернело от высаженных на нем солдат. Тогда он сел на коня и поскакал туда во главе двадцати мамлюков. На рассвете он столкнулся с ротой французских стрелков из боевого охранения, атаковал ее, отрубил голову командовавшему ею капитану и с триумфом возил ее по улицам Александрии. Это зрелище наэлектризовало население. В 5 часов на флангах армии были замечены первые бедуины, а вскоре после этого их оказалось уже 400 или 500. То были воины племени хенади – наиболее свирепые арабы в этих пустынях. Они были почти голые, черные и худые; их лошади казались клячами; за исключением шлема, каждый из них был Дон Кихотом, как его изображают на гравюрах; но их клячи передвигались с быстротой молнии; пущенные в галоп, они могли остановиться с разбега – качество, присущее лошадям в этих местах. Увидев, что армия не имела кавалерии, они осмелели и ринулись в интервалы между колоннами, а также пытались атаковать их с тыла. Был момент, когда всех охватила тревога. Сообщение с местом высадки было прервано. Солдаты остановились, чтобы перестроить ряды. Со своей стороны Дезэ выставил посты и приготовился к бою.

Если бы 500 арабов являлись мамлюками, то в этот первый момент, когда солдаты были поражены, а их возбужденное воображение – открыто для восприятия любых впечатлений, они достигли бы больших успехов. Но эти арабы были столь же трусливы, сколь храбры были мамлюки, произведшие атаку часом раньше. Французские стрелки построились по четыре в ряд и, не колеблясь, двинулись навстречу этой коннице. Марш армии замедлился; она опасалась засад. После восхода солнца жара стала невыносимой. Северо-западный ветер, столь освежающий в это время года, поднялся только к 9 часам. Арабы взяли дюжину пленных, которые сильно возбудили их любопытство. Они восхищались белизной их кожи, и некоторые из пленных, возвращенные несколько дней спустя, сообщили забавные и

вместе ужасные подробности о нравах этих людей пустыни.

II

В 6 часов Наполеон заметил Помпееву колонну, а вскоре затем зубчатую стену ограды Арабов; затем одни за другими стали видны минареты города и мачты турецкой каравеллы, стоявшей на якоре в порту. В 8 часов, находясь на расстоянии пушечного выстрела от города, он поднялся на пьедестал Помпеевой колонны, чтобы осмотреть крепость. Стены были высокие и очень толстые; чтобы пробить их, понадобились бы 24-фунтовые пушки; однако в них имелось много наспех заделанных брешей. Эти стены были покрыты людьми, видимо охваченными сильным волнением. Это были кавалеристы, пехотинцы, вооруженные ружьями и копьями, женщины, дети, старики и т.д. Наполеон отдал приказы. Мену штурмовал ограду справа, близ треугольного форта; Клебер – в центре; Бон направился на абукирскую дорогу, чтобы проникнуть в город через Розеттские ворота. Началась перестрелка. Хотя орудия осажденных стреляли плохо, они произвели некоторое впечатление на осаждающих, у которых пушек не было вовсе. Французские стрелки с присущей им сметкой залегли в песчаных дюнах. Все три атаки удались; стена была преодолена. Генералы Клебер и Мену были ранены, идя на штурм во главе своих гренадер. Дивизия Бона не встретила таких препятствий и, хотя была наиболее удаленной, первая взобралась на вторую стену, ограждающую полуостров, где расположен современный город. Бон штурмом овладел ею. Стрелки проникли на улицы. В стенах домов имелись бойницы. Возникла сильная перестрелка. Главнокомандующий направился на высоту форта Каффарелли. Он послал явившегося к нему капитана турецкой каравеллы с предложением сдаться. Этот офицер сумел дать понять шейхам, улемам и знатным лицам, что городу грозит полное уничтожение. Они подчинились.

Наполеон въехал в город, окруженный ими, и остановился в доме консула Франции; это было в полдень. На углу одной из улиц пуля, выпущенная из окна дома, задела его левый сапог. Егеря его охраны поднялись на крышу, вошли в дом и нашли в забаррикадированной комнате одного турка с шестью ружьями. Его убили на месте. Французы потеряли убитыми и ранеными 300 человек; потери турок составили 700-800 человек. Комендант Кораим вместе с наиболее отважными из своих людей перебрался на остров Фарос. Его там блокировали. Всю ночь длились переговоры, которые привели к благоприятному исходу. Кораим капитулировал, присоединился к французскому главнокомандующему, объявил себя его рабом, принес присягу. Ему были поручены полицейские функции в городе, ибо анархия

есть самый большой враг, которого следует страшиться завоевателю, особенно в стране со столь отличным языком, нравами и религией. Кораим восстановил порядок, провел разоружение населения, предоставил армии все, в чем она нуждалась. К Наполеону привязалось и сохранило ему верность также и другое важное лицо, пользовавшееся большой популярностью – шейх Аль-Месри, улем, шериф [48] и глава церкви в городе, весьма почитаемый за ученость и святость. Более просвещенный, нежели его соотечественники, он имел представление о правосудии и хорошем управлении, которое представляло собой контраст со всем, что его окружало. Кораим пользовался влиянием благодаря своей отваге, храбрости его главных рабов и большому богатству; шейх Аль-Месри – благодаря своим добродетелям, благочестию и справедливости, которая руководила всеми его действиями.

2-го вечером конвой, имея впереди два 64-пушечных линейных корабля и фрегаты, служившие охраной, вошел в старый порт; артиллерия, инженерные войска, административные учреждения выбрали для себя места расположения и склады; их личный состав работал всю ночь, выгружая лошадей, обоз и материальную часть. Генерал Дезэ в тот же вечер выступил из города и занял позицию в полутора лье, на дороге в Даманхур, примкнув своим левым флангом к озеру Мадия.

Бертье приказал расклеить по городу и раздать жителям большое количество прокламаций на французском, арабском и турецком языках, содержание которых в основном сводилось к следующему: «Кадьи, шейхи, улемы, имамы, чорбаджии [49] , народ Египта!! Довольно беи оскорбляли Францию; час возмездия наступил… Бог, от которого зависит все, сказал: царству мамлюков пришел конец… Вам скажут, что я пришел погубить религию ислама… отвечайте, что я люблю Пророка и Коран, что я пришел восстановить ваши права… Во все века мы были друзьями великого султана. .. Трижды счастливы те, кто выскажется за нас! Счастливы те, кто останутся нейтральными, у них будет время, чтобы узнать нас. Горе безумцам, которые поднимут на нас оружие, они погибнут! Деревни, которые захотят отдаться под наше покровительство, поднимут на минарете главной мечети флаг султана, а также армии… С деревнями, жители которых совершат враждебные действия, поступят по закону военного времени; если такие случаи будут иметь место, их сожгут. Шейх-аль-беледы, имамы, муэдзины утверждаются на занимаемых должностях».

Главнокомандующий написал паше письмо, которое было доставлено ему в Каир офицером с турецкой каравеллы. В письме

говорилось: «Французское правительство несколько раз обращалось к Высокой Порте, требуя наказания беев и прекращения оскорблений, которым подвергалась наша нация в Египте; Высокая Порта заявила, что мамлюки – люди жадные и капризные… и что она лишает их имперского покровительства… Французская республика посылает сильную армию, чтобы положить конец разбоям, подобно тому, как она это делала несколько раз в отношении Алжира и Триполи… Итак, выйди мне навстречу».

700 турецких рабов, освобожденных на Мальте, были отправлены по суше на родину. Среди них были уроженцы Триполи, Алжира, Туниса, Марокко, Дамаска, Сирии, Смирны и самого Константинополя. Их хорошо кормили, хорошо одевали, с ними обращались уважительно. Им были выданы денежные суммы, достаточные для покрытия дорожных расходов. Сердца их были наполнены благодарностью. Они распространили по всей Турецкой империи весть о победе французов, свое мнение об их могуществе и добрых намерениях в отношении мусульман; они не уставали славить великодушие Наполеона; им едва хватало запаса слов, чтобы выразить переполнявшие их чувства. Они произвели самое приятное впечатление на всем Востоке.

Армия нуждалась в лошадях для своей кавалерии, верблюдах для перевозки материальной части и продовольствия. Ресурсы, которые могла предоставить Александрия, были незначительны. Одни только арабы Бахейры могли удовлетворить все нужды. С другой стороны, важно было завоевать их симпатии, чтобы предохранить коммуникации и тылы армии. Кораим направил им на дромадерах свободные пропуска. Он был их покровителем, и они поспешили явиться на его зов. 4 июля 30 шейхов племен хенади, аулад-али и бениаунус прибыли в главную квартиру. Вид этих людей пустыни возбудил любопытство солдат, а все, что они [50] видели во французской армии, – возбуждало большое любопытство в них самих. Они прикасались ко всему. Они подписали договор, по которому обязались держать открытой дорогу из Александрии в Даманхур даже для отдельных лиц; представить в 48 часов 300 лошадей по цене в 240 ливров и 500 дромадеров по цене в 120 ливров; сдать внаем 1000 верблюдов с погонщиками; вернуть всех взятых ими пленных. Они ели и пили вместе с главнокомандующим. В качестве задатка и в подарок им была выдана тысяча луидоров. Армия поздравила себя с этим счастливым событием, которое казалось и счастливым предзнаменованием. Назавтра они вернули 12 солдат, взятых ими в плен, представили 80 лошадей и сотню верблюдов, остальных они обещали сдать в ближайшие дни.

Между тем эскадра все еще не входила в порт, оставаясь в открытом море. Турецкие лоцманы отказались провести в порт 74-пушечные линейные корабли и тем более 80-пушечные. Капитану Баррэ было поручено проверить фарватеры и произвести промер глубин. Однако поскольку корабли эскадры были загромождены большим количеством артиллерии и прочего армейского имущества, адмирал пожелал стать на якорь на абукирском рейде, чтобы освободиться от него и облегчить корабли. Он указывал на то, что под парусами на это потребуется неделя, а на якорной стоянке он сделает все за 3 дня. Между тем 13 июля капитан Баррэ представил свой рапорт. Он заявил, что эскадра может входить без всяких опасений. Наполеон немедленно послал адмиралу соответствующий приказ. Но рапорт капитана Баррэ подвергся критике. Адмирал собрал своих контр-адмиралов и капитанов 1-го ранга. Этот военно-морской совет решил, что необходима проверка. Между тем главнокомандующий покинул Александрию и направился в Каир. Отбывая, он послал адмиралу повторный приказ войти в порт Александрии; если же это будет признано невозможным, он должен идти на Корфу и получить там приказ французского посланника в Константинополе; если же такого приказа не оказалось бы, ему надлежало идти в Тулон и взять там под свою охрану готовившийся к выходу в море конвой, на котором находилось 6000 человек, отставших от своих полков по причине болезни или отпуска, в связи с быстротой и секретностью движения войск к Тулону.

Генерал Клебер, нуждавшийся в отдыхе для лечения своей раны, был оставлен в Александрии в качестве коменданта города и провинции, с гарнизоном в 8000-9000 человек [51] . Полковник Кретэн, один из лучших офицеров инженерных войск, получил инструкцию относительно фортификационных сооружений крепости. Имелось много препятствий; он преодолел их все и за несколько месяцев соорудил форты на трех господствующих высотах; в этой работе он применил все секреты своего искусства. Марабут, Фарос и подступы к портам были защищены батареями 36-фунтовых пушек и дальнобойных мортир. С тех пор всякий раз, как англичане пытались к ним приблизиться, им приходилось в этом раскаиваться.

III

Армия двинулась на Каир. Она состояла из шести дивизий под командой генералов Дезэ, Ренье, Бона, Дюгуа и Виаля; резерва в 2600 человек под командой генерала Мюрата и двух бригад спешенной кавалерии численностью в 1500 человек каждая, под командой бригадных генералов Зайончека и

Андреосси. Пешая и конная артиллерия состояла из 42 пушек, 4 кузниц, 6 запасных лафетов, 50 зарядных ящиков, запряженных 500 лошадей или мулов; остальные боеприпасы были навьючены на мулов. Общая численность составляла 21 000 человек всех родов войск.

Контр-адмирал Перрэ, отважный моряк из порта Сен-Валери-сюр-Сомм, взял на себя командование Нильской флотилией, состоявшей из двух полугалер, трех полушебек, четырех посыльных судов и шести вооруженных джерм, то есть из пятнадцати судов с командами из французских моряков общей численностью 600 человек. Нельзя было терять времени, чтобы вступить в столицу, воспользовавшись первым моментом растерянности и не дав противнику вооружить и укрепить этот большой город. 5 июля генерал Дюгуа двинулся на Розетту со своей дивизией и обеими бригадами спешенной кавалерии. Контр-адмирал Перрэ с флотилией отправился к озеру Мадия, чтобы переправить через него войска. 6-го генерал Дюгуа, следуя берегом моря, достиг устья Нила и овладел фортом Жюльен в то самое время, как контр-адмирал Перрэ прошел богаз [52] и бросил якорь перед Розеттой. Генерал Мену принял на себя командование в этой провинции. Его рана требовала отдыха. В качестве гарнизона ему был оставлен батальон пехоты, артиллерийская батарея без упряжек, пятьсот спешенных кавалеристов с седлами, которых он должен был обеспечить лошадьми, и, наконец, два вооруженных судна. Контр-адмирал Перрэ собрал баржи, необходимые для погрузки бригад спешенной кавалерии, их седел и обоза, продовольствия и боеприпасов. Он взял этот конвой под свою охрану. 9-го он отплыл из Розетты и поднялся вверх по Нилу. Генерал Дюгуа со своей дивизией следовал за ним, поднимаясь по левому берегу.

Четыре остальные дивизии и резерв двинулись на Даманхур. Дезэ выступил 4-го и прибыл туда 6-го, Ренье выступил 5-го, Бон – 6-го, Виаль – 7-го на рассвете. Главнокомандующий с резервом выступил того же числа, в 5 часов пополудни. От Александрии до Дамиетты – 15 лье; это равнина, обычно удобряемая нильским паводком, но в силу ряда обстоятельств в 1797 г. этого не произошло. Было то время года, когда уровень Нила – самый низкий. Все колодцы высохли, и, начиная с Александрии, армия нигде не могла найти воды до самого колодца Беда. Она не была подготовлена к маршу по такой местности. Она сильно страдала от жаркого солнца, отсутствия тени и воды. Она невзлюбила эти обширные пустыни и особенно арабов-бедуинов.

Последние в тот момент, когда они отправлялись в путь, чтобы сдать лошадей и верблюдов, в соответствии с

александрийским договором, получили фетфу [53] улемов и шейхов Каира, приказывавшую им взяться за оружие для защиты религии Пророка, которой угрожают неверные. Это изменило их прежде добрые намерения. Они заявили Кораиму, что, поскольку их религия поставлена под угрозу, они считают договор аннулированным. Пять их племен, располагавших 1800 лошадьми, открыли 7-го военные действия; эти арабы все время находились на флангах, в тылу и перед фронтом армии. Они с величайшей ловкостью укрывались в малейших складках местности и молниеносно набрасывались на всех солдат, выходивших из строя. Кавалерия армии была немногочисленной, лошади переутомлены и к тому же гораздо худшего качества, чем арабские. Французские колонны, окруженные бедуинами, напоминали эскадры, за которыми следуют акулы, или, как говорили солдаты, «объездные команды были тут за полицию». Эта полиция была суровой, но она способствовала поддержанию порядка. Солдат к ней привык. Он избавился от привычки тащиться и выходить из строя. Он больше не шел вперед без охранения с флангов. Обоз двигался в порядке посреди колонн. Лагеря разбивались самым тщательным образом, причем не забывалось ни одно правило станорасположения. «Франки» [54] , у которых солдаты наводили справки в Александрии, охотно рисовали им самые соблазнительные картины: в Даманхуре они найдут всю роскошь Востока, жизненные удобства, богатую торговлю большого города, столицы обширной провинции; там все по-другому, чем в Александрии.

Наполеон двигался всю ночь. Он прошел бивуаки нескольких дивизий. В три часа ночи, когда луна зашла и мрак чрезвычайно сгустился, сторожевые огни дивизии Бона погасли; егеря охраны наткнулись на бивуаки. Один часовой выстрелил… Крик «К оружию!» поставил на ноги всю дивизию. Солдаты открыли огонь двумя шеренгами, который продолжался довольно долго; наконец они признали друг друга. Армия была охвачена своего рода ужасом, воображение солдат было распалено, все было внове, и все им не нравилось.

В 8 часов утра, после шестнадцатичасового марша, Наполеон увидел наконец Даманхур. Город был окружен пальмовым лесом. Мечетей было, как видно, много, в небе вырисовывались изящные силуэты их минаретов. На нескольких соседних холмах виднелись могилы святых. Город показал себя с наилучшей стороны; это была Модена, Кремона или Феррара. Но тут был допущен просчет. Дезэ направился навстречу главнокомандующему и повел его в своего рода ригу, без окон и дверей. Там собрались шейх-аль-беледы, шахебы, саррафы, имамы, главные шейхи,

которые угостили его чашкой молока и галетами, испеченными в золе. Какое пиршество для штаба Итальянской армии! Не так встречали его в Милане, в Брешии, в Вероне, в ученой Болонье; пришлось, однако, только посмеяться над этим. «Франки», следовавшие за армией, и особенно Магаллон [55] , сделались объектами насмешек солдат. Эти бедные люди знали из всего Египта только Каир, Розетту и Александрию. Спускаясь по Нилу на джермах, под беспокойными взглядами турок, они не входили ни в одну деревню и составили себе представление о стране на основании живописных зрелищ, которые можно было видеть с верхушек мачт.

Главная квартира расположилась на искусственном лугу, у опушки очень красивого леса акаций. Вода была хорошей и имелась в изобилии. Бивуаки находились в тени, не было недостатка в соломе, овощах, мясе. Оставались еще морские сухари. Как люди, так и лошади нуждались в отдыхе. Этот отдых был им дан 9-го. Бригадный генерал Мюирер, направившийся с одного бивуака на другой, невзирая на предупреждение передовых постов, был настигнут четырьмя арабами в небольшой долине, в ста шагах от этих постов, и пронзен ударами копий. Это был выдающийся офицер в армии, о нем сожалели. 10-го перед рассветом армия снова была на марше. В 9 часов утра у Рахмании она достигла Нила и радостными криками приветствовала эту чудесную реку. Генералы и солдаты, не раздеваясь, бросились в нее, чтобы освежиться. Рахмания – поселок, не такой большой, как Даманхур, но окруженный более плодородной местностью и богаче первого.

Между тем 5 июля в Каир пришла весть, что армия неверных провела высадку, штурмовала и взяла Александрию, что армия эта имеет весьма многочисленную пехоту, но лишена кавалерии. Беи и их киашифы испускали крики радости. В Каире устроили иллюминацию. «Это арбузы, которые надо разрезать», – говорили они. Не было мамлюка, который не обещал себе срезать сотню голов; эта армия, будь в ней хоть сто тысяч человек, будет уничтожена, потому что ей придется идти через равнины, окаймляющие Нил! Несчастные, с такими-то иллюзиями готовились они выступить навстречу французской армии!!! 5-го вечером один бей выступил с 600 мамлюками в направлении на Даманхур, чтобы собрать арабов Бахейры и замедлить продвижение армии. Он достиг Даманхура 10-го, в тот момент, когда дивизия Дезэ, составлявшая арьергард, снималась с бивуаков. Войска Дезэ двигались всей дивизией, сомкнутой колонной, с артиллерией в голове и в хвосте колонны и обозом в центре, между двумя бригадами. При виде врага он приказал

построиться, приняв дистанцию между взводами, и продолжал марш, вступая в стычки с этой прекрасной кавалерией, которая наконец решилась атаковать его. Дезэ тотчас же скомандовал: «Повзводно, направо и налево, огонь двумя шеренгами!». Трудно описать удивление и растерянность мамлюков, когда они увидели стойкость этой пехоты и ужасающий огонь ружейный и картечью, который с такого большого расстояния повсюду нес им смерть. Несколько храбрецов погибли на штыках. Большая часть отряда удалилась за пределы досягаемости артиллерийского огня. Тогда Дезэ снова перестроил свою дивизию – из каре в походный порядок, потеряв в этом бою только четырех человек. Когда Мурад-бей узнал об этом странном случае, которого не мог объяснить, он разгневался на бея и киашифов, которые дали себя запугать количеством, словно мамлюки могли вообще считаться с пешеходами на равнине. 10-го, 11-го и 12-го армия провела в Рахмании, флотилия и дивизия Дюгуа присоединились к ней 12-го утром. Флотилия была нужна, чтобы обеспечить маневр на обоих берегах, а также для борьбы с многочисленной и хорошо вооруженной флотилией мамлюков. Количество бедуинов возрастало с каждым днем. Французы оказались как бы блокированными в лагере Рахмания. Посты бедуинов находились на расстоянии ружейного выстрела от боевого охранения. Они заметили, что французские лошади ничего не стоят, что преисполнило их презрением к нашей кавалерии.

В этот момент расположение армии было таково: Клебер находился в Александрии с конвоем и эскадрой, которую полагали вошедшей в порт; его гарнизон занимал абукирский замок; у него был один полк пехоты – 69-й, тысяча канониров, саперов и рабочих, 2000 человек из запасных пехотных частей и спешенной кавалерии; всего 6500 человек линейных войск и 3500 человек, составлявших команды транспортных судов и организованных как национальная гвардия, что доводило численность гарнизона, независимо от эскадры, до 9-10 тысяч человек. Мену находился в Розетте с 1200 человек и тремя посыльными судами. Лагерь в Рахмании насчитывал 20 000 человек. Саперы укрепили мечеть, расположенную на высоте Даманхур; там находились 300 человек и две пушки, которые были найдены гарнизоном Александрии.

В Рахмании признали необходимым соорудить редут на 300 человек и установить три пушки, что и было сделано. Контр-адмирал Перрэ оставил там вооруженный баркас для несения полицейской службы на Ниле.

IV

6-го Мурад-бей выступил из Каира с 3000 мамлюков, 2000

пеших янычар и многочисленной флотилией, состоявшей из 60 судов, в том числе 25 вооруженных. Он созвал к себе всех арабов Файюма. Он рассчитывал, что успеет вовремя прибыть в Даманхур для поддержки своего авангарда. За ним следовал Ибрагим-бей с еще более многочисленными силами. В Терране он узнал о деле у Рахмании, взятии Розетты и движении армии на Каир. Он направился в Шубрахит, соорудил там две 9-пушечные батареи и приказал возвести у деревни укрепление, куда поставил своих янычар. Его флотилия стала на якорь, примкнув левый фланг к деревне, а правый – к дельте.

12-го в 7 часов вечера французская армия встала лагерем в деревне Минья, в одном лье от Рахмании. Ей был дан приказ выступить в час ночи. Было чрезвычайно важно не дать Мурад-бею времени закончить сооружение ретраншементов и завершить сосредоточение своих сил. Как только взошла луна, армия была уже на марше. К 8 часам она заметила войска Мурад-бея, правый фланг которого, состоявший полностью из мамлюков, упирался в деревню Шубрахит; левый фланг, образованный двумя тысячами арабов, уходил в пустыню. Это зрелище всех преисполнило удивления. Каждого мамлюка обслуживали 3-4 человека, и арабы находились в постоянном движении. Линия Мурад-бея насчитывала, как казалось, от 15 000 до 18 000 человек. Бедуины Бахейры перерезали, сообразно своему обычаю, коммуникации с Рахманией и гарцевали на наших тылах и флангах. Они окружили также Александрию, Даманхур и Розетту. Армия приняла боевой порядок и развернулась на пространстве в 1800 туазов, примкнув левым флангом к небольшой деревне у Нила, а правым – к большой деревне близ пустыни. Войска Дезэ образовали правый фланг; он приказал укрепить деревню, оставил в ней батальон и три пушки; он построил свою дивизию в одно каре протяжением по фронту в 150 туазов и по флангу – в 25; в 100 туазах позади деревни левый фланг, под командой генерала Виаля, построился таким же образом; остальные три дивизии расположились в промежутке между ними, взаимно прикрывая фланги, с центром немного позади. Кавалерия, разделенная на пять взводов, была размещена посреди каре; резерв – в двух деревнях, расположенных в 1000 туазах позади линии и отстоящих друг от друга на 800-900 туазов, причем каждую деревню забаррикадировали и разместили в ней полбатареи. Если враги умели оценить эти позиции, они должны были показаться им грозными. Из 36 имевшихся в наличии пушек 18 могли бить в одну точку.

В течение нескольких часов обе армии наблюдали друг за другом. Французы поджидали свою флотилию, но она стояла еще

на якоре у Рахмании и не могла двигаться вверх по реке, пока не поднимется северный ветер, что произошло только в 8 часов. Солнце, игравшее на шлемах и панцирях мамлюков, придавало этому прекрасному войску особенный блеск. По восточному обычаю произошло большое число поединков между наиболее смелыми из мамлюков и неустрашимыми альпийскими стрелками. Мамлюк демонстрировал всю свою ловкость и храбрость, он вызывал наше восхищение. Он был привязан к своей лошади, которая, казалось, разделяла все его страсти; с саблей, подвешенной к запястью, он стрелял из своего карабина, мушкетона и четырех пистолетов и, разрядив таким образом шесть образцов огнестрельного оружия, огибал взвод стрелков и с поразительной ловкостью проскакивал между ними и боевой линией. Было замечено, что семь начальников, с отрядами отборных воинов, служивших им охраною, собрались в центральном пункте, на холмике; то были беи, державшие совет. В одно мгновение эта прекрасная конница, во главе с семью беями, пустилась вскачь и проникла в промежуток между каре генерала Ренье и каре генерала Дюгуа, где находился главнокомандующий, без сомнения, рассчитывая найти их открытыми с тыла и ударить им в спину. Картечь и ружейный огонь с фронта каре, тотчас же затем – с флангов и, наконец, – с тыла убили и ранили многих из них. Несколько храбрецов, бросившихся на каре с тыла, погибли на штыках. Но когда Мурад-бей заметил, что с тыла огонь столь же силен, сколь и с фронта, он поспешно удалился и атаковал две укрепленные деревни, где был поставлен резерв. Снова испытав действие картечи, он на галопе совершил поворот налево и остановился в полулье от правого фланга армии. На поле боя остались 60 мамлюков. Их останки порадовали солдат. У них есть обычай, отправляясь в бой, носить все свое золото в поясе. Независимо от этого, конь, одежда и оружие стоили много, и это заставило солдат понять, что страна, имеющая столь богатых защитников, не могла быть такой нищей, как они думали.

Французская линия осталась неподвижной. Она ожидала вторичной атаки. Наконец она завидела мачты флотилии. Был час пополудни. Четверть часа спустя на Ниле началась ужасающая канонада. Контр-адмирал, шедший впереди, приказал принять боевой порядок и миновал деревню Шубрахит. Он ударил в середину линии судов противника; врагу, располагавшему превосходством в силах, удалось взять на абордаж одну из его полугалер, и сам он оказался в опасности; но с помощью искусных маневров он спас флотилию. Как только Наполеон заметил опасность, угрожающую его военно-морским силам, он

приказал линии пехоты двинуться вперед. Левая дивизия атаковала деревню Шубрахит. Турецкие батареи были сняты. Две тысячи янычар, которым грозила опасность быть отрезанными и окруженными французской армией, бежали после некоторого сопротивления. Мамлюки, испуганные и ничего не понимавшие во всем происходящем, держались вне пределов досягаемости артиллерийского огня и отступали по мере продвижения линии вперед. Огонь стрелков, разместившихся в домах деревни Шубрахит и вдоль дамбы, а также 8-ми 12-фунтовых пушек и гаубиц, расставленных на берег у Нила, быстро изменил судьбы речного сражения. Турецкие моряки, как наиболее искусные, поняли опасность своего положения, повернули на другой галс и воспользовались ветром, чтобы удалиться, идя против течения. Остальные сделали это позднее, но у них уже не хватило времени; им пришлось поджечь свои суда. В это время года северный ветер обыкновенно прекращается в 4-5 часов пополудни. С другой стороны, еще до Шабура Нил делает изгиб. Следовательно, было возможно овладеть остатками флотилии. Пять дивизий армии, построившись в колонны, двинулись по пяти направлениям на дистанции развертывания, прямо через поле. Увидев, что его воины испуганы и обескуражены, Мурад-бей исчез из виду, поспешно направившись к Каиру. В 6 часов пополудни армия встала лагерем у Шабура. Поняв, что они отрезаны, турецкие экипажи укрылись в дельте и подожгли свои суда; несколько из этих судов удалось спасти. Лагерь разбили в лесу из диких смоковниц. С наступлением ночи контр-адмирал Перрэ бросил якорь на высоте деревни. В этот день французы потеряли 300-400 человек убитыми и ранеными. Три четверти из них были матросы. Монж, Бертолле, секретарь Бурьен, находившиеся на флотилии, в момент опасности вели себя хладнокровно и безропотно. Мамлюки потеряли: 300 наиболее отважных всадников убитыми, ранеными и пленными; 400-500 пехотинцев и членов экипажей их флотилии; девять плохих железных пушек на морских лафетах, которые они свели в батарею и поставили у Шубрахита, и всю свою флотилию.

С этого момента Мурад-бей не надеялся более на спасение. Он понял, что равенство в вооружении отсутствует, что одного мужества недостаточно для победы и что пехота не столь уже достойна презрения, как ему казалось до тех пор. Действительно, 10000 мамлюков не побоялись бы атаковать в открытом поле 50-тысячную армию османов. Они распространили по Каиру тысячи слухов. Все, что они увидели, все услышанные ими рассказы, все, что они узнали на собственном опыте, произвело такой переворот в их взглядах, что они склонялись к мысли о колдовстве.

Французский султан – волшебник, который держит всех солдат связанными толстой белой веревкой, и в зависимости от того, в какую сторону он ее тянет, солдаты поворачиваются направо или налево, как один человек; они называли его отцом огня, чтобы передать интенсивность огня артиллерии, стрелявшей картечью, а также ружейного огня его пехоты.

Между тем арабы тревожили войска на марше, не давали отдельным отрядам отдаляться от армии, что крайне затрудняло доставку продовольствия. Генералы Зайончек и Андреосси высадились со своею бригадой в дельте и двинулись параллельно армии по правому берегу, не будучи вынуждены вести бои ни с арабами, ни с [другими] врагами; они заготовили припасы в изобилии и доставили их армии. За несколько дней они добыли сотню лошадей, что позволило им вести разведку. Бой у Шубрахита был славным для французской армии. Правда, у нее было на поле сражения 20 000 человек и 42 пушки, в то время как противник располагал фактически лишь 8000 воинов; но это был первый раз, когда она встретилась лицом к лицу с этой прекрасной и грозной кавалерией.

V

13-е число утомило армию. Она сделала добрых 7 лье, не считая передвижений в ходе боя. Стояла сильная жара, марш по потрескавшимся от нее нолям был очень трудным. Флотилия не могла сняться с якоря ранее 9 часов, когда поднимается северный ветер. Между тем нужно было двигаться во взаимодействии с нею, чтобы поддерживать связь с правым берегом и оказывать друг другу поддержку. 14-го армия выступила очень поздно и с наступлением темноты достигла Кум-Шерифа, где начинается оросительный канал, несущий воды Нила в провинцию Марьют. Солдаты находили в изобилии арбузы, эти исключительно освежающие плоды, и, хотя ели их чересчур много, не испытывали от этого никаких неудобств. 15-го армия встала лагерем в арабской деревне Аль-Кам. В этот день она прошла всего 3 1/2 лье. 16-го она достигла Абу-Нешаба; она сделала 4 1/2 лье. Там пустыня подходила очень близко к Нилу. 17-го армия стала лагерем у Вардана, под сенью пальм. С правого берега она получила партию продовольствия. Она двигалась вперед небольшими переходами, выходя в путь в два часа ночи и становясь на отдых к девяти. Причиной этого была сильнейшая жара, трудность заготовки продовольствия, неудобства, создававшиеся арабами, из-за которых колоннам приходилось идти медленно, чтобы никто не отставал, необходимость дожидаться флотилии, на которую передавались больные и переутомленные, что позволяло не занимать промежуточных

пунктов, а значит, не ослаблять армию. Наконец, нужно было в любое время находиться в состоянии боевой готовности, ибо ежедневно поступали сведения об огромных приготовлениях в Каире.

Беи, янычары, арабы, ополчение выступили из города и двигались навстречу неверным. Генерал Зайончек встал на позицию в том пункте, где Нил разделяется на два рукава, образуя дельту; пункт этот именуется «Коровьим брюхом». Евреи во время блуждания по пустыне сожалели о египетских котлах, полных мяса, лука и различных овощей, которых, как они говорили, можно было есть досыта; французы не переставали громко вспоминать наслаждения Италии, в течение двух недель их неудовольствие все возрастало, они сравнивали этот варварский народ, речь которого не могли понимать, жилища этих жалких феллахов, столь же тупых, как их буйволы, эти высушенные солнцем, открытые и лишенные тени равнины, этот Нил – тщедушный ручеек, несущий грязную и мутную воду, наконец, этих ужасных людей пустыни, таких уродливых, таких свирепых, и их женщин – еще более грязных, чем они сами, с цветущими и плодородными равнинами Ломбардии, с общительным, кротким и просвещенным населением венецианских владений. Они жаловались, что находятся в стране, где нельзя достать ни хлеба, ни вина. Им отвечали, что страна эта не только не нищая, а, наоборот, самая богатая в мире; что у них будут хлеб и вино, как только они достигнут Каира; что местность, в которой они находятся, была житницей Рима и оставалась таковой для Константинополя. Ничто не могло успокоить возбужденные умы. Когда «франки» рассказывали о красоте и богатстве Каира, солдаты печально возражали: «Вы говорили нам то же самое о Даманхуре. Каир, быть может, в два или три раза больше, но все равно он окажется кучей лачуг, лишенных всего того, что может сделать жизнь сносной». Наполеон часто подходил к своим солдатам и говорил им, что «воды Нила, который в данный момент так мало соответствует своей репутации, начинают подниматься, и скоро он оправдает все, что они о нем слышали; что они становятся лагерем на копнах ржи, а скоро у них будут мельницы и печи; что эта земля, столь голая, однообразная и печальная, по которой они передвигаются с таким трудом, скоро покроется нивами и даст обильный урожай, который напомнит им о плодородии берегов По и о тамошнем изобилии; что у них есть чечевица, бобы, куры, голуби, что их жалобы преувеличены, что жара, без сомнения, чрезмерна, но станет переносимой, когда они будут на отдыхе и переформировании; что во время Итальянских кампаний

переходы в июле и августе также были весьма утомительными». Но эти речи давали лишь преходящий эффект. Генералы и офицеры роптали еще громче солдат. Тяготы этой войны являли собой особенно разительный контраст с дворцами и замками Италии.

Армия была охвачена смутной меланхолией, которую ничто не могло преодолеть, она была подвержена приступам тоски, и несколько солдат бросились в Нил, чтобы найти в нем быструю смерть. Ежедневно, расположившись на бивуаках, солдаты прежде всего чувствовали потребность высказаться. Выйдя из Нила [56] , они принимались говорить о политике, предаваться отчаянию, жаловаться на печальное положение вещей. «Зачем мы пришли сюда? Директория нас сослала!» Иногда они принимались жалеть своего начальника, который всегда располагался на ночлег на берегах Нила и был лишен всего, подобно последнему солдату. Обед штаба состоял часто из тарелки чечевицы. «Это от него хотели отделаться, – говорили они, – но вместо того, чтобы вести нас сюда, почему он не дал нам сигнала выгнать его врагов из дворца, подобно тому, как мы выгнали клишийцев [57] ?» Заметив, что всюду, где обнаруживались следы древней цивилизации, ученые останавливались и проводили раскопки, они вообразили, что именно ученые посоветовали отправить экспедицию, чтобы разыскивать древности. Это настроило солдат против ученых. Они называли ослов учеными. Во главе Комиссии [58] стоял Каффарелли. У этого бравого генерала была деревянная нога. Он много двигался. Он обходил ряды, чтобы читать мораль солдату. Он говорил только о красотах страны, о великих последствиях этого завоевания. Иногда, выслушав его, солдаты роптали; но французская веселость брала верх. «Ей-богу, – сказал ему как-то один солдат, – вам на это наплевать, потому что у вас одна нога во Франции!!» Эти слова, передававшиеся с бивуака на бивуак, заставили смеяться все лагеря. Впрочем, солдат никогда не отказывал в помощи членам Комиссии искусств, которых в глубине души уважал; и, когда эта первая вспышка миновала, Каффарелли и ученые стали пользоваться их уважением. Французская находчивость также помогала найти выход из положения. Одни толкли рожь, чтобы добыть муку, другие жарили зерно на сковороде, а затем варили жареным, получая здоровую и питательную пищу.

19-го армия достигла Улем-Динара, напротив начала дельты и в 5 лье от Каира. Она в первый раз увидела пирамиды. Все бинокли были направлены на эти величайшие и древнейшие памятники, созданные человеком. Три пирамиды виднелись в пустыне на горизонте. Они казались тремя огромными скалами.

Но если приглядеться к ним внимательнее, правильность граней позволяет распознать руку человека. Была видна также мечеть Мокаттам. Ниже находился Каир. 20-го армия получила отдых, а затем ей был дан приказ приготовиться к бою. Противник занял позицию на левом берегу Нила, напротив Каира, между Эмбабой и пирамидами. У него была многочисленная пехота, кавалерия и артиллерия. Значительная флотилия, в составе которой находился даже фрегат, прикрывала его лагерь. Французская флотилия осталась позади. Она, впрочем, сильно уступала вражеской в численности. Поскольку Нил стоял очень низко, пришлось отказаться от всякого рода вспомогательных средств, которые находились на реке, и от услуг, которые она могла оказать. Мамлюки, аги, моряки, гордые своей численностью и занятой ими отличной позицией, ободряемые взглядами своих отцов, матерей, жен, детей, были исполнены задора и уверенности. Они говорили, «что у подножья этих пирамид, построенных их отцами, французы найдут себе могилу и закончат свой жизненный путь!!!».

VI

21-го в 2 часа утра армия снялась с места. На рассвете она встретила авангард мамлюков, который исчез после нескольких пушечных выстрелов. В 8 часов тысячи солдатских глоток испустили крик радости при виде 400 минаретов Каира. Таким образом, им было доказано, что существует большой город, не идущий ни в какое сравнение со всем, что они видели со времени высадки. В 9 часов они заметили боевые порядки вражеской армии. Правый фланг, состоявший из 20 000 янычар, арабов и каирских ополченцев, находился в укрепленном лагере перед деревней Эмбаба, на левом берегу Нила, напротив Булака; этот укрепленный лагерь был вооружен 40 пушками; центр составлял кавалерийский корпус из 12 000 мамлюков, ага, шейхов и других знатных лиц Египта – все они были на лошадях и имели при себе 3-4 пеших слуг, так что всего в линии находилось 50 000 человек. Левый фланг, составленный из 8000 арабов-бедуинов, примыкал к пирамидам. Эта линия имела протяжение в три лье. Нил, от Эмбабы до Булака и Старого Каира, едва вмещал флотилию, мачты которой казались лесом. Она состояла из трехсот судов. Правый берег был покрыт всем населением Каира – мужчинами, женщинами, детьми, которые поспешили туда, чтобы наблюдать за битвой, от которой зависела их участь. Они придавали ей тем большее значение, что в случае поражения сделались бы рабами этих неверных.

Французская армия избрала тот же боевой порядок, который пришелся так кстати у Шубрахита, но встала параллельно Нилу,

поскольку на этой реке господствовал противник. Офицеры штаба провели рекогносцировку укрепленного лагеря. Он был защищен простыми траншеями, которые могли явиться некоторым препятствием для кавалерии, но чья ценность в случае пехотной атаки равнялась нулю. К работам только приступили, и велись они по плохому плану. Их начали лишь две недели назад. Пушки были железные, на морских лафетах; они являлись неподвижными, и ими нельзя было маневрировать. В пехоте было заметно мало порядка, и она была не способна к действию на равнине. План ее состоял в том, чтобы обороняться за своими ретраншементами. Она не представляла большой опасности, равно как и арабы, ценность которых в деле равна нулю. Следовало опасаться только корпуса мамлюков; но он был не в состоянии сопротивляться. Дезэ, двигавшийся впереди, сделал захождение направо и прошел в двух пушечных выстрелах от укрепленного лагеря, подставив ему свой левый фланг, а затем направился против центра линии мамлюков. Ренье, Дюгуа, Виаль и Бон следовали за ним на некотором расстоянии. Напротив того пункта в линии противника, которую хотели прорвать, лежала деревня. Она послужила ориентиром. Около получаса армия двигалась в таком порядке и в полном молчании, но затем Мурад-бей, являвшийся главнокомандующим, догадался о намерении французского главнокомандующего, хотя не имел никакого опыта маневрирования в бою. Природа наделила его величием и блестящим мужеством и проницательностью. Он охватил мысленным взором все поле сражения с таким искусством, которое сделало бы честь самому законченному полководцу. Он понял, что погибнет, если позволит французской армии завершить свой маневр, и что, имея многочисленную кавалерию, ему следует атаковать французскую пехоту на марше. С семью или восемью тысячами всадников он устремился к ней с быстротой молнии, проскакал между дивизиями Дезэ и Ренье и окружил их. Этот маневр был проделан с такой быстротой, что одно мгновение сомневались, успеет ли генерал Дезэ занять оборонительную позицию. Его артиллерия застряла в пальмовом лесу. Но первые мамлюки, достигшие его дивизии, были немногочисленны. Залп сбросил половину из них на землю. Генерал Дезэ успел построить своих солдат в каре. Со всех четырех сторон его атакующих стала поражать картечь и ружейный огонь. Генерал Ренье, со своей стороны, не замедлил занять оборонительную позицию и открыть огонь со всех сторон. Дивизия Дюгуа, с которой находился главнокомандующий, изменила направление движения и очутилась между Нилом и войсками генерала Дезэ, отрезав этим маневром противника от

лагеря Эмбаба и преградив ему путь к реке; вскоре она оказалась в состоянии открыть артиллерийский огонь в хвост мамлюкам. 45 или 50 наиболее отважных беев, киашифов, мамлюков погибли в самих каре. Поле сражения покрылось убитыми и ранеными. В течение получаса они [59] упорно гарцевали в пределах досягаемости картечи, переносясь из одного промежутка в другой, среди пыли, лошадей, дыма, картечи, пуль и стонов умирающих. Но в конце концов, ничего не достигнув, они удалились за пределы досягаемости огня. Мурад-бей с 3000 всадников отошел на Гизу, по дороге в Верхний Египет. Остальные, очутившись позади каре, искали опоры в укрепленном лагере в тот момент, когда его атаковала дивизия Бона. Генерал Рампон с двумя батальонами захватил ров и дамбу, прервав сообщение между Эмбабой и Гизой. Находившаяся в лагере кавалерия, атаки которой были отбиты дивизией Бона, пыталась вернуться в Гизу. Но, остановленная Рампоном и поддерживавшей его дивизией Дюгуа, она заколебалась, стала метаться из стороны в сторону и наконец, следуя естественному импульсу, пошла по линии наименьшего сопротивления и бросилась в Нил, где несколько тысяч человек утонуло. Ни один не смог достигнуть другого берега. Укрепленный лагерь не оказал никакого сопротивления. Пехота, видя разгром кавалерии, вышла из боя и стала переправляться через Нил на небольших баркасах или вплавь. Большая часть ее спустилась по левому берегу Нила и скрылась в открытой местности под покровом темноты. Пушки, верблюды, обоз попали в руки французов.

Мурад-бей прозвел несколько атак в надежде восстановить связь со своим лагерем и облегчить отход находившимся в нем войскам. Все эти атаки не удались. К ночи он отступил и приказал поджечь флот. Нил тотчас же запылал. На этих судах находились сокровища Египта, которые погибли, к большому сожалению армии. Из 12 000 мамлюков только 3000 во главе с Мурад-беем отступили в Верхний Египет; 1200, которые оставались с Ибрагим-беем для обороны Каира, впоследствии отошли в Сирию; 7000 нашли свой конец в сражении, столь гибельном для этого храброго ополчения, которое никогда уже не поднялось вновь. Трупы мамлюков [60] несколько дней спустя доставили весть о победе французской армии в Дамиетту. Розетту и деревни Нижнего Египта. В начале сражения Наполеон сказал своим войскам, указывая им на пирамиды: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас». Увидев, что сражение проиграно, арабы по своему обыкновению удалились и рассеялись в пустыне.

Если бы французская флотилия смогла прибыть вовремя, удалось бы достигнуть более решительного успеха. Она взяла бы

пленных и спасла бы часть грузов. Весь день она слышала канонаду с поля сражения. Северный ветер заглушал эти звуки. Но к вечеру, когда ветер стих, гром пушек усилился, стало казаться, что артиллерийский огонь продолжается. Команды судов решили, что сражение проиграно. Их вывело из заблуждения только большое число турецких трупов, которые нес Нил.

Главная квартира прибыла в Гизу в 9 часов вечера. На красивой даче Мурад-бея не оставалось ни одного раба. Ничто в ее внутренней планировке не напоминало дворцов Европы. Тем не менее офицеры с удовольствием взирали на этот хорошо меблированный дом, диваны, обитые лучшими лионскими шелками с золотой бахромою, следы роскоши и искусств Европы. Сад был полон прекраснейших деревьев, но в нем не было ни одной аллеи. Большой виноградник с самыми лучшими ягодами на лозах оказался драгоценным ресурсом. Слух о нем распространился по лагерю, и солдаты массами устремились туда; сбор винограда был проведен быстро. Дивизии, взявшие лагерь Эмбаба, имели теперь в изобилии все: они нашли там вещи беев и киашифов, буфеты, полные варенья и сладостей. Ковры, фарфор, серебряная посуда оказались там в большом количестве. Всю ночь на фоне огненного вихря, бушевавшего на объятых пламенем 300 египетских судах, вырисовывались минареты Каира. Отблески пламени отражались даже на гранях пирамид. В дни, последовавшие за сражением, солдаты занимались вылавливанием трупов; на многих из них находили по 200-300 золотых монет. Французская армия потеряла 300 человек убитыми и ранеными. Противник потерял убитыми, ранеными, утонувшими или пленными 10 000 мамлюков, арабов, янычар, азабов [61] и т.д.

VII

На рассвете дивизия Виаля перешла на остров Руда, выделив один батальон на мекиас [62] . Стрелки переправились через канал и укрепились на даче Ибрагим-бея. Дул сильный северный ветер, но флотилия не появлялась. Наконец контр-адмирал Перрэ дал знать, что на него нельзя больше рассчитывать, что суда сели на мель, что он сможет прибыть только тогда, когда уровень Нила поднимется на фут. Это было крайне неприятно. В Каире было очень тревожно. Часть населения грабила дома беев, ставшие французской собственностью; другую часть его усиленно обрабатывал Ибрагим-бей, который стремился внушить жителям смелость и волю к сопротивлению. Но каирское ополчение было разбито так же, как и мамлюки в битве у пирамид; в нем участвовали все жившие в городе мужчины, которые смогли

добыть оружие. Они впали в уныние и были обескуражены. Французы казались им больше чем людьми.

Письмо паше, написанное в Александрии и переведенное на арабский язык, распространялось по городу. К улемам и шейхам мечети Аль-Азхар был направлен драгоман [63] . Они собрались, взяли на себя управление городом и решили подчиниться. Ибрагим-бей и паша удалились в Бирка-аль-Хаджи. Депутация шейхов во главе с кахьей паши явилась в Гизу. Она уверилась в милосердии победителя. Город с величайшим беспокойством ожидал ее возвращения. Депутация была обрадована оказанным ей приемом и добрыми намерениями султана Кебира. Генерал Дюпюи, прибыв в Каир в качестве военного коменданта, вступил в управление цитаделью и важнейшими позициями. Он велел расклеить следующую прокламацию главнокомандующего: «Жители Каира, я доволен вашим поведением… Я пришел, чтобы уничтожить род мамлюков, защищать торговлю и коренных жителей страны. Пусть все, кто охвачен страхом, успокоятся; пусть те, кто удалился, – вернутся. Пусть моление происходит сегодня, как обычно… Не бойтесь за свои семьи, дома, имущество и особенно за религию Пророка, которого я люблю… Будет созван диван из семи лиц, которые соберутся в мечети Вер… [64] ».

23-го и 24-го все, что было в Каире выдающегося, переправилось через Нил и явилось в Гизу, чтобы увидеть султана Кебира и заявить о своем подчинении ему. Наполеон не забыл ничего из того, что могло их успокоить и преисполнить уверенности в его благоприятных для них чувствах. Он имел идеального помощника в лице своего переводчика – гражданина Вантюра, который провел 40 лет в Константинополе и различных мусульманских странах; это был первый востоковед Европы; он переводил все его речи с легкостью и изяществом и таким образом, чтобы произвести нужный эффект.

25-го главнокомандующий совершил свой въезд в Каир и остановился в доме Эльфи-бея, на площади Эзбекия, в конце города. Этот дом имел очень красивый сад, из него можно было достигнуть по открытой местности Булака и Старого Каира. Дома французов, венецианцев и англичан, живших в Каире, предоставили главной квартире кровати, стулья, столы и прочую мебель, используемую европейцами. Позднее архитектор Лепэр построил очень красивую лестницу и изменил всю планировку дома, приведя ее в соответствие с французскими нравами и обычаями.

Жены мамлюков были испуганы. Одной из первых забот главнокомандующего явилось успокоить их. Для этого он использовал влияние главной из них – жены Мурад-бея. Раньше

она была женою Али-бея. Она пользовалась в городе большим уважением. Он направил к ней своего пасынка капитана Богарнэ, чтобы выразить ей почтение и передать фирман, закреплявший за нею владение всеми ее деревнями. Она была чрезвычайно богата, жила на широкую ногу, а сераль, который она возглавляла, состоял из полусотни женщин всех национальностей и цветов кожи. Ее придворным стоило большого труда удержать их; всем этим рабыням хотелось увидеть молодого и красивого француза. Ситти-Нафиза приняла посланца султана Кебира с достоинством и грацией. Она пригласила его в сераль; очень мило предложила ему прекрасно сервированный ужин и довольно дорогое кольцо. Впрочем, поскольку богатства мамлюков находились в руках их жен, а казна армии с большим трудом удовлетворяла нужды солдат, им пришлось, по обычаю страны, выкупить богатства мужей, внеся контрибуцию в соответствии с размерами их состояния.

Уверившись в безопасности личности и имущества, жители вскоре успокоились и в отношении такого важного для них дела, как религия. Имамы продолжали служить в мечетях, по-прежнему с высоты минаретов раздавались во все часы ночи возгласы муэдзинов. Улемы и великие шейхи явились предметом особого внимания и ласки Наполеона. Он закрепил за ними все их деревни, все их привилегии и окружил их еще большим почетом, чем тот, которым они пользовались раньше. Они образовали диван. Именно через них он правил страной.

Несмотря на приказ о сдаче оружия, большое число ружей продолжало оставаться в гаремах. Паша или бей с легкостью приказывал арестовать и избить палками непонравившегося ему жителя, не прибегая ни к каким формальностям, или даже отрубить такому жителю голову; но никогда он не нарушал неприкосновенности гарема. Мамлюк – раб своего господина повсюду, кроме как во внутренних покоях своего дома, где он неприкосновенен; к этому обычаю отнеслись с уважением. Воцарилось доверие. На Мурад-бея произвело большое впечатление почтительное отношение к его женам, и с тех пор он стал проявлять склонность к миру.

Весть о битве у пирамид с удивительной быстротой распространилась по всем пустыням и по всему Нижнему Египту. Циркуляры каирских улемов и руководящих религиозных деятелей оглашались и вывешивались во всех мечетях. Это позволило восстановить коммуникации с Александрией и Розеттой на тылах армии. Штаб ее получил донесения от генерала Клебера – коменданта Александрии, генерала Мену – коменданта Розетты и адмирала Брюэйса – командовавшего

эскадрой. Последняя все еще стояла на якоре в Абукире, что вызвало удивление и недовольство главнокомандующего.

VIII

Армия уже десять дней находилась, в Каире, не двигаясь дальше. Мурад-бей переформировал остатки своего войска в Нижнем Египте. Из Бельбейса Ибрагим-бей оказывал влияние на весь Нижний Египет. Он господствовал в Шаркие, части Кальюбии, в Дамиетте и части дельты. Он усиливался с каждым днем, получая все новые пополнения. Чтобы спокойно пользоваться благами Нижнего Египта, было чрезвычайно важно прогнать его за пустыню. Но солдаты с трудом привыкали к этой стране, хотя положение их значительно улучшилось.

2 августа генерал Леклерк направился в Аль-Ханку, чтобы наблюдать за Ибрагим-беем с более близкого расстояния. Аль-Ханка находится в 6 лье от Каира. Ему был дан приказ открыть там военную пекарню. Генерал Мюрат направился в Кальюбию, чтобы подчинить эту часть страны и набрать лошадей. Генерал Ренье встал лагерем в Куббе. 5 августа Ибрагим-бей ночью выступил из Бельбейса и окружил авангард в Аль-Ханке. Ружейный огонь и картечь сдержали его натиск. Услышав пушечные выстрелы, генералы Мюрат и Ренье, не теряя времени, поспешили к Аль-Ханке. Они прибыли вовремя, чтобы поддержать отступавший авангард. Они отбросили Ибрагим-бея к Бельбейсу. Наполеон поручил Дезэ командование войсками в Каире. Он рекомендовал ему усилить подготовку к экспедиции в Верхний Египет, а сам приступил к новым операциям во главе армии. Как только последняя узнала, что предстоит покинуть Каир, раздался ропот. Недовольство приняло небывалые прежде формы мятежа и заговора. Полки посылали друг к другу делегации. Некоторые генералы сговорились между собой. «Неслыханно, чтобы в самое жаркое время года войска заставляли идти в безводные пустыни, подвергая их, при отсутствии тени, воздействию лучей тропического солнца».

Однако 7-го на рассвете дивизии встали в ружье. 9-я линейная полубригада должна была двигаться впереди. Именно в ней господствовало самое плохое настроение. Главнокомандующий появился перед ее фронтом, выразил свое недовольство и приказал полковнику сделать полоборота направо и вернуться в город, сурово сказав при этом: «Солдаты 9-й, я в вас не нуждаюсь». Он приказал 32-й полубригаде выступить повзводно и стать в голове армии. Этого оказалось достаточно, чтобы покончить с заговором. 9-я полубригада, после долгих ходатайств, добилась разрешения участвовать в экспедиции. Она шла последней. 7-го армия заночевала в Аль-Ханке, 8-го – в

Бельбейсе. Она следовала по краю пустыни, но имея слева обработанные земли, большое число деревень и тянувшийся почти без перерыва пальмовый лес. Бельбейс – большое поселение с несколькими тысячами жителей; это административный центр. Двенадцатью часами ранее Ибрагим-бей ушел оттуда и отступил на Салихию. 9-го армия встала лагерем в пальмовом лесу Кораим. За несколько дней до этого к границам Египта прибыл меккский караван. Эмир-ага со своим эскортом присоединился к Ибрагим-бею. Арабы племен хувейтат и биллис решили, что смогут, не подвергаясь никакой опасности, воспользоваться этим случаем, чтобы ограбить его. Они захватили все товары. Аль-Маруки, один из главных купцов, бросился с двумя своими женами в ноги главнокомандующему и молил о покровительстве. У него отняли двух рабов и на 100 000 экю товаров. Эта несчастная семья была принята. Она была тронута французским вниманием и любезностью. Женщины, насколько можно было судить по деликатности их манер, изящным ручкам, грациозной походке, звуку голоса и большим черным глазам, были красивы. Поиски были проведены с таким усердием и энергией, что все товары удалось найти. Караван был переформирован и отправлен под хорошей охраной в Каир, что вызвало горячую благодарность в городе и торговом мире.

10-го, в 2 часа пополудни, авангард вступил в пальмовый лес Салихии, и кавалерия, в числе 350 всадников, достигла мечети. Там еще находился Ибрагим-бей со своими домочадцами. Тревога была поднята только что, и он навьючивал на верблюдов свои сокровища и усаживал на них своих жен. Ибрагим-бей держался хорошо. У него было 1200 мамлюков и 500 арабов. Пехота была еще в двух лье. Две пушки конной артиллерии и 60 офицеров на лошадях присоединились к кавалерии. Но жара была удушающей. Пехоте было трудно поспевать за кавалерией по зыбучим пескам. Между тем пушки начали канонаду. Французская кавалерия провела тогда несколько атак. Она захватила двух верблюдов, на которых были навьючены два маленьких легких ружья, и 150 других верблюдов с различными малоценными предметами, которых Ибрагим-бей бросил, чтобы ускорить свой марш. Придя в отчаяние при виде того, как ускользает столь прекрасная добыча, полковник Лассаль провел новую атаку, в которой потерял человек тридцать убитыми и ранеными, но не смог прорвать арьергард противника, состоявший из 600 мамлюков. Ибрагим-бей продолжал свой отход, углубляясь в пустыню. Он остановился в Катии, откуда добрался до Аль-Ариша и Сирии. Он был принят Джеззар-пашой. В бою у Салихии 500 арабов отделились от Ибрагим-бея. Они заняли позиции на его флангах и послали к

французам делегацию с просьбой разрешить им атаковать его одновременно с французской кавалерией. Но они слишком берегли себя, чтобы напасть на этих грозных мамлюков; один из этих последних обращает в бегство 20 арабов. Адъютанты Сулькусский, Дюрок, Богарнэ, полковник Дестрэ, который был тяжело ранен, отличились в этой атаке. Салихия лежит в 30 лье от Каира и в 76 от Газы; это последний пункт, которого достигает в наше время нильский паводок. За пальмовым лесом Салихии начинается безводная пустыня, отделяющая Африку от Азии. Необходимо было построить там форт; он должен был служить одновременно часовым, наблюдающим за пустыней, и складочным местом для армии, вынужденной маневрировать вдоль этой границы или даже желающей отправиться в Сирию. Генерал Каффарелли дю Фальга дал соответствующие инструкции относительно строительства системы фортификационных сооружений.

12-го дивизия Дюгуа выступила на Дамиетту, которой овладела без труда. Первый город Нижнего Египта после Каира, она являлась большим торговым центром. Ее таможня приносила такой же доход, как александрийская. Генерал Дюгуа обнаружил весьма значительные склады риса, принадлежащего беям. Он выставил батарею для защиты богаза. Он овладел озером Манзала, замком Тина. Бригада, состоявшая из офицеров инженерных войск, пехотного авангарда в составе трех батальонов, эскадрона кавалерии и артиллерийской батареи, заняла позицию у Салихии. Остальная часть армии вернулась в Каир. 12-го ночью люди, прибывшие из Дамиетты, передали неопределенные слухи о большом морском сражении у Абукира, в котором победили французы, и о сожжении значительного числа кораблей; на эти слухи не обратили никакого внимания.

IX

На полпути из Кораима в Бельбейс курьер из Александрии передал генералу Бертье вести из Франции, доставленные посылочным судном, благополучно вошедшим в порт. Письмо военного министра извещало его о законе 22 флореаля и предлагало объявить о нем приказом по армии. Директория и законодательный корпус кассировали часть выборов, проведенных избирательными коллегиями. Таким образом, они посягнули на суверенитет народа. Это вызвало самую отрицательную реакцию в армии. «В Париже засела кучка адвокатов, которые все время болтают о принципах, а на самом деле хотят только власти; они издеваются над нами», – говорили солдаты. Тот же курьер доставил известие, более важное для армии: Клебер сообщал об уничтожении эскадры. Это несчастное

событие имело место в Абукире 1 августа. Курьер провел в пути 12 дней, будучи вынужден ехать с пехотной охраной. «Прибыв к Александрии, – сказал Наполеон, – я просил у судьбы, чтоб она сохранила мою эскадру в течение пяти дней; она предоставила 30 дней, но адмирал не пожелал поставить свои корабли в безопасное место, введя их в порт. Между тем ему требовалось на это только шесть часов. Что-то неумолимо-фатальное преследует наш флот. Это великое событие будет иметь последствия, которые скажутся и здесь, и далеко отсюда». Жители Каира с искренним удовлетворением встретили возвращение армии. Улемы мечети Аль-Азхар при утреннем туалете главнокомандующего представили ему крупнейших купцов; они выразили свою благодарность за покровительство, оказанное каравану; они выразили надежду на скорое занятие Верхнего Египта, необходимого для снабжения и благосостояния Каира.

Гибель эскадры погрузила французов в уныние. «Вот мы и покинуты в варварской стране, без коммуникации, без надежды вернуться домой», – говорили они. Главнокомандующий обратился к офицерам и солдатам: «Ну что ж, – сказал он, – теперь мы вынуждены совершать великие подвиги, и мы их совершим, основать великую империю – и она будет нами основана. Моря, на которых мы не господствуем, отделяют нас от родины; но никакие моря не отделяют нас ни от Африки, ни от Азии. Нас много, у нас не будет недостатка в людях для пополнения наших рядов. Не будет у нас и недостатка в боеприпасах, их мы имеем много; а если потребуется, Шальпи и Контэ изготовят новые». Это наэлектризовало умы. Жалобы прекратились. Стали устраиваться на месте всерьез. Все французы призывали друг друга показать себя достойными собственной репутации! Самым большим препятствием оказался недостаток денег и трудности, с которыми было связано добывание их.

Во всех провинциях Нижнего Египта была создана администрация. Большое число лошадей прибыло в центральное ремонтное депо в Каире. Взимались подати. Три плоскодонные канонерские лодки, вооруженные каждая одной 24-фунтовой пушкой и четырьмя 4-фунтовыми, с осадкою всего в два фута, были построены на верфи в Каире. Одна спустилась в озеро Буруллус, а две другие – в озеро Манзала. Каждая из этих канонерских лодок могла брать до 200 человек. На них были четыре каика [65] с осадкой всего в фут, на каждом из которых была установлена 3-фунтовая пушка. Благодаря этому господство над указанными озерами стало полным. Офицеры инженерных войск энергично вели работы по восстановлению Александрийского канала; в него влились воды Нила; крепость

была снабжена водой, три цистерны заполнены, и навигация, продолжавшаяся 6 недель, позволила снабдить склады рожью, рисом и другими продуктами питания, необходимыми для этого важного пункта. Офицеры – коменданты провинций – с большой энергией подавляли мятежи, вызванные неугомонными арабами. Это привело к нескольким незначительным стычкам, которые закрепили в умах людей Востока сознание превосходства французской армии.

28 августа Дезэ отправился наконец в Верхний Египет с четырьмя или пятью тысячами человек всех родов войск, в том числе 500 кавалеристами на отличных лошадях и флотилией, обеспечивавшей ему превосходство на Ниле и каналах. Мурад-бей полностью очистил провинции Гиза и Бени-Суэйф, и через несколько дней трехцветный флаг был водружен на обоих берегах, на расстоянии до 40 лье от Каира. Арсенал, склады пороха и артиллерийские были сосредоточены в Гизе, а крепостная ограда, состоявшая из высокой стены, была усилена редутами, флешами и хорошими батареями. Каирская цитадель была приведена в достойный вид. Связь с Александрией, Розеттой и Дамиеттой поддерживалась бесперебойно. Дача Ибрагим-бея, расположенная на правом берегу Нила, образовала предмостное укрепление на острове Руда и была превращена в госпиталь на 600 больных. В самом Каире два дома из числа самых больших были предназначены для той же цели. На протяжении июля и августа все отрасли управления были реорганизованы с необыкновенной энергией. Институт [66] открыл свои библиотеки, печатни, лабораторию механики и кабинет физики в одном из самых красивых дворцов города.

X

В 1798 г. французская эскадра прибывает к Александрии 1 июля в 10 часов утра. В тот же день она высаживает десант. На следующий день армия овладевает Александрией. 13-го она дает битву, 21-го – другую. 23-го она вступает в Каир; мамлюки уничтожены. Весь Нижний Египет с его столицей подчиняются за 23 дня.

Людовик Святой появляется перед Дамиеттой 5 июня 1250 г. На следующий день он высаживается на берег. Противник эвакуирует город Дамиетту, в который он вступает в тот же день. С 6 июня по 6 декабря, то есть в течение шести месяцев, он не трогается с места. В начале декабря он отправляется в поход. 17-го он достигает пункта напротив Мансуры, на берегу Ашмунского канала. Этот канал, в прошлом один из рукавов Нила, весьма широк и полон воды даже в это время года; там он [67] простоял два месяца. 12 февраля (1251 г.), когда уровень воды понизился,

он переправляется через канал и дает битву спустя восемь месяцев после своей высадки в Дамиетте.

Если бы 6 июня 1250 г. французы действовали так, как в 1798 г., они к 12 июня прибыли бы к Мансуре и нашли Ашмунский канал высохшим, ибо в это время года воды Нила стояли на самом низком уровне; к 25 июня они достигли бы Каира – в это время года главный рукав Нила имеет глубину всего в 5 футов; они завоевали бы Нижний Египет и столицу в том же месяце, в котором прибыли. Когда первый голубь доставил в Дамиетту весть о высадке Людовика Святого, в столице все были охвачены смятением; там не видели никакой возможности сопротивления. Депеша, прочтенная в мечетях, была встречена потоками слез. Каждую минуту ожидали вестей о прибытии французов к Мансуре и воротам Каира. Но в течение восьми месяцев у мусульман хватило времени прийти в себя и вызвать подмогу. Войска поспешно явились из Верхнего Египта, Аравии и Сирии. Людовик Святой был разбит, взят в плен и прогнан из Египта.

Если бы в 1798 г. французы маневрировали, как Людовик Святой, и в течение июля, августа, сентября, октября, ноября и декабря не покидали окрестностей Александрии, то в январе и феврале они натолкнулись бы на непреодолимые препятствия. Даманхур, Рахмания и Розетта были бы укреплены, прикрыты пушками и войсками, так же как и Каир и Гиза. На этих позициях сосредоточились бы и закрепились бы 12 тысяч мамлюков, 15-20 тысяч арабов на лошадях и 40-50 тысяч янычар, арабов или ополченцев. Паши Иерусалима, Акры, Дамаска, бей Триполи прислали бы подкрепление единоверцам. Каких бы успехов ни добилась французская армия в боях, завоевание стало бы невозможным, и ей пришлось бы вернуться на суда. В 1250 г. Египет был менее способен защищаться и в большей степени лишен защитников, чем в 1798 г.; но Людовик Святой не сумел этим воспользоваться, он провел восемь месяцев в молитве, в то время как их следовало провести на марше, в боях и за укреплением своего положения в стране.

Глава IV Нильское морское сражение

I. Передвижение английских эскадр в Средиземном море на протяжении мая, июня и июля 1798 г. – II. Французская эскадра получает приказ войти в старый порт; она может это сделать; она этого не делает. – III. Адмирал становится на шпринг на абукирском рейде; неудовольствие главнокомандующего. – IV. Морское сражение (1 августа). – V. Влияние морского сражения на народ Египта. – VI. Влияние гибели эскадры на европейскую политику.

I

В феврале 1798 г. английское министерство узнало о том, что в Бресте, Рошфоре, Тулоне, Генуе, Ферроле и Кадиксе ведется усиленная подготовка к военным действиям; что на побережье Нормандии и Фландрии стоят 150 000 человек; что Наполеон – главнокомандующий Английской армией – в сопровождении нескольких наиболее выдающихся офицеров старого флота объезжает океанские порты. Министерство решило, что Франция намерена воспользоваться миром, недавно заключенным ею со странами материка, чтобы закончить свой конфликт с Англией схваткой один на один, и что объединенные эскадры Бреста и Кадикса переправят армии в Англию и Ирландию. Однако 12 мая оно узнало, что Наполеон выехал 4-го в Тулон. Тотчас же оно отдало адмиралу Роджеру приказ направиться с десятью линейными кораблями к Тулону, чтобы усилить крейсировавшую перед этим портом эскадру адмирала Сен-Винцента.

Этот адмирал отплыл 16 мая от берегов Англии и 24-го прибыл к Кадиксу. Лорд Сен-Винцент без промедления отослал десять линейных кораблей для усиления крейсировавшего в Средиземном море легкого отряда Нельсона, который имел три линейных корабля. 12 июня Нельсон с тринадцатью линейными кораблями и двумя фрегатами появился перед Тулоном. Там он узнал, что флот вышел оттуда уже очень давно. Он последовательно побывал перед таламонским рейдом, на побережье Тосканы, и перед Неаполем, куда прибыл 18 июня. Лорд Сен-Винцент остался с двадцатью линейными кораблями перед Кадиксом, полагая возможным, что французская эскадра явится туда для соединения с испанской. Он отдал Нельсону приказ не считаться с нейтралитетом никакой державы, и направится ли французская эскадра к Константинополю, в Черное море или в Бразилию, – атаковать ее повсюду, где он решит, что

это можно сделать с выгодой для себя. В этих инструкциях, которые были напечатаны, ничего не говорится о Египте. Нельсон узнал в Неаполе, что французская армия осаждает Мальту. Он взял курс на Мессину. Узнав, что французская эскадра овладела Мальтой, а затем покинула ее и направляется, видимо, к Кандии, он 22 июня прошел Мессинский пролив и направился к Александрии, куда прибыл 28-го – в то самое время, когда с французской эскадры был замечен мыс Арас – в 30 лье западнее и на ветре. Не получив в Александрии никаких сведений о ней, он отправился к Александретте, обследовал Дарданеллы и вход в Адриатическое море, а 18 июля бросил якорь в Сиракузах (Сицилия), чтобы набрать воды, полагая, что французская эскадра ушла в океан. Все же он направился 24 июля в Корону (Морея). Он опросил греческое судно, шедшее из Александрии, и узнал, что через три дня после появления перед этим портом английской эскадры туда прибыла французская, высадившая многочисленную армию, которая овладела городом, а затем двинулась на Каир; что этот флот стоит на якоре в старом порту. Он взял курс на берега Египта, куда прибыл 1 августа.

II

Мы уже говорили, что адмирал Брюэйс хотел стать на якорь в Абукире, чтобы ускорить выгрузку армейских грузов, в то время как капитан Баррэ [68] производил обследование старого порта. Этот осмотр был закончен 12 июля. Капитан Баррэ доложил о нем в следующих выражениях:

...

«Александрия… (без даты) VI года (…1798 г.)

Генералу Бонапарту

Мне было поручено Вами и Брюэйсом снять план старого порта и провести промеры глубин. 19 мессидора (7 июля) я вошел на рейд этого порта и приступил к своим операциям, которые продолжались до 24-го названного месяца (12 июля), когда я направил отчет о своей деятельности адмиралу Брюэйсу и командиру отряда Дюмануару, который, одобрив меры, принятые мною для ввода эскадры, официально

известил об этом адмирала, каковой ответил мне 2 термидора (20 июля). Прилагаю копию его письма к моему рапорту.

Подписано: Баррэ».

Таким образом, ничего не должно было мешать в дальнейшем выполнению точного приказа, отданного Наполеоном адмиралу Брюэйсу: ввести эскадру в старый порт Александрии.

Однако, чтобы уклониться от ответственности, ибо приказ Наполеона являлся совершенно определенным и был повторен несколько раз, он сделал вид, что не придает веры рапорту адмирала Баррэ, и послал ему следующее письмо:

...

«Письмо адмирала Брюэйса гражданину Баррэ – командиру «Альсеста», от 2 термидора VI года (20 июля 1798 г.)

Я получил, гражданин, Ваше письмо от 30 мессидора и могу отозваться только с похвалой о Ваших заботах и трудах, направленных к обнаружению фарватера среди подводных рифов, преграждающих доступ в старый порт, что должно было обеспечить линейным кораблям совершенно безопасную стоянку в данном порту. То, что Вы сообщаете, не представляется мне достаточно удовлетворительным, поскольку в порт нужно входить, пользуясь фарватером глубиною в 25 футов, а наши 74-пушечные корабли имеют осадку не менее 22-х; следовательно, чтобы отважиться на проход по этому фарватеру, не подвергаясь самому серьезному риску потери одного корабля, понадобится ветер «по заказу» и спокойное море, тем более, что фарватер узок, а действие

руля замедляется, когда под килем мало воды.

Быть может, Ваши поиски помогут Вам обнаружить что-либо более подходящее, и я поручаю Вам не отказываться от продолжения их, пока Вы не убедитесь, что в пространстве, заключенном между башней Марабут и восточным берегом, нет ничего лучшего, чем тот участок, где Вами поставлены сейчас бакены. Будьте уверены, что я сумею оценить должным образом новое доказательство усердия, которое Вы этим дадите; что, в соединении с выдающимися услугами, которые Вы уже оказали, явится для Вас надежной гарантией похвал и наград, которые Вы получите от правительства.

Когда Ваша работа будет завершена, Вам нужно будет отчитаться в ней перед главнокомандующим, и, направив ему точный план произведенных Вами промеров, Вы одновременно изложите ему свои взгляды относительно типов кораблей, которые можно себе позволить ввести в старый порт, будучи уверенным, что они не подвергнутся риску.

Подписано: Брюэйс».

III

Битва у пирамид, подчинение Каира и прокламации улемов успокоили весь Нижний Египет. Коммуникации с Розеттой и Александрией были восстановлены. 30 июля главная квартира получила оттуда известия в первый раз с того времени, как отбыла из Даманхура, то есть в первый раз за 20 дней. Из трех писем адмирала одно было от 10 июля; в нем говорилось, что комиссия, созданная для проверки работ капитана Баррэ, занята промером глубин в новом фарватере, который, кажется, следует предпочесть обычному. Вторым письмом, датированным 15-м

числом, он сообщал о различных схватках, имевших место у абукирского колодца между матросами и арабами; несколько матросов было убито; сухопутные коммуникации с Александрией и Розеттой были прерваны. В третьем письме, от 20 июля, он передавал вести о Нельсоне, эскадру которого видели экипажи греческих судов, пришедших в Александрию; он писал: английская эскадра, как видно, крейсирует между Корфу и Сицилией; уступая в силе французской эскадре, она не решается к ней приблизиться; тем не менее, в порядке усиления мер предосторожности, он проверил свою стоянку и нашел, что занимает неприступную позицию; слева он прикрыт островом Аль-Бекейр, находящимся в 600 туазах впереди порта; остров этот он занял 50 солдатами пехоты с двумя 12-фунтовыми полевыми орудиями, ибо счел полезным обезопасить его от покушений врага; два его самых плохих линейных корабля – «Герье» и «Конкеран» – поставлены на шпринг крайними слева в линии; будучи прикрыты островом, они гарантированы от любых посягательств; в центре он поставил «Франклина», «Ориана» и «Тоннана» – один 120-пушечный корабль и два 80-пушечных; 74-пушечные корабли не смогут безнаказанно стать в сфере огня этой грозной батареи; правда, правый фланг ее висит в воздухе и находится очень далеко от суши, но противник не сможет обогнуть его, не упустив ветер, который в это время года постоянно дует с северо-запада; в подобном случае он [69] выведет в море корабли левого крыла и центра и атакует противника под парусами.

Главнокомандующий, чрезвычайно недовольный и раздосадованный этой диспозицией, принятой адмиралом, тут же направил своего адъютанта капитана Жюльена с приказанием явиться на борт «Ориана» и не покидать этот корабль, пока он не увидит всю эскадру на якоре в старом порту; он написал адмиралу, что за 20 дней у того было время установить, может ли его эскадра войти в старый порт или не может; почему же тогда он не вошел туда? Или же почему он, в соответствии с данным ему приказом, не отплыл на Корфу или в Тулон? Он повторяет свой приказ не оставаться на этой плохой позиции и немедленно поднять якоря; Абукир – открытый рейд, поскольку правое крыло не прикрывается там сушей; его [70] аргументация была бы убедительной, если бы ему угрожало нападение эскадры равной с ним силы; но маневры английского адмирала за последний месяц достаточно ясно показывают, что он ожидает подкреплений из-под Кадикса и что, как только подкрепление присоединится к нему, он появится перед Абукиром с 18, 20 или 25 линейными кораблями; нужно избегать всякого боя на море и возлагать

надежды только на старый порт Александрии. У Аль-Кама на капитана Жюльена напал отряд арабов; судно, на котором он находился, было ограблено, а сам этот бравый офицер – зарезан, защищая свои депеши. Впрочем, он мог бы прибыть на место только на следующий день после катастрофы, которую был призван предупредить.

Все донесения из Александрии содержали жалобы на эскадру; в ней не было дисциплины, матросов отпускали на берег и на пляж, порты Александрии и Розетты были загромождены корабельными шлюпками; на судах прекратились учения, никогда не объявлялась тревога; в море не был выслан легкий отряд или даже хоть один фрегат; каждый день на горизонте появлялись подозрительные суда, причем за ними не посылалось погони; служба была поставлена таким образом, что каждую минуту эскадру могли захватить врасплох. Главнокомандующий послал адмиралу письмо, в котором выразил свое недовольство такими упущениями; он не мог себе представить, почему тот не воспользуется защитою от нападения, которую предоставлял старый порт Александрии; остров, к которому примыкала слева линия судов, поставленных на шпринг, был бесполезен, коль скоро на нем не установили штук тридцать орудий; следовало поставить там двенадцать 36-фунтовых железных пушек, четыре 16-фунтовых или 18-фунтовых бронзовых, с решеткою для каления ядер, и семь или восемь мортир системы Лагомер – только тогда левое крыло оказалось бы действительно в безопасности; для него [71] остаются непонятными причины, побудившие адмирала оставить в александрийском порту два 64-пушечных корабля; эти два корабля – новые, прекрасно построены, имеют значительно менее глубокую осадку, чем 74-пушечные, их можно было, с выгодою для себя, поставить между крайним левым кораблем линии и островом; эти корабли следовало предпочесть «Конкерану» – старому судну, давно предназначенному на слом, который в Тулоне вооружили только 18-фунтовыми пушками; линию судов, стоявших на шпринге, можно было также усилить в целом одним фрегатом на каждый линейный корабль (у адмирала было всего одиннадцать) [72] ; вецианские фрегаты были очень хороши и своими размерами и шириной превосходили французские 44-пушечные фрегаты; они были способны нести 24-фунтовые орудия, имели меньшую осадку, что было неудобством в смысле замедления хода, но зато являлось преимуществом, когда корабли стояли линией на шпринге; наконец, в конвое имелись шесть бомбард, десять канонерских лодок. Почему было не использовать их для усиления линии справа? В александрийском порту на судах

конвоя находилось 1500 матросов, адмирал мог усилить ими экипажи кораблей, доведя их до 100 человек сверх комплекта. Все эти размышления наводили на весьма грустные мысли и мучили главнокомандующего. Но вечером 2 августа он был совершенно успокоен прибывшей депешей от 30 июля. Адмирал писал ему: он только что получил официальное уведомление о битве у пирамид и взятии Каира, которое повлияло на арабов, немедленно подчинившихся; им найден фарватер для ввода кораблей в старый порт, на котором устанавливаются бакены, и через несколько дней его эскадра будет в безопасности, причем он просит разрешения сразу же после этого прибыть в Каир; он велел обследовать батареи, защищающие старый порт, и считает достойными самых высоких похвал офицеров артиллерии и инженерных войск, ибо все пункты идеально прикрыты; после же того как эскадра станет на якорь в старом порту, можно будет спать спокойно.

IV

1 августа, в два с половиной часа пополудни, английская эскадра, шедшая под всеми парусами, появилась на горизонте Александрии. Дул сильный северо-западный ветер. Адмирал находился за столом со своими офицерами. Часть экипажей и шлюпок были в Александрии, Розетте или на берегу – на абукирском пляже. Его первым сигналом было объявление боевой тревоги; вторым явился приказ шлюпкам, находившимся в Александрии, Розетте и на берегу, вернуться на свои корабли; третьим – приказ экипажам транспортных судов, находившихся в Александрии, явиться на линейные корабли по суше для усиления их экипажей; четвертым – приказ находиться в боевой готовности; пятым – приказ подготовиться к выходу в море; шестым – в 5 часов 10 минут – приказ открыть огонь. Английская эскадра приближалась с величайшей быстротой, но в ее составе можно было заметить только одиннадцать 74-пушечных кораблей, один 50-пушечный и еще маленький корвет. Было 5 часов пополудни, казалось невозможным, чтобы с настолько незначительными силами английский адмирал захотел атаковать линию. Но два других линейных корабля находились к западу от Александрии, вне пределов видимости. Они явились к месту сражения только к 8 часам вечера. Состав линии стоявших на шпринге французских кораблей был следующим: слева – «Герье», «Конкеран», «Спартиат» и «Аквилон», все четыре – 74-пушечные, позади «Герье» находился 36-пушечный фрегат «Серьез»; в центре – «Пепль-Суверен» (74-пушечный), «Франклин» (80-пушечный), «Ориан» (120-пушечный), «Тоннан» (80-пушечный), «Артемиз» (40-пушечный фрегат), за флагманским кораблем стояли два

маленьких корвета; справа – «Эре» (74-пушечный), «Тимолеон» (74-пушечный), «Вильгельм Телль» (80-пушечный), на котором находился адмирал Вильнев, «Меркюр» (74-пушечный), «Женере» (74-пушечный); за«Женере»стоялифрегаты«Диана»и«Жюстис» (оба 44-пушечные) – лучшие на флоте. Английская эскадра двигалась в следующем порядке: 1) «Каллоден» (в голове); 2) «Голиаф»; 3) «Зэлэ»; 4) «Орион»; 5) «Одасье»; 6) «Тезей»; 7) «Вангард» – флагманский корабль; 8) «Минотавр»; 9) «Беллерофон»; 10) «Дефанс»; 11) «Мажестье» (все 74-пушечные); 12) «Леандр» (50-пушечный) и «Мютин» – 14-пушечный корвет; 13) «Александр»; 14) «Суифтшюр» (последние два корабля находились за пределами видимости, к западу от Александрии).

Общее мнение, царившее во французской эскадре, заключалось в том, что бой будет отложен на завтрашний день, если только в течение ночи противник не усилится другими кораблями, ибо казалось невозможным, чтобы Нельсон отважился на битву с теми лишь кораблями, которые он держал на виду. Приказ о боевой тревоге был выполнен очень плохо. На «Ориане» оставили палубные надстройки, сооруженные для размещения пассажиров. «Герье» и «Конкеран» высвободили только по одной батарее и загромоздили батарею, находившуюся со стороны суши. Брюэйс, видимо, собирался выйти в море, но дожидался матросов из Александрии, которые явились только в 9 часов вечера. Между тем вражеские силы находились на расстоянии пушечного выстрела, и, к большому удивлению обоих флотов, французский адмирал не давал сигнала открыть огонь. Приказ Нельсона состоял в том, чтобы, бросив якорь, атаковать французские корабли один на один, с тем чтобы каждый английский корабль резал нос французскому. «Каллоден», который должен был атаковать «Герье» – крайний слева корабль французской линии, – при попытке пройти между «Герье» и островом Аль-Бекейр сел на мель. Если бы на этом острове были поставлены тяжелые орудия, ему пришлось бы спустить флаг; во всяком случае, он оставался бесполезен на всем протяжении битвы. Следовавший за ним «Голиаф» прошел между ним и французской линией. Он хотел бросить якорь и резать нос «Герье», но, будучи увлечен течением и ветром, обошел этот корабль, который не смог использовать батарею правого борта, так как она была загромождена. Капитан «Голиафа» был поражен тем, что ни «Герье», ни «Конкеран» не дали по нему ни единого залпа, хотя на них развевался французский флаг; впоследствии он с удивлением узнал причину этого противоречия. Если бы «Герье» стоял на четырех якорях поближе к острову, обойти его было бы невозможно, «Зэлэ» повторил маневр «Голиафа», за ним последовал «Орион», но был

атакован французским фрегатом «Серьез». Эта отважная атака замедлила его движение, он бросил якорь между «Франклином» и «Пепль-Суверен». Английский флагманский корабль «Вангард» бросил якорь, чтобы резать нос «Спартиату» – третьему кораблю французской линии. «Дефанс», «Беллерофон», «Мажестье», «Минотавр» последовали его примеру, и все левое крыло и центр французской линии – до восьмого корабля «Тоннан» – оказались вовлеченными в сражение. Пять же правых кораблей не приняли в нем никакого участия. Французский флагманский корабль и двое его «матросов» [73] , значительно превосходившие вражеские корабли, совершали чудеса. Английский корабль «Беллерофон», потеряв снасти и мачты, был вынужден спустить флаг. Два других 74-пушечных корабля, потеряв мачты, были вынуждены удалиться; и, если бы в этот момент контрадмирал Вильнев вышел в море с кораблями правого крыла и атаковал английскую линию находившимися под его командой пятью линейными кораблями и двумя фрегатами, победа досталась бы французам. Английский линейный корабль «Каллоден» сел на мель, «Леандр» был занят тем, что старался помочь ему сняться с нее; правда, в пределах видимости появились «Александр» и «Суифтшюр», но они находились еще далеко от места сражения, «Беллерофон» же спустил флаг. «Леандр», видя, в каком опасном положении оказался английский флот, оставил «Каллодена» и ринулся в бой. Наконец прибыли «Александр» и «Суифтшюр», которые атаковали «Франклина» и «Ориана». Исход сражения еще совершенно не определился, и оно продолжалось с примерно равными шансами для обеих сторон. С французской стороны «Герье» и «Конкеран» более не стреляли, но это были самые плохие корабли; со стороны англичан тоже были выведены из строя «Каллоден» и «Беллерофон». Английские корабли пострадали больше французских вследствие превосходящей силы огня «Ориана», «Франклина» и «Тоннана». Казалось вероятным, что огонь будет продолжаться таким образом всю ночь и что адмирал Вильнев наконец примет участие в сражении. Но около 9 часов вечера на «Ориане» возник пожар. В 10 часов он взорвался, что и решило исход боя в пользу англичан. Взрыв его был ужасающим; сражение было прервано на полчаса. Затем французская линия возобновила огонь. «Спартиат», «Аквилон», «Пепль-Суверен», «Франклин», «Тоннан» поддержали честь своего флага. До трех часов утра огонь оставался ожесточенным, с трех до пяти он ослабел с обеих сторон, а в 5 часов вновь усилился, став таким же бешеным, как прежде. Что произошло бы, если б «Ориан» принимал в этом участие? К полудню 2 августа исход сражения определился. Только тогда адмирал Вильнев словно впервые

заметил, что на протяжении 18 часов идет бой. Он обрезал канаты и вышел в море с 80-пушечным «Вильгельмом Теллем», «Женере» и фрегатами «Диана» и «Жюстис». Остальные корабли, составлявшие правое крыло, выбросились на берег, почти не приняв участия в бою.

Потери английской эскадры и возникший на ней беспорядок были таковы, что через 24 часа после начала сражения на «Тоннане» развевался еще французский флаг, но ни один из кораблей Нельсона не был в состоянии атаковать его – настолько пострадала английская эскадра. Он [74] с удовольствием увидел, что «Вильгельм Телль» и «Женере» спасаются бегством. Его не соблазняла мысль о преследовании их. Своей победой он был обязан тупости и небрежности капитанов «Герье» и «Конкерана», несчастному случаю с «Орианом» и дурному поведению адмирала Вильнева. Брюэйс выказал величайшее мужество. Несколько раз раненный, он отказался спуститься на перевязочный пункт. Он умер на своем мостике и с последним вздохом отдал боевой приказ. Командир «Ориана» Каза-Бьянка, выдающиеся офицеры Тевенар, Дюпти-Туар погибли со славой. С Каза-Бьянка находился его сын. Увидев, что пламя охватывает корабль, он пытался спасти ребенка и привязал его к плавающей в море стеньге; но этот красивый мальчик был поглощен волнами при взрыве. Сам Каза-Бьянка погиб при том же взрыве вместе с «Орианом», держа в руке национальное знамя. Мнение моряков обеих эскадр едино: Вильнев мог обеспечить победу французов; он мог сделать это в 8 часов вечера, он мог сделать это в полночь после гибели «Ориана», он мог сделать это еще и на рассвете. Этот адмирал заявил в свое оправдание, что ожидал сигнала адмирала [75] ; но в клубах дыма этот сигнал не удалось прочесть. Нужен ли сигнал, чтобы прийти на помощь товарищам и принять участие в битве? К тому же «Ориан» взорвался в 10 часов вечера, сражение закончилось на следующий день, около 12 часов. Следовательно, Вильнев командовал эскадрой в течение 14 часов. Этот офицер в генеральском чине не был лишен морского опыта, но был лишен решимости и энергии. Он обладал достоинствами капитана порта, но не имел качеств солдата. На высоте Кандии «Вильгельм Телль» и «Женере» разделились. «Вильгельм Телль» отправился на Мальту с двумя фрегатами; «Женере» под командой отважного Лежуаля вошел в Адриатическое море и погнался за посланным с поручением «Леандром» – 50-пушечным кораблем, участвовавшим в Абукирском сражении; он захватил его после четырехчасового боя и привел на Корфу. Англичане потеряли в этом [76] сражении 800 человек убитыми и ранеными. Они захватили семь линейных кораблей; два линейных корабля и

один фрегат сели на мель и попали в их руки; один линейный корабль и один фрегат сели на мель и были сожжены у берега их экипажами; один линейный корабль взорвался; два линейных корабля и два фрегата спаслись. Число пленных и убитых достигало почти 3000 человек. 3500 человек прибыли в Александрию, в том числе 900 раненых, возвращенных англичанами. Командиры кораблей «Герье» и «Конкеран», «Эре», «Меркюр», «Тимолеон» покрыли себя стыдом. Капитаны фрегата «Серьез», кораблей «Спартиат», «Аквилон», «Пепль-Суверен», «Франклин» «Тоннан» заслужили величайшую похвалу [77] .

V

Тысяча солдат морской пехоты или матросов, спасшихся с эскадры, были включены в состав артиллерийских и пехотных частей армии; полторы тысячи составили морской легион из трех батальонов; еще одна тысяча была использована для пополнения экипажей двух 64-пушечных линейных кораблей, семи фрегатов и бригов, корветов и посылочных судов, которые находились в Александрии. Начальник военно-строительных работ флота Лерой энергично занялся спасательными работами. Ему удалось спасти несколько пушек, ядра, мачты, куски дерева. Капитан 1-го ранга Гантом – начальник штаба эскадры, бросившийся в воду, когда «Ориан» был охвачен пламенем, и достигший берега, был произведен в контр-адмиралы и взял на себя командование военно-морскими силами армии.

Адмирал Брюэйс своим хладнокровием и неустрашимостью исправил, насколько это от него зависело, допущенные им ошибки, а именно: 1) то, что он не выполнил приказ своего начальника и не вошел в старый порт Александрии; он мог сделать это, начиная с 8 июля; 2) то, что он оставался на якоре у Абукира, не принимая при этом должных мер предосторожности. Если бы он держал в море легкую эскадру, то уже на рассвете был бы предупрежден о приближении противника и не был бы захвачен врасплох; если бы он вооружил остров Аль-Бекейр и воспользовался двумя 64-пушечными линейными кораблями, семью фрегатами, бомбардами, канонерками, которые стояли в порту Александрии, а также матросами, находившимися в его распоряжении, то обеспечил бы себе большие шансы на победу; если бы он поддерживал хорошую дисциплину, ежедневно объявлял бы тревогу, два раза в день проводил учебные стрельбы и по крайней мере два раза в неделю лично осматривал свои корабли, то батареи правого борта на «Герье» и «Конкеране» не были бы загромождены. Тем не менее, несмотря на все его ошибки, если бы «Ориан» не взорвался, а адмирал Вильнев пожелал бы принять участие в бою, вместо того чтобы оставаться

праздным наблюдателем, французы смогли бы еще рассчитывать на победу. Образ действий Нельсона был отчаянным и не может быть рекомендован как образец, но сам он и английские экипажи проявили такую энергию и искусство, какие только было возможно проявить, в то время как половина французской эскадры выказала столько же неспособности, сколько и малодушия.

Через несколько дней после сражения Нельсон покинул воды, омывающие Египет, и направился к Неаполю. Он оставил крейсировать перед Александрией три линейных корабля. Командиры сорока неаполитанских судов, входивших в состав конвоя, пожелали вернуться в Неаполь. Они вступили в переговоры с английской эскадрой. Им разрешили выйти из порта, но в момент выхода они были захвачены, выведены в море и сожжены; их экипажи были взяты в плен. Это событие имело наилучшие последствия для армии. Оно вызвало величайшее негодование генуэзцев и других матросов с берегов Италии, находившихся на судах конвоя; с этого времени они стали действовать заодно с армией и служили ей со всем усердием, на какое были способны.

После боя у Салихии главнокомандующий вступил в переговоры с Ибрагим-беем. Этот бей прекрасно понял, почему именно положение его было плачевным. Он находился в распоряжении Джеззар-паши, пользуясь репутацией владельца больших сокровищ. Со всех сторон ему грозила опасность. Ему было предложено сохранить за ним и всеми его мамлюками право собственности на все их деревни, а также на их дома, платить им жалованье за счет республики: беям – как генералам, киашифам – как полковникам, а его лично возвести в сан государя с соответствующими почестями. К этому предложению прислушались. Один из доверенных киашифов явился в Каир. Но через неделю после прибытия туда он получил отзывавшее его письмо Ибрагим-бея. Ибрагим писал ему: уничтожение эскадры изменило положение вещей; не имея более возможности получать подкрепления, будучи со всех сторон окруженными врагами, французы закончат тем, что будут побеждены.

Через несколько дней после битвы у пирамид главнокомандующий написал Мурад-бею письмо и послал к нему негоцианта Розетти – ловкого человека, друга мамлюков и консула Венеции. Он [78] сделал ему те же предложения, что и Ибрагим-бею. К этому он присовокупил пост губернатора одной из провинций Верхнего Египта – до того времени, когда удастся облечь его суверенной властью в Сирии. Мурад-бей, чрезвычайно высоко ставивший французскую армию, принял это предложение

и заявил, что полагается во всем на великодушие французского полководца, нацию которого он знает и уважает; что сам он удалится в Исну и будет управлять долиной, от «двух гор» до Сиены с титулом эмира; что он считает себя подданным французской нации и предоставит в распоряжение главнокомандующего для использования по его усмотрению отряд в 800 мамлюков; что за ним и его мамлюками будет закреплено владение всеми принадлежащими им деревнями и прочим имуществом и что он примет предложение относительно предоставления ему территории в Сирии, если главнокомандующий распространит на нее свою власть, но хочет лично договориться по этому вопросу с главнокомандующим, которого горячо желает видеть. Розетти уехал с этой депешей. Он надолго задержался в Бени-Суэйфе и перед отъездом из этого города получил от Мурад-бея новое письмо, в котором говорилось, что, будучи уведомлен командующим английской крейсерской эскадрой о гибели французского флота в Абукире, он не может принять на себя никаких обязательств; что если бы он подписал таковые, то стал бы их придерживаться; но, оставаясь еще свободным, он решил сам попытать счастья.

Кораим – этот комендант Александрии, который первым подчинился французскому оружию и оказал важные услуги, – вступил в переписку с командующим английской крейсерской эскадрой. Он предстал перед военно-судной миссией и был приговорен к расстрелу. Несколько дней главнокомандующий колебался; но ввиду критического положения вещей, требовавшего наказания в пример другим, он пожертвовал своими симпатиями к этому человеку. В Газе высадились английские агенты, которые вошли в сношение с Ибрагим-беем, Джеззар-пашой и арабами Суэцкой пустыни. Другие высадились поблизости от башни Арабов, взбунтовали племена Бахейры, пустыни, Большого и Малого оазисов, завязали переписку с Мурад-беем, снабдили арабов деньгами, боеприпасами и оружием. В ноябре полк французской кавалерии был очень удивлен, очутившись среди арабов, вооруженных английскими ружьями со штыками. Дурное влияние Абукирского сражения ощущалось даже в самом Каире. Друзья англичан распространяли там преувеличенное представление о последствиях их победы. Но после того как эскадра Нельсона удалилась от берегов Египта, удалось убедить шейхов в том, что ее преследовала другая французская эскадра. К тому же армия усиливалась на глазах. Кавалерия энергично пополнялась прекрасными конями. Отдохнувшая пехота привыкала к стране. Вскоре, когда жаркий сезон миновал, она сделалась совсем иной. Лошади для

артиллерийских упряжек доставлялись в том количестве, какое требовалось. Передвижения всех родов войск, частые смотры и учения с каждым днем укрепляли в умах арабов мнение о могуществе французской армии, и несколько недель спустя от ощущений, вызванных абукирской катастрофой, не осталось и следа.

VI

Нельсон прибыл в порт Неаполь, где его приняли как триумфатора. Король и особенно королева открыто выказали свою ненависть к французской нации. Следствием этого явилась война. В ноябре 1798 г. неаполитанский король вступил в Рим во главе 60-тысячной армии; но он был разбит, отброшен, изгнан из Неаполя и вынужден искать убежища на Сицилии. Россия и Австрия присоединились к Англии и в марте 1799 г. возобновили войну второй коалиции. Как только Порта узнала о вторжении в Египет, она выразила неудовольствие, однако умеренное. Джеззар-паше, посылавшему гонца за гонцом с просьбами о помощи и полномочиях, был в ответ дан приказ: обороняться в Сирии, если он будет там атакован, но не начинать никаких военных действий и сохранять хладнокровие; султан ожидает объяснений из Парижа и не забыл, что французы – старейшие союзники империи. Англия, Австрия, Россия и Неаполь предприняли совместные демарши, чтобы втянуть Порту в войну с республикой. Император [79] Селим постоянно отвечал отказом. Он заявил, что ожидает объяснений; но на самом деле совсем не хотел ввязываться в войну с Францией – врагом его природных врагов – России и Австрии. Он прекрасно понимал, что, коль скоро его армии окажутся скованными в пустынях Аравии, Константинополь станет жертвой ненависти и честолюбия русских.

Один придворный, пользовавшийся особенным доверием Селима, прибыл в Каир через Дерну с караваном паломников. Он посетил главнокомандующего. Он сообщил ему истинные намерения Порты. Он требовал – и это тут же было ему обещано – подтверждения права собственности города Мекки на все его владения, назначения османа эмир-агой и формирования отряда из мусульманских войск для охраны меккского каравана; наконец – объяснений главнокомандующего относительно его планов (при этом он заверил его в том, что Порта исполнена решимости ничего не делать поспешно и не дать увлечь себя никаким страстям). Этот придворный провел в главной квартире более сорока дней. Он имел основание быть довольным тем, что сообщили ему каирские шейхи о настроениях султана Кебира и французов; он отплыл из порта на Красном море, под предлогом

поездки в Мекку, и в декабре прибыл в Константинополь. Но к этому времени Порта была уже увлечена потоком событий; уничтожение Абукирской эскадры поставило ее в полную зависимость от английской и русской эскадр. Письма французских офицеров, перехваченные крейсерской эскадрой и пересланные Порте английскими министрами, также оказали влияние на ее настроение. Эти офицеры проявили такое недовольство, описывали положение армии, как такое критическое, что диван решил, что союзникам будет нетрудно вновь овладеть Египтом, в то же время он опасался, что если англичане станут хозяевами Египта, то они оставят его за собой, как грозились сделать. Это соображение – более, чем какое-либо другое, – побудило его объявить войну республике.

Глава V Религиозные дела

I. Улемы мечети Аль-Азхар. – II. Фетфа. – III. Праздник Нила и Пророка. – IV. Имам Мекки. – V. Нравы.

I

…Политические деятели, изучавшие внимательнее других дух народов Египта, рассматривали религию как главное препятствие на пути к установлению французского господства. Чтобы утвердиться в Египте, говорил Вольней в 1788 г., придется выдержать три войны: первую – против Англии, вторую – против Порты, а третью – наиболее трудную из всех – против мусульман, составляющих население этой страны. Последняя потребует таких жертв, что ее, быть может, следует рассматривать как непреодолимое препятствие. Хотя французы стали хозяевами Александрии и Каира и победили в сражениях у Шубрахита и пирамид, положение их было непрочным. Их только терпели правоверные, которые, ошеломленные стремительностью событий, уступили силе, но уже оплакивали открыто торжество идолопоклонников, присутствие которых оскверняло священные воды. Они стенали от позора, который это присутствие навлекало «на первый ключ» к священной Каабе [80] ; имамы напыщенно декламировали те стихи Корана, которые наиболее враждебны неверным.

Необходимо было приостановить распространение этих религиозных идей; в противном случае армия, несмотря на одержанные ею победы, оказалась бы под угрозой. Она была слишком слаба и утомлена, чтобы вести религиозную войну. В XI и XII веках крестоносцы царствовали в Антиохии, Иерусалиме, Эдессе, Птолемаиде, но они были столь же фанатичны, как и мусульмане. В анналах всемирной истории нельзя найти примера усилия, подобного тому, которое предприняла тогда Европа. Несколько миллионов европейцев нашли смерть на полях Сирии, и все же после нескольких призрачных успехов крест был низвергнут, мусульмане одержали победу. Предсказание Вольнея начинало осуществляться; нужно было либо вернуться на суда, либо примирить с собою религиозное мышление, избежать анафем Пророка, не допустить зачисления нас в ряды противников ислама; нужно было убедить, завоевать доверие муфтиев, улемов, шерифов, имамов, чтобы они истолковали Коран в пользу армии.

Школа, или университет, мечети Аль-Азхар – самая знаменитая на Востоке. Она была основана Саладином. Шестьдесят докторов богословия, или улемов, обсуждают там

вопросы веры, толкуют Священное Писание. Она была единственной, способной подать пример, увлечь за собой общественное мнение Востока и определяющих его четырех сект. Эти четыре секты – шафеиты, малекиты, ханбалиты и ханафиты – расходятся между собой только по вопросам обрядности; каждая из них имела в Каире своего главу – муфти. Наполеон не упустил ничего из того, что могло привлечь их на его сторону, польстить им. Это были старцы, почтенные по своим нравам, образованию, богатству и даже по рождению. Ежедневно, после восхода солнца, они и улемы мечети Аль-Азхар стали, до наступления часа молитвы, являться во дворец. Эта процессия заполняла всю площадь Эзбекия. Они прибывали верхом на мулах с богатой упряжью, в окружении своих слуг и большого числа палочников. Французская стража брала на караул и оказывала им самые большие почести. Когда они входили в залы, адъютанты и переводчики также встречали их с почетом, угощали их шербетом и кофе. Через несколько минут входил главнокомандующий, усаживался на диване рядом с ними и старался внушить им доверие обсуждением Корана, приглашая их разъяснить ему наиболее важные места и высказывая большое восхищение Пророком. По выходе из дворца они отправлялись в мечети, где собирался народ. Там они говорили ему о всех своих надеждах, успокаивали это многочисленное население с его недоверием и дурными намерениями. Они оказывали армии подлинные услуги.

Французская администрация не только не посягнула на владения мечетей и религиозных организаций, но и охраняла их с пристрастием, которое могло быть результатом только искренней склонности главнокомандующего к мусульманской религии. Основным принципом политики турок и мамлюков было отстранение шейхов [81] от отправления правосудия и отдел управления: они боялись, как бы те не стали слишком могущественными. Для этих почтенных старцев явилось приятным сюрпризом, когда в их ведение было передано уголовное и гражданское судопроизводство, а также спорные административные вопросы. Это быстро подняло их авторитет в народе. Не прошло и месяца со времени вступления французской армии в Каир, как настроение шейхов изменилось. Они искренне привязались к султану Кебиру. Они были поражены тем, что победа неверных, которой они так боялись, обеспечила их торжество; это для них французы одержали победу у пирамид! Французы относились внимательно и деликатно ко всем их деревням и всей их личной собственности. Никогда еще эти люди, стоявшие одновременно во главе религиозных организаций, знати и судов, не пользовались бóльшим

уважением; никогда еще их покровительства не добивались так не только мусульмане, но даже и христиане – копты, греки, армяне, жившие в этой стране. Последние воспользовались приходом армии для того, чтобы сбросить иго обычаев, не страшась мусульман. Как только главнокомандующий узнал об этом, он их обуздал. Все вошло в свою колею. Древние обычаи были полностью восстановлены, что наполнило радостью сердца мусульман и внушило им полное доверие.

Со времени революции французская армия не исполняла обрядов какой-либо религии. Она вовсе не бывала в церквах в Италии и не стала чаще бывать в них в Египте. Это обстоятельство было замечено проницательным оком улемов, столь ревностно и тревожно относившихся ко всему, что имело отношение к их культу. Оно оказало на них самое благоприятное влияние. Если французы не были мусульманами, то по крайней мере было доказано, что они и не идолопоклонники; султан Кебир, несомненно, находился под покровительством Пророка. Из тщеславия, свойственного всем людям, шейхи с удовольствием рассказывали о ласковом приеме, который он им оказывал, о почестях, которыми их осыпали, обо всем, что они говорили или воображали, что сказали. Их пристрастие к Наполеону было очевидным, и одним из догматов веры стало: «Французы никогда не победили бы правоверных, если бы их вождь не пользовался особым покровительством Пророка. Армия мамлюков была непобедимой, самой храброй на Востоке; если она не оказала никакого сопротивления, то это потому, что была греховной, неправедной. Этот великий переворот предсказан в Коране в нескольких местах».

Затем султан Кебир затронул струнку арабского патриотизма: «Почему арабская нация подчинена туркам? Почему в плодородном Египте, священной Аравии господствуют выходцы с Кавказа? Если Магомет спустился бы сегодня с небес на землю, то куда бы он направился? В Мекку? Но тогда он оказался бы не в центре мусульманской империи. В Константинополь? Но это светский город, где неверных больше, чем верующих, там он очутился бы среди врагов его; нет, он предпочел бы священные воды Нила, поселился бы в мечети Аль-Азхар, этом «первом ключе» к священной Каабе». Когда эти почтенные старцы слышали такие речи, лица их расплывались в улыбке, они наклонялись вперед и, скрестив руки, восклицали: «Тайиб! Тайиб!» – о, это истинно так!

Когда Мурад-бей был отброшен в Фиваиду, Наполеон сказал им: «Я хочу восстановить Аравию, кто помешает мне? Я уничтожил мамлюков – самое храброе войско Востока. Когда мы

достигнем полного согласия между собой и народы Египта узнают, сколько добра я хочу им сделать, они искренне привяжутся ко мне. Я хочу возродить времена славы Фатимидов [82] ». Эти речи стали предметом обсуждения всей каирской знати. То, что она увидела у пирамид, заставило ее поверить во всемогущество французской армии. Она окружила главнокомандующего своим вниманием, видя в нем человека, избранного провидением. Шейх Аль-Мохди – самый красноречивый, образованный и молодой из всех в Аль-Азхаре, – являлся в то же время тем, кто пользовался наибольшим доверием Наполеона. Он переводил обращения арабскими стихами. Отдельные строфы заучивались наизусть и поныне повторяются в пустынях Африки и Аравии.

С тех пор как улемы образовали диван, ведавший делами управления, они получали отчеты из всех провинций и знали о смутах, порождаемых недоразумениями и самым именем неверных. Султан Кебир в своих беседах с ними стал все более горько жаловаться на неблагонамеренные проповеди, с которыми имамы выступали по пятницам в мечетях; но выговоры и увещания, с которыми шейхи обращались к этим беспокойным имамам, оказались недостаточными. Наконец, когда он счел момент благоприятным, он сказал десяти из главных шейхов, наиболее ему преданным: «Нужно положить конец этим беспорядкам; мне нужна фетфа Аль-Азхары, приказывающая народу принести присягу на верность». Это предложение заставило их побледнеть; душевное волнение отразилось на их лицах; выражение последних стало печальным и унылым. Шейх Аль-Шаркун – глава улемов Аль-Азхары – взял слово и сказал после продолжительного раздумья: «Вы хотите пользоваться покровительством Пророка, он любит вас; вы хотите, чтоб арабы-мусульмане поспешили встать под ваши знамена, вы хотите возродить славу Аравии, вы не идолопоклонник, сделайтесь мусульманином; 100 000 египтян и 100 000 арабов из Аравии, Медины, Мекки сомкнутся вокруг вас. Под вашим водительством и дисциплинированные на ваш манер, они завоюют Восток, и вы восстановите родину Пророка во всей ее славе». В то же мгновение старческие лица осветила улыбка. Все пали ниц, призывая покровительство небес. Со своей стороны главнокомандующий был удивлен. Его неизменным мнением было, что всякий человек должен умереть, не изменив своей религии. Но он быстро сообразил, что всякие разговоры и дискуссии по этим вопросам окажут хорошее влияние. Он ответил им: «Есть две большие трудности, препятствующие тому, чтобы я и моя армия сделались мусульманами; первая – это обрезание,

вторая – вино; мои солдаты приучены к вину с детства, я никогда не смогу убедить их отказаться от него». Шейх Аль-Мохди предложил поручить шестидесяти шейхам Аль-Азхара открыто поставить этот вопрос и обсудить его. Вскоре во всех мечетях распространился слух о том, что великие шейхи денно и нощно поучают султана Кебира и главнейших генералов догматам веры и даже обсуждают содержание фетфы, которая облегчила бы, насколько возможно, это великое событие [83] . Самолюбие всех мусульман было польщено, радость была всеобщей! Это самолюбие повторяло им, что французы восхищены Магометом, что их вождь знает Коран наизусть и признает, что в этой премудрой книге заключены прошлое, настоящее и будущее; но что его останавливает обрезание и запрещение Пророком пить вино. Имамы и муэдзины всех мечетей в течение сорока дней находились в величайшем возбуждении. Но это возбуждение было полностью в пользу французов. Последние не считались более неверными. Все, сказанное Пророком, не могло более относиться к победителям, которые повергли свои лавры к подножью столпа ислама. В народе ходили тысячи слухов. Одни говорили, что сам Магомет явился султану Кебиру, сказав ему: «Мамлюки правили, следуя только своим капризам; я выдал их тебе. Ты предоставил власть шейхам, улемам; поэтому все тебе удается. Но нужно завершить то, что ты начал. Признай догматы моей веры и следуй им; это вера самого Бога. Арабы ждут только этого сигнала; я дам тебе завоевать всю Азию». Эти речи и ответы, приписываемые султану Кебиру, распространялись в тысячах различных вариантов. Он воспользовался этим, чтобы распустить слух о том, что испросил годичный срок для подготовки своей армии и Магомет ему этот срок предоставил; что обещал построить большую мечеть; что вся армия станет мусульманской и что великие шейхи Ас-Сада и Аль-Бакри рассматривают его как мусульманина.

II

Четыре муфти наконец представили составленную и подписанную ими фетфу. В ней было сказано: что обрезание представляет собой дополнение [84] , что оно не было введено Пророком, а лишь рекомендовалось им, что можно поэтому быть мусульманином, не будучи обрезанным; что же касается второго вопроса, то можно пить вино и быть мусульманином, но это значит жить во грехе без надежды на награду, обещанную избранным. Наполеон выразил свое удовлетворение решением первого вопроса, радость его казалась искренней. Все эти старые шейхи разделяли ее. Но он выразил большое огорчение по поводу второй части фетфы. Как убедить его солдат принять новую

религию, когда это означает самим признать себя грешниками, взбунтовавшимися против велений неба? Шейхи признали, что это трудно, и заявили, что со времени постановки этих вопросов они в своих молитвах неустанно просят помощи у бога Измаила. После продолжительной беседы, в которой не все шейхи проявили себя одинаково твердыми в своих убеждениях, причем одни не видели никакого выхода, а другие полагали, напротив, что в фетфу можно внести некоторые изменения, шейх Аль-Мохди предложил: оставить в фетфе только первую часть, что окажет благоприятное действие на страну и просветит тех людей, чьи мнения расходятся с ее содержанием; вторую же часть сделать предметом новой дискуссии; быть может, удастся получить консультацию у шейхов и шерифов Мекки, которые такого высокого мнения о своей эрудиции и влиянии на Восток. Это предложение было принято. Фетфа была обнародована во всех мечетях; в пятницу, после молебна, когда имамы имеют обыкновение произносить проповедь, они разъяснили фетфу и единодушно и энергично высказались в пользу французской армии.

Вторая фетфа явилась предметом горячей и длительной дискуссии и переписки с Меккой. Наконец, будучи бессильны подавить сопротивление всех несогласных, равно как привести ее в полное соответствие с точным текстом Корана и заветов Пророка, муфти выработали фетфу, в которой говорилось: что новообращенные смогут пить вино и быть при этом мусульманами, если искупят свой грех добрыми делами и благотворительностью; что Коран предписывает раздавать в качестве милостыни или обращать на благотворительность не менее одной десятой своего дохода; те же, кто, став мусульманами, будут продолжать пить вино, должны будут довести средства, раздаваемые в качестве милостыни, до одной пятой своего дохода. Эта фетфа была принята и казалась способной примирить между собой все точки зрения. Совершенно успокоившись, шейхи полностью посвятили себя служению султану Кебиру и поняли, что ему понадобится по крайней мере год, чтобы просветить умы и преодолеть сопротивление. Он приказал представить ему чертежи, планы и сметы для подготовки строительства мечети, достаточно большой, чтобы вместить всю армию в день, когда она признает закон Магомета. Между тем генерал Мену публично перешел в ислам. Став мусульманином, он посещал мечеть в Розетте. Он не просил никаких послаблений. Весть об этом наполнила радостью сердца всех жителей Египта и не оставила сомнений в искренности намерений французов. Повсюду шейхи проповедовали, что

Наполеон, не будучи неверным, любя Коран, выполняя миссию Пророка, является истинным служителем священной Каабы. Этот переворот в умах сопровождался переворотом в управлении. Все, что было трудно, стало легко; все, что прежде удавалось приобрести с оружием в руках, теперь стало поступать по доброй воле, без усилий. С этого времени паломники, даже самые фанатичные, неизменно оказывали султану Кебиру такие же почести, как мусульманскому государю; примерно с того же времени при появлении главнокомандующего в городе правоверные стали падать ниц; они вели себя по отношению к нему так, как имели обыкновение вести себя по отношению к султану.

III

В день 18 августа, когда ниломер [85] на острове Руда показал 14 локтей, диван и кади приказали прорвать дамбу канала Повелителя Правоверных. Это – церемония, в которой жители Каира принимают наибольшее участие. Еще до восхода солнца 200 000 зрителей усеяли оба берега Нила в Старом Каире и у острова Руда. Несколько тысяч малых и больших барок, украшенных флагами и знаменами, дожидались момента, когда можно будет войти в Нил. Часть французской армии в парадной форме была выстроена тут же. Султан Кебир, окруженный своим французским штабом, четырьмя муфти, улемами, великими шейхами, шерифами, членами дивана, имея справа от себя Аль-Бакри, потомка Пророка, а слева – Ас-Сада, потомка Хасана, выехал из своего дворца, проследовал через весь город и прибыл в павильон у устья канала. Он был принят кади и шейхами ниломера. Был оглашен протокол, констатирующий уровень, достигнутый Нилом, доставлены и проверены на глазах у публики использованные меры. Было объявлено, что «маль-аль-хур» подлежит уплате. Оглашение этого акта, подписанного и объявленного во всеуслышание, сопровождалось артиллерийским залпом и радостными кликами этой огромной толпы зрителей. Кади прорвал дамбу со всеми обычными церемониями. Потребовался час, чтобы река унесла ее. Нил устремился в канал с высоты 18 футов. Вскоре после этого маленькая барка, на которой находился шейх ниломера, вошла в реку первой, а за ней последовали другие, покрывшие собою Нил. Они дефилировали целый день. Генеральный казначей Эстев разбросал значительную сумму в мелкой монете. В павильоне был сервирован роскошный обед. Султан Кебир искренне подчинился всем формальностям, которых требовал обычай от правителя страны.

Нил предвещал паводок более сильный, чем за последние перед тем несколько лет. В городе была устроена иллюминация, и

празднество продолжалось всю эту ночь и следующие восемь ночей. Вскоре площади Каира сделались озерами, некоторые улицы – каналами, сады – затопленными лугами, над которыми высились деревья. В течение сентября весь Египет являл зрелище моря, если смотреть на него с вершины пирамид, горы Мукаттам или дворца Саладина. Это было восхитительное зрелище. Минареты и вершины мавзолеев как бы плавали в воздухе над поверхностью вод, которые бороздили во всех направлениях тысячи больших и малых парусников, занятых перевозками, обеспечением коммуникаций и обслуживанием нужд населения. Солдаты больше не жаловались, что Нил не оправдал своей репутации. Они больше не говорили, что это ручей, несущий грязную, мутную воду. В рукавах Нила высота воды достигала 27-28 футов, в большинстве каналов – 8, 10 и 12 футов, а на поверхности земли – 4, 5 и 6 футов. В декабре Нил вернулся в свое русло или в каналы. Постепенно показалась вновь земля. Тысячи земледельцев занялись вспашкой и обработкой ее. Они сеяли всякого рода злаки и овощи; наконец, несколько недель спустя, был снят первый урожай. Эти цветущие равнины, покрытые густыми всходами, имели очаровательный вид. Солдату показалось, что он вернулся в прекрасную Италию. Какой контраст с суровым видом этих иссушенных и выжженных равнин в июне и июле, то есть всего шесть месяцев назад!

В конце августа в этом году (1798 г.) отмечался праздник Пророка. Армия разделяла радость и удовлетворение жителей. Город был иллюминован цветными плошками. Каждая мечеть, каждый дворец, каждый базар, каждое здание отличались своими украшениями. Устраивались фейерверки. Армия в парадной форме произвела ряд эволюций под окнами дворца Бакри. Главнокомандующий и весь состав штаба нанесли ему визит. При этом присутствовали все улемы и муфти. Усевшись на земле на подушках, они распевали магометанские литании. Эти почтенные старцы целый час декламировали арабские стихи во славу Магомета. Все они с силою раскачивались сверху вниз. В момент, указанный молитвой, залп ста пушек, установленных в цитадели Гизы, на судах флотилии, а также всех полевых батарей приветствовал стих, который возвещал о прибытии Пророка в Медину – начало хиджры [86] . Шейх дал обед на пятидесяти столиках – по пяти приборов на столик. В середине стоял столик султана Кебира и Бакри. Полковые оркестры один за другим исполняли серенады, отражая всеобщую радость. Все площади города были заполнены бесчисленными толпами народа, разделившимися на круги в 60-100 человек, которые стояли, прижавшись друг к другу, и все время раскачивались либо сверху

вниз, либо вперед и назад с такой силой, что некоторые теряли сознание. Члены духовных братств, рассеянные по всем этим кругам, возбуждали сильнейшее любопытство и пользовались почтением народа. Непринужденность и веселье, с которыми мусульмане предавались всем этим церемониям, искренность, радость и братство, которые характеризовали их отношения с солдатами, позволяли судить о развитии общественного мнения и о том, сколь велико было достигнутое сближение.

1 вандемьера, в день праздника республики, мусульмане, в благодарность за участие армии в празднике Нила и Пророка, предались радости с полной непринужденностью. На площади Эзбекия была сооружена пирамида. На балюстраде, окружавшей пьедестал, расположились муфти, кади, улемы, великие шейхи. Выслушав обращение главнокомандующего и проделав ряд эволюций, армия прошла церемониальным маршем. Предоставление почетного места на этом празднестве знатным людям страны было с величайшим удовлетворением отмечено народом. Главнокомандующий дал обед на сто персон, со всей роскошью, какую можно было продемонстрировать в Париже. Вечером состоялись бега и всякого рода игры, развлечения для народа и солдат. Новым зрелищем, от которого французы ожидали большого результата, явился пуск воздушного шара, осуществленный Контэ. Шар поднялся и исчез в великой Ливийской пустыне. Место, где он опустился, осталось неизвестным, на нем [87] никого не было, но находились стихи на турецком, арабском и французском языках. Он, впрочем, не вызвал любопытства у мусульман. Но если он не произвел эффекта, на который рассчитывали, то породил различного рода слухи. Правоверные говорили, что он служит средством связи султана Кебира с Магометом. Шейх Аль-Мохди много смеялся над этим слухом, ходившим в народе. Он сочинил на эту тему прекрасные арабские стихи, которые распространились по всему Востоку.

IV

В Мекке царствовал шериф Халеб. Каирские улемы написали ему о прибытии французской армии и о покровительстве, оказываемом ею исламу. Он ответил, как человек, стремящийся предохранить большие интересы, которые были у него в Египте. Он царствовал над бедной местностью, для которой Египет был почти единственным источником средств существования – ржи, ячменя, овощей. Мекка, пришедшая в сильный упадок, все же сохраняла некоторые остатки прежнего процветания благодаря караванам с Запада и Востока. Караваны с Востока собирались в Дамаске и оттуда же отправлялись в путь, западные –

отправлялись из Каира. Шериф написал султану Кебиру и присвоил ему звание служителя священной Каабы, что стало известно и распространилось по стране через посредство мечетей, возымев хорошее действие. Шериф Мекки – суверенный правитель, имеет свои войска; но Джидда, порт Мекки, принадлежит султану, который держит там гарнизон. Он посылает туда пашу, который позволяет себе вмешиваться в управление самим городом [88] . Политика Константинополя состоит в том, чтобы уменьшить, как только возможно, религиозное влияние шерифа Мекки. Султаны являются халифами [89] ; по существу, им удалось свести это влияние к нулю. Французский главнокомандующий вел прямо противоположную политику. Он был заинтересован в том, чтобы возвысить авторитет этого мелкого владетеля в религиозных делах, поскольку тот нуждался в Египте для удовлетворения своих нужд. С ростом этого влияния соответственно уменьшалось влияние муфти Константинополя. Он [90] не только допускал, но и способствовал всеми средствами сношениям улемов с шерифом, который не замедлил осознать, сколь выгодна была такая политика для его интересов, для повышения его авторитета. Шериф стал желать укрепления французской власти над Египтом и, насколько от него зависело, всемерно этому способствовал.

Кахья паши был назначен эмир-агой. Этот выбор удивил; но он был вызван влиянием Порты. Она выразила пожелание, чтобы этот важный для религии пост был занят османом. Эмир-аге было передано все имущество и все права, связанные с отправлением этой должности. Он набрал отряд в 600 человек для сопровождения каравана [91] . Вскоре он стал пользоваться большим авторитетом и реальным влиянием. Ковер, который ежегодно посылает Каир для священной Каабы с караваном паломников, сделан из шелка, богато вышитого золотом; он изготовляется в мечети Султан-Калаун. Был отдан приказ сделать этот дар богаче обычного и вышить на нем большее количество изречений.

Офицеры инженерных войск, занятые фортификационными работами, повредили несколько могил. Весть об этом распространилась и вызвала величайшее недовольство. Около 6 часов вечера народный поток заполнил площадь Эзбекия и поднял шум под окнами султана Кебира. Охрана закрыла шлагбаумы, встала в ружье. Главнокомандующий был за обедом. Он подошел к окну со своим переводчиком, гражданином Вантюром, который объяснил ему, что это признак доверия, освященный обычаем способ представлять петиции государю. Вантюр спустился вниз, приказал открыть шлагбаумы, успокоил

охрану, велел выбрать депутацию из двадцати человек. Эти люди поднялись в апартаменты главнокомандующего и были приняты с величайшим уважением. С ними обращались, как с великими шейхами. Им подали кофе и шербет. Затем их ввели к главнокомандующему; они изложили свои жалобы. Ряд могил осквернен, французы ведут себя, как неверные или идолопоклонники. Лица, входившие в состав депутации, были большей частью улемами или муэдзинами, то есть людьми, которые обычно крайне фанатичны. Они говорили с жаром, но их жалоба была принята. Об офицерах французских инженерных войск отозвались с осуждением. Был послан приказ немедленно прекратить работы, и муфти выполнили все необходимые формальности, предписываемые в подобных случаях ритуалом. Делегаты были чрезвычайно польщены; они выразили свое удовлетворение собравшемуся народу; поднявшись на подобие помоста, они отчитались в сделанном депутацией. Отчет был встречен возгласами радости. Затем они отправились к осквернённым могилам. Работы были уже прекращены. Гордые своей победой, успокоив свою совесть, они прошли через весь город, распевая стихи Корана. Наконец они вошли в мечеть Аль-Азхар, где служил один имам; он помолился за султана Кебира и за то, чтобы Пророк всегда поддерживал в нем настроения, благоприятные исламу.

Мечети получали доход с большого количества земель и вкладов; но эти доходы нередко растрачивались администрацией мечетей. Султан Кебир, желая продемонстрировать свой интерес ко всему, что интересовало религию, подтвердил действительность всех вкладов, которыми пользовались мечети, мавзолеи, другие религиозные учреждения. Узнав, что мечеть Хасана очень плохо управляема, он однажды отправился туда в час молитвы. Все молящиеся вышли и окружили его, удивленные столь необычным зрелищем. Он велел позвать имамов, ведавших содержанием мечети. «Почему, – сказал он им, – этот храм божий так плохо содержится? Что сделали вы с доходами мечети? Разве для вас и ваших семей верующие дарили ренты и земли, или же они подарили их для содержания мечети и религиозных нужд?» Он тут же велел выбрать шестерых старейшин квартала и приказал отчитаться перед ними в использовании доходов мечети. Это встретило живейшее одобрение общественного мнения. Из отчетности стало ясно, что администрация должна мечети значительные суммы. Эти суммы были возвращены дебиторами и употреблены на украшение мечети. Наполеон повторил ту же сцену во всех мечетях, где имелись злоупотребления. Путешествуя по стране, он проявлял о них

такую же заботу. Повсюду он заставлял возвращать растраченные суммы, в результате чего в храмах повсеместно развернулись ремонтные и другие работы. Жалобы на тех, кто присваивал доходы мечетей, посылались анонимно или за подписью жалобщика, и он внимательно следил за отчетностью и возвращением присвоенных сумм, что необыкновенно радовало народ – и по причине его религиозности, и в силу того, что видеть, как заставляют раскошеливаться людей, ведающих общественными фондами, – для него всегда счастье.

V

Жены беев или киашифов иногда испрашивали аудиенции у султана Кебира. Они являлись, окруженные многочисленной свитой. Лица их были закрыты в соответствии с обычаем страны. Невозможно было судить о том, насколько они красивы; но маленькие ручки, тонкая талия, более или менее мелодичный голос, манеры, являющиеся следствием благосостояния и хорошего воспитания, раскрывали их сан и положение в свете. Они целовали руку султана Кебира, подносили ее к своему лбу и сердцу, усаживались на дорогих шелковых подушках и заводили разговор, в котором проявляли столько же ловкости и кокетства, сколько могли бы проявить наши европейские женщины, получившие наилучшее воспитание, чтобы добиться того, за чем пришли. Будучи рабынями своих мужей, они имеют, тем не менее, права, защищаемые общественным мнением; например, право ходить в бани, где завязываются интриги и устраивается большая часть браков. Ага янычар Каира, выполнявший функции начальника полиции и оказывавший большие услуги армии, однажды, в качестве вознаграждения, просил султана Кебира руки одной вдовы; эта вдова была красива и богата. «Но откуда вы знаете, что она красива, вы ее видели?» – «Нет». – «Почему вы просите ее руки у меня, согласится ли она на это?» – «Без сомнения, если вы ей прикажете». Действительно, как только эта вдова была поставлена в известность о намерении главнокомандующего, она подчинилась. Между тем эти двое супругов никогда не виделись и не знали друг друга. В дальнейшем большое количество браков совершалось таким образом.

Когда женщины едут в Мекку, они лежат в своего рода закрытых паланкинах из ивовых прутьев с занавесками, которые ставят поперек верблюда. Иногда эти корзины подвешиваются с обеих сторон седла, причем поддерживается равновесие; в подобном случае один верблюд несет двух женщин.

Жена генерала Мену продолжала после своей свадьбы посещать бани в Розетте [92] . Там перед ней заискивали все

женщины, которым было очень любопытно узнать, как она живет. Она рассказывала им о деликатности и заботливости ее мужа, о том, что за столом ей подают первой и ей же достаются лучшие куски, что для перехода из одного помещения в другое ей подают руку, что муж неустанно ухаживает за ней, старается исполнить все ее желания, удовлетворить все нужды. Эти речи возымели такое действие, что вскружили голову всем женщинам Розетты, и они направили в Каир султану Кебиру петицию с просьбой приказать египтянам во всем Египте обходиться с ними по обычаю французов.

Привлек к себе внимание народа институт. Библиотека, все математические и физические приборы, камни, растения и другие предметы, относящиеся к естественной истории и добытые учеными в этой стране, были собраны в его дворце или в саду. Местным жителям потребовалось много времени, чтобы понять, что представляет собой это сборище серьезных и пытливых людей; они не управляли, не занимались административными делами, религия не была их целью; жители решили, что они фабрикуют золото. В конце концов жители, однако, получили правильное представление о деятельности института, и ученых стали уважать не только богословы и знатные люди, но и низшее сословие, ибо они часто имели дело с рабочими и, руководя ими, сообщали нужные сведения из области механики или химии. Это завоевало им глубокое уважение народа.

Шейх Аль-Мохди, присутствуя на заседании института, получал через переводчика разъяснения о том, что там говорилось. Обсуждался доклад Жоффруа о рыбах Нила. Он попросил слова и сказал, что, как заявил Пророк, Бог сотворил 30 тысяч видов живых существ: 10 тысяч на суше и в воздухе и 20 тысяч в водах. Кстати говоря, это был самый ученый и образованный из всех шейхов, большой книжник. Однажды, когда великие шейхи находились у главнокомандующего, офицер, прибывший из Кельюба, доложил ему, что арабы племени биллис совершили налет на бедную деревню и убили одного феллаха. Наполеон выказал большое негодование и приказал одному из офицеров штаба отправиться туда с 300 всадниками и наказать разбойников. Поскольку он говорил с большим жаром, один из шейхов сказал ему: «Почему ты сердишься? Разве убитый феллах брат твой?» – «Да, – ответил султан Кебир, – все, кто послушен мне, – мои дети». – «Тайиб, тайиб [93] , – сказал шейх Аль-Шаркауи, – то, что ты сказал, – справедливо, ты говоришь, как Пророк!!!» Полчаса спустя он не преминул рассказать об этом в большой мечети, заполненной огромной толпой, что очень обрадовало народ, вскричавший: «Бог велик, Бог – справедлив,

все идет от Бога, все возвращается к Нему, все мы – Божьи».

Глава VI Восстание в Каире

I. Заседание Большого дивана Египта. – II. Порта объявляет войну Франции. – III. Брожение в городе. – IV. Народное восстание. – V. Возвращение священных книг. – VI. Фортификационные работы.

I

Три четверти деревень остались без мультазимов. Последние погибли на поле сражения у пирамид. Положение казалось благоприятным для того, чтобы изменить систему землевладения, введя западные законы. Однако мнения на этот счет разделились. Те, кто не желал никаких новшеств, говорили: не следует лишаться средства вознаграждения офицеров армии и увеличения числа сторонников Франции; своеобразные обстоятельства, существующие в Египте, позволяют облагать только урожай, полученный с полей; площадь, пригодная к обработке, ежегодно изменяется в зависимости от территории, затопляемой при паводке; продукция одного и того же поля неодинакова и зависит от культуры, которая на нем разводится, что вызывает необходимость в подсчете количества этой продукции при каждой уборке урожая; участие и авторитет мультазимов необходимы для руководства и наблюдения за всеми этими операциями, столь деликатными по самой своей сущности; к тому же важнее привязать к себе среднее сословие, способное к благодарности, нежели толпу, которая на Востоке еще более невежественна, легковерна и неблагодарна, чем на Западе; самое важное – это не затрагивать ничьих интересов и не допускать никаких несправедливостей, результаты которых так долго сказываются на кредите и настроениях общества. Верно, что все, что относилось к земельной собственности и налоговому обложению, было еще окружено мраком.

Другие указывали, что из 3 миллионов жителей Египта 2 миллиона 600 тысяч составляют крестьяне, положение которых значительно улучшится, а благосостояние повысится в результате освобождения от оброка земель атар, что преисполнит их симпатии к Франции; то, что говорится о необходимости облагать только снятый урожай, верно всюду и в особенности в Египте, но участия мультазимов тут вовсе не требуется, а хорошая система взимания податей, охватывающая всю страну, будет действовать лучше и более справедливо.

За 60 лет, истекших с того времени, как мамлюки захватили всю власть в стране, учреждения, защищавшие интересы народа, были упразднены. Общественное мнение требовало законов и

настоящих судебных органов, способных обеспечить жителям пользование двумя великими благами общественного порядка – безопасностью для личности и для имущества. При тех обстоятельствах, в которых мы находились, было в некоторых отношениях выгодно поставить народ этой страны в такое положение, когда он будет вынужден сам раскрыть свой характер и тайные мысли, это позволило бы французам определить, на что они могут надеяться и чего им следует опасаться от игры страстей. Это породило идею созвать Великий диван в составе всей знати и депутатов от провинций и вызвать в нем дискуссию по всем важным вопросам, представляющим общественный интерес. Большой диван собрался на свое первое заседание 1 октября и проявил наилучшие настроения по отношению к новому порядку вещей. Он одинаково ненавидел мамлюков и османов. Правление тех и других было в равной степени противно принципам Корана. Первые, рожденные неверными, переходили в ислам неискренне; вторые были жадны, капризны и невежественны. Образованные люди понимали совершенство принципов, которые управляли нациями Европы; их соблазняла перспектива счастья, которое принесет им хорошая система правления, а также уголовное и гражданское правосудие, базирующееся на здравых идеях. Слава и счастье арабского отечества были дороги всем; это была такая струнка, затрагивая которую в дальнейшем можно было ожидать исполнения всех надежд.

Ход дискуссии в ассамблее был чрезвычайно медленным, то ли в силу спокойного и молчаливого характера людей Востока, то ли из-за непривычки к ней, то ли, наконец, вследствие различий в обычаях провинций и трудности наведения справок о прошлом в стране, где ничего не издается. Но мало-помалу все образовалось, и стали терять меньше времени. Будучи запрошен о своем мнении по важнейшему вопросу – следует ли сохранить законы и обычаи, регулирующие право владения, или же следует предпочесть введение законов Запада, где право собственности на имущество неприкосновенно, а передача владений допускается по завещаниям, дарственным или на основании добровольных актов купли-продажи, притом в согласии с установленными законами и формами, – Большой совет не стал колебаться. Он единодушно заявил: законы Запада соответствуют духу книги истины; именно в этом духе правили Аравией халифы Омейяды, Аббасиды и Фатимиды; феодальный принцип – вся земля принадлежит султану – был принесен монголами, татарами и турками; их [94] предки подчинились ему с отвращением. В диване развернулась горячая дискуссия по вопросу об упразднении мультазимов и

освобождении от оброка земель атар. Имамы боялись за владения мечетей, мультазимы располагали большинством в ассамблее, только шейх-аль-беледы, явившиеся депутатами от деревень, настаивали на освобождении их от оброка. Прежде всего удовлетворили интересы имамов, установив, что всякого рода земли, принадлежащие мечетям, будут сданы в долгосрочную аренду на 99 лет; мультазимы громко жаловались на несправедливость, какой явится отобрание их владений, но их оставалось мало, и мультазимам было предложено сохранить за ними так называемые земли «васия», которыми они владели, а также предоставить компенсацию за потерю земель атар в виде земель «васия», находящихся в других общинах. При этом новом порядке вещей, каков должен был быть размер мири? Одни говорили, что его можно довести до половины урожая, другие полагали, что он не должен превышать одной четверти – иначе пострадает земледелие. В течение двадцатидневной работы ассамблеи обсуждались и другие вопросы. Просвещение распространялось, но чрезвычайные события отвлекли внимание от великих идей, которые должны были оказать такое большое влияние на благосостояние этого народа и его взгляды, навеки связав его с Западом.

II

Французское правительство отменило экспедицию в Ирландию. Ирландцы, которым была обещана мощная поддержка, восстали; они долго выдерживали натиск английских войск, но затем были покорены. Поскольку Порта не получила никаких объяснений, а французский посол, о предстоящем приезде которого ее известили, не прибыл, она уступила давлению Англии и России и объявила войну республике. В то время как Париж забыл или пренебрег всем, о чем условились при разработке плана кампании 1798 года, Наполеон пунктуально исполнял все, им обещанное. Прибыв в Александрию, он добился привязанности офицеров турецкой каравеллы; он написал паше, пригласил его остаться в Каире, но последний, вынужденный следовать за Ибрагим-беем, оставил там только своего кахью; он приказал повсюду вывешивать флаг султана рядом с французским, велел продолжать молиться в мечетях за константинопольского султана; он пошел навстречу пожеланиям Порты, назначив на пост эмир-аги османа – самого кахью. Когда каравелла получила от капудан-паши [95] приказ вернуться в Константинополь, он приказал произвести на ней ремонт, снабдил ее за собственный счет продовольствием и отправил с нею господина Бошана – ученого астронома, долго жившего в Константинополе и на Черном море; он поручил ему

дипломатическую миссию. Через Дамаск он вступил в сношения с реис-эфенди [96] . Но успеху всех его действий мешали молчание и инертность Люксембургского кабинета.

Порта распространила власть Джеззар-паши на всю Сирию. Ему подчинялись Алеппо, Триполи, Дамаск, Иерусалим и Яффа. В конце октября она назначила его сераскером [97] Египта. В качестве такового он направил шейху Саде фирман, содержавший объявление султаном войны Франции. Наполеон отправился на обед к шейху. Оставшись наедине с ним, он категорически потребовал от него выдачи оригинала фирмана. Сада сначала отрицал, что знаком с ним, потом заколебался, впал в противоречие и наконец отдал фирман. Между тем по городу распространились тысячи слухов. Рассказывали, что капудан-паша прибыл в Яффу, где высадил армию, составленную из османов, которая после присоединения армии Джеззара, набранной в Алеппо, Дамаске и Иерусалиме, стала бесчисленной; она осушала все колодцы Сирии. Эти вести привели в уныние диван. Он был напуган тем, что силы Порты присоединились к силам Англии и России, и стал сомневаться в исходе войны. Наиболее горячие головы охладели, те же, кто был холоден и робок, сделались нашими врагами. Со своей стороны, Ибрагим-бей в Сирии и Мурад-бей в Верхнем Египте не проводили время в бездействии. Мамлюки забрасывали провинции угрозами шейх-аль-беледам, которые перешли на сторону французов и перестали выплачивать им фаиз.

III

Французские инженерные войска непрерывно трудились над укреплением и вооружением цитадели. Сначала они исправили ту часть ее, которая обращена к открытой местности, что не привлекло внимания народа; но когда по ходу работ они занялись укреплениями, обращенными к городу, и разрушили большое число киосков и домов, а также мечеть, загромождавшие валы и на развалинах установили мощные батареи, жители стали громко высказывать беспокойство: «Почему на нас наводят пушки; разве мы не друзья? Не имеют ли французы дурных намерений?»

Город был разделен на 50 кварталов, каждый из которых был обнесен оградой. Ворота их закрывались и открывались по воле начальников кварталов. Малейшая небрежность в этом деле прерывала коммуникации и приводила к стычкам с солдатами. Существование подобных постоянных баррикад было опасным для французской власти, порождало в народе самоуверенность и наглость. Созыв Большого дивана, настроение которого было весьма благожелательным, показался удобным предлогом для разрушения всех этих барьеров. Заранее подготовившиеся

инженерные войска занялись этим с большой энергией. Владельцы недвижимости, злонамеренные лица стали протестовать против этих новшеств: «Зачем менять то, что было всегда?» Они обратили внимание на совпадение разрушения оград с вооружением цитадели и взысканием чрезвычайного налога. Настроение ухудшилось; через несколько дней в городе стало замечаться брожение. «У нас требуют денег, – говорили они, – сумма, хотя и велика, но может быть внесена; но в то же время разрушают наши барьеры и наводят на нас пушки. Каковы же планы этих людей Запада? Они собрали всех знатных людей Египта под предлогом заседания дивана, но разве эти люди не заложники, которых они решили заполучить в свои руки, чтобы одним ударом уничтожить все, что есть в Египте великого и способного сплотить народ?»

Генерал Дюпюи был комендантом. Он являлся хорошим и смелым офицером, но был горяч и весьма вспыльчив. Он происходил из Тулузы. Живость гасконца плохо уживалась с восточной степенностью. Он не придавал никакого значения собственным словам и с легкостью угрожал жителям применением телесного наказания. В Европе хорошо знают, что подобные угрозы бессмысленны, поскольку они выходят за пределы полномочий того, кто к ним прибегает; что для применения телесного наказания необходим ряд публичных формальностей; но в условиях абсолютистского режима, когда представители власти могут позволить себе что угодно, всякий, кому угрожали, считал себя погибшим и жил чрезвычайно тревожно.

6 октября после утреннего туалета султана Кебира шейх Аль-Шаркауи сообщил, что в мечеть Аль-Азхар прибыл человек из Смирны, находился там десять дней и был им взят под наблюдение; у этого человека удалось исторгнуть признание в том, что Джеззар поручил ему начать священную войну против вождя французов; он [98] принял решение не поднимать шума, чтобы не лишать себя возможности предотвращать в будущем аналогичные преступления; он ограничился отсылкой этого фанатика в Сирию в сопровождении двух своих офицеров; но желательно усилить меры предосторожности, ибо возможно, что в других мечетях находятся другие личности, питающие такие же замыслы.

IV

Большой диван распределил между различными купеческими корпорациями Каира сумму в 6 миллионов, подлежавшую выплате в качестве займа. Распределение вызвало большие споры, рассмотрение которых во дворце кади привлекло множество

людей. Этот дворец сделался модным местом встреч; он открывался с восходом солнца, и там проводили часть утра. 22 октября толпа была более многочисленной, чем обычно; лестницы и дворы здания были заполнены любопытными, привлеченными вестью о том, что одна из корпораций подала жалобу на своего старшину. Туда явился ага [99] полиции; он предупредил о том, что большое число злонамеренных лиц возбуждает толпу. Но поскольку жители Каира любят поговорить, отличаются живостью характера и чрезвычайно любопытны, генерал Дюпюи был привычен к подобного рода тревожным известиям. Он все же направился ко дворцу, но слишком поздно. Он оставил свой патруль драгун во дворе и поднялся к кади. Видя, что умы сильно возбуждены, он посоветовал этому должностному лицу отложить рассмотрение дела на завтра, что тот и сделал. Дюпюи с трудом пробился сквозь толпу к своему коню. Драгун толкали со всех сторон. Одна из лошадей опрокинула магрибинца. Этот свирепый человек, прибывший из Мекки, выстрелил из пистолета, убил всадника и вскочил на его коня. Французский отряд атаковал и разогнал народ. Генерал Дюпюи выехал со двора, но, едва он показался на улице во главе своего патруля, его ударил копьем какой-то человек, стоявший там, как на посту. Он упал замертво. По городу тут же распространился слух о том, что султан Кебир убит, что французы сбросили маску и избивают правоверных. Муэдзины с высоты минаретов призывали правоверных к защите мечетей и города. Купцы закрыли свои лавки. Солдаты ринулись отовсюду в казармы. Злонамеренные лица закрыли ворота тех оград, которые еще не были разрушены. Женщины, вышедшие на террасы, издавали ужасающие вопли. Население бросилось к дому генерала дю Фальга, который неосторожно поселился подле главной мечети. Жители были сильно возбуждены против офицеров инженерных войск, потому что именно они разрушали барьеры, руководили фортификационными работами в цитадели и нередко оскверняли могилы при строительстве укреплений. В один миг дом был опустошен, книги и инструменты растащены, а пять или шесть лиц, находившихся в нем, умерщвлены. Их головы носили по улицам, а затем повесили на двери главной мечети. Вид крови возбуждает фанатиков. Пришедшие в ужас знатные лица запираются в своих домах, но народ исторгает их из жилищ и с торжеством ведет в мечеть Аль-Азхар; он образует диван обороны, организует ополчение, выкапывает из земли оружие, не забывает ничего из того, что может обеспечить безнаказанность мятежа.

По счастливому стечению обстоятельств, едва занялся

рассвет, Наполеон переправился через Нил для посещения арсенала в Гизе. Он вернулся в город к 9 часам. По виду жителей кварталов, через которые он проезжал, ему нетрудно было установить, что именно происходит. Он приказал вызвать главных улемов, но все дороги были уже перехвачены. Все перекрестки охранялись караулами повстанцев, началось строительство насыпей и стен, армия была в боевой готовности, каждый солдат на своем посту. Главные шейхи пытались просветить народ относительно неминуемых последствий, которые будет иметь его поведение; они ничего не смогли добиться; они были вынуждены примкнуть к движению, которое было неодолимо. Шейх Сада был избран председателем дивана мятежников; эта ассамблея состояла из сотни имамов, муэдзинов, руководителей магрибинцев – людей, принадлежавших исключительно к низшим классам. Она выпустила обращение, в котором заявила, «что Порта объявила войну Франции; что Джеззар-паша, назначенный сераскером, уже прибыл в Бельбейс со своей армией; что французы собираются спасаться бегством и разрушили барьеры в целях разграбления города в момент ухода». Всю ночь с высоты четырехсот минаретов Каира раздавались пронзительные голоса муэдзинов, сотрясавших воздух проклятиями по адресу всех врагов Бога, неверных, идолопоклонников. Таким образом прошел весь день 22-го, вся ночь с 22-го на 23-е. Повстанцы использовали это время, чтобы соорганизоваться. Слышались ружейные выстрелы, но не часто. Дело принимало весьма серьезный оборот; усмирение Каира могло стать очень трудной задачей. Но еще больше пищи для размышлений давали неизбежные последствия, которые все это должно было иметь. Нужно было подчинить этот большой город, избегая всего того, что могло обострить положение до крайности и исключить возможность примирения народа Египта с армией. Была расклеена прокламация на арабском и турецком языках, имевшая целью просветить жителей относительно ложных известий, которыми пользовались злонамеренные лица, чтобы ввести их в заблуждение. «Неверно, что Джеззар перешел через пустыню; разрушение барьеров соответствует правилам хорошего управления; вооружение цитадели со стороны города явилось лишь выполнением одного из военных правил; жителям напоминалось о битве у пирамид и о поведении султана Кебира по отношению к ним; в заключение предлагалось перенести спор на разрешение дивана». Эта прокламация оказала дурное влияние. Вожаки воспользовались ею, чтобы уверить народ в том, что французы испугались, а это придало ему наглости. Муфти заявили, что надеяться не на что и нужно незамедлительно

применить силу; что арабы пустынь двинулись в поход; что племена, находившиеся ближе всего к городу, прибудут в тот же день. Действительно, час спустя стало известно, что биллисы и терабинцы в числе 700-800 человек совершают враждебные акты и действуют на коммуникациях с Булаком. Адъютант Сулькусский выехал из Каира с 200 всадников, перешел через канал по мостику, атаковал бедуинов, убил некоторых из них и преследовал остальных на расстоянии нескольких лье. Он очистил все окрестности города, но сразу же после этого был ранен. Под ним убили лошадь, он упал на землю и был пронзен десятком копий. Сулькусский был поляком, хорошим офицером, членом Института Египта. Его смерть явилась чувствительной потерей.

Генерал артиллерии Доммартен с батареей из четырех мортир и шести гаубиц выступил из Булака, чтобы закрепиться на высотах форта Дюпюи. В час пополудни 30 мортир и гаубиц цитадели и батареи форта Дюпюи подали сигнал к атаке. В мечети Аль-Азхар разорвалось несколько бомб; час спустя в нескольких кварталах города начались пожары. В 3 часа мятежники сделали вылазку из ворот Побед, чтобы овладеть батареей форта Дюпюи. Их было 7000-8000 стрелков, в том числе 700-800 на лошадях. Минареты и весь купол мечети Хасана покрылись стрелками, которые пытались перебить канониров цитадели, но тщетно. Генерал Доммартен для защиты своих батарей располагал тремя батальонами и 300 всадниками. Он приказал атаковать повстанцев в штыки. Повстанцы были отброшены; кавалерия взяла из их числа 400 пленных. Главнокомандующий тотчас же дал сигнал к атаке четырем заранее подготовленным колоннам. Каждая из них состояла из двух батальонов, а проводниками им служили оставшиеся верными копты, сирийцы и янычары. Все четыре достигли мечети Аль-Азхар в тот самый момент, когда в нее входили пораженные ужасом беглецы, участвовавшие в атаке форта Дюпюи. Мечеть была взята штурмом. К семи часам вечера все успокоилось. Огонь прекратился. Ага полиции арестовал 80 из 100 членов, входивших в состав дивана обороны. Их поместили в цитадели. Ночь была молчаливой и мрачной. Знатные люди, укрывшиеся в своих гаремах, испытывали сильное беспокойство. Они не знали, как будут судить об их поведении и не возложат ли на них ответственность за народный мятеж. Около 4000 человек уехали до рассвета, пересекли пустыню и укрылись в Суэце. Пламя полностью пожрало только три дома, да еще около двадцати пострадало от него; мечеть Аль-Азхар была едва затронута пожаром. Потери французов достигли 300 человек (в том числе

сотня убитых). Тридцать больных, прибывших из Бельбейса, проходили через город в момент, когда вспыхнул мятеж; они были умерщвлены. Самой чувствительной потерей явилась гибель человек двадцати офицеров штаба и инженерных войск, а также членов комиссии искусств, которые были зарезаны в самом начале мятежа. Они оказались изолированными в различных кварталах. Порядочное количество французов было спасено честными горожанами. Все, кто обладал богатством и образованием, сохранил верность и оказал значительные услуги европейцам. 24-го в 6 часов утра военно-судная комиссия констатировала, что 80 человек, заключенных в цитадели, входили в состав дивана обороны, и распорядилась расстрелять их. Все это были люди, отличавшиеся буйным и непримиримым характером.

V

С восходом солнца 60 шейхов и имамов главной мечети явились во дворец. Они не ложились спать уже трое суток. У них был вид людей виновных и мучимых тревогой. Между тем их ни в чем нельзя было упрекнуть. Они оставались верны, но не смогли противиться бурному потоку народного движения. Шейх Сада не явился, сославшись на нездоровье. Его плохим поведением можно было пренебречь; если бы французы показали, что им об этом известно, то пришлось бы отрубить ему голову. При тогдашнем же настроении умов его смерть принесла бы больше неудобств, чем выгод; его имя уважали на всем Востоке; казнить его – значило превратить в мученика. Главнокомандующий передал ему, что его не удивляет, что человек в его возрасте, в разгар столь странных событий, чувствует себя плохо, но что он желал бы видеть его завтра, если это возможно. Наполеон принял шейхов как обычно и сказал им: «Я знаю, что многие из вас проявили слабость, но я хочу верить, что ни один не является преступником; неблагодарность и мятеж – это то, что более всего осуждается Пророком… Я не хочу, чтобы хоть один день в Каире не происходило обычного богослужения; мечеть Аль-Азхар была взята штурмом, в ней текла кровь, идите и очистите ее. Все священные книги были взяты моими солдатами, но, действуя в моем духе, они принесли их мне – вот они, я их вам возвращаю. Тех, кого постигла смерть, достаточно для моей мести. Скажите народу Каира, что я хочу продолжать быть милостивым и милосердным. Он был предметом особого покровительства с моей стороны, он знает, как я любил его, пусть же он сам судит о своем поведении. Я прощаю всем, но хорошенько объясните им, что то, что произошло и еще произойдет, давно уже записано и что никто не в силах остановить меня; это все равно, что захотеть

остановить судьбу… Все, что произошло и еще произойдет, записано в книге истины». Эти старцы бросились на колени и стали целовать книги Корана; среди последних имелись чрезвычайно древние. Один экземпляр принадлежал Хасану, другие – Саладину. Они выразили свою благодарность, скорее, выражением лица, нежели словами. Они отправились в мечеть Аль-Азхар. Мечеть была заполнена перепуганными людьми. Она была очищена. Трупы были преданы земле. Омовения и другие церемонии, предписываемые обычаем, препятствовали обычным молитвам. Шейх Аль-Шаркауи поднялся на кафедру и повторил то, что сказал султан Кебир. Народ успокоился. Он молил Пророка о предстательстве, чтобы призвать благословение Господне на этого великого и милостивого правителя. 24-го были убраны барьеры, очищены улицы, восстановлен порядок.

25-го шейх Сада явился к утреннему туалету [100] и был принят, как обычно. По его лицу нетрудно было судить об охватившем его страхе. Он запинался и произносил бессвязные речи. Желая поздравить султана Кебира с избавлением от угрожавших ему опасностей, он возблагодарил Бога за то, что тот вызвал бунт, а затем дал восторжествовать справедливости; судорожным движением, словно желая вернее обеспечить себе прощение, он схватил и поцеловал руку султана Кебира. Весь день 25-го народ занимал выжидательную позицию, но наконец как будто успокоился и предался радости. Он признал, что все заслужили смерть и что под властью менее милостивого правителя для Каира наступил бы его последний день.

Французская армия не разделяла радости и удовлетворения жителей. Офицеры и солдаты роптали, выражая свое недовольство. Они осуждали эту крайнюю снисходительность. «Зачем постоянно ласкать этих старых шейхов, этих ханжей?.. Это они все затеяли, это им надо было отомстить за кровь французов, убитых столь предательским образом. К чему вечно их ласкать? Остается только наградить этих старых лицемеров за их ужасающее поведение». Наполеон никак не реагировал на ропот армии, которая лишь много позднее осознала, насколько мудрым было его поведение. Увидев, как шейх Сада целовал руку главнокомандующему, Клебер, только что прибывший из Александрии, спросил у него, кто этот старик с таким смущенным видом, на лице у которого написано такое сильное волнение? «Это вождь восстания», – ответили ему. «Как! И вы не прикажете его расстрелять?» – «Нет, этот народ слишком чужд нам и нашим обычаям; я предпочитаю, чтоб у него были вожди вроде этого, который не может ни сесть на коня, ни действовать саблей, чем видеть во главе его таких людей, как Мурад-бей и Осман-бей.

Смерть этого бессильного старца не принесет никакой пользы и будет иметь для нас более гибельные последствия, чем вы предполагаете». События, происшедшие много времени спустя, напомнили об этом разговоре. [101]

Улемы обнародовали ряд обращений; последние внесли успокоение в районы, где уже начались восстания. Некоторые из них, разосланные по провинциям, произносили горячие речи; их сердца были исполнены благодарности за великодушное к ним отношение. Они более чем когда-либо уверились в том, что Наполеон любит Коран и Пророка, что он был искренен, когда заверял их в своем желании видеть счастливым народ Аравии. В городе и провинции распространялись тысячи слухов: «В момент восстания Магомет явился султану Кебиру и сказал ему: „Народ Каира преступен, ибо ты был добр к нему, поэтому ты победишь; твои войска вступят в Аль-Азхар, но отнесись с уважением к священным предметам и книгам Закона; ибо, если ты не будешь великодушным после победы, я перестану быть с тобой и впредь ты будешь терпеть поражение за поражением"». Это было смесью суеверия и тщеславия; выходило, что все сделал Пророк, который продолжал покровительствовать им. Это событие, которое могло иметь столь несчастные последствия, укрепило власть французов в стране. В дальнейшем жители всегда оставались верными им и сохраняли чувство благодарности за столь великодушное прощение. Но Большой диван был распущен, присутствие его членов было сочтено желательным в провинциях. Осуществление разработанных ранее проектов было отложено до заключения мира с константинопольским султаном либо до того момента, когда важные события военного характера рассеют еще угрожавшие стране грозовые тучи.

VI

На холме, где начальник артиллерии установил свою батарею мортир и гаубиц, капитан инженерных войск Бертран построил кирпичный форт; этот форт господствовал над наиболее мятежным кварталом и вместе с цитаделью держал его под перекрестным огнем; с него также простреливались большая дорога, подходящая к воротам Побед, а также ущелье, отделяющее цитадель от горы Мукаттам. Большая мечеть с очень высокими стенами, расположенными на канале Повелителя Правоверных по пути в Бельбейс, прикрывавшая городскую стену с северной стороны, была превращена в форт, названный в честь Сулькусского; это форт мог вмещать несколько батальонов и склады; для обороны его достаточно было небольшого числа солдат. На высоте, господствующей над городом с северо-запада, на полпути в Булак, соорудили башню, названную фортом Камэн;

он защищал площадь Эзбекия и подступы к городу. На холме, расположенном близ сада института, поднялся форт, названный Институтским; с него простреливалось все пространство между Каиром, Старым Каиром и Нилом; этот форт обеспечивал коммуникации с островом Руда; он же прикрывал госпиталь, открытый в доме Ибрагим-бея. Этот госпиталь был обнесен стеной с бойницами в виде верка [102] , служившего предмостным укреплением для острова Руда. Ниломер был использован для установки батарей, начало акведука в Старом Каире превратили в форт. Кроме того, был создан ряд укрепленных позиций от Каира до острова Руда и Гизы, расположенной напротив него, на левом берегу Нила. Этот большой город оказался окруженным фортами, в которых находились батареи, способные обстреливать зажигательными бомбами и снарядами одновременно все кварталы; те же форты, для охраны которых было достаточно 500 человек, защищали все подступы к городу. Был организован отряд из местных жителей для оказания вооруженной помощи полиции и купцам, а также для наблюдения, в соответствии с обычаями страны, за кофейнями, сборищами, общественными местами, рынками.

Устранение всех внутренних барьеров совершенно изменило облик города. Лавки, кофейни, постоялые дворы и небольшие мануфактуры, открытые европейцами, получили новый стимул к развитию и предоставили армии удобства, которые сделали менее болезненным для нее сознание ее отдаленности от Европы.

VII

Повстанцы, бежавшие из Каира и обосновавшиеся в Суэце, нарушали покой страны. Через них шла переписка Ибрагим-бея, находившегося в Сирии, с Мурад-беем, находившемся в Саиде. Эта переписка приводила в движение все племена пустыни. Необходимо было занять этот важный город [103] , чего до тех пор не сделали, поскольку, чтобы достигнуть его, надо пройти совершенно иссушенную пустыню, без воды, без тени, и этот 42-часовый переход необычайно утомителен в летнее время. Нужно было избегать всего, что способно было возбудить недовольство солдат. Но к концу октября жара спала, и прекрасные дни осени вызвали удовлетворение в армии. Она наконец освоилась в этой стране, снабжалась отличным хлебом, рисом, кипрским вином, финиковой водкой, пивом, мясом, птицей, яйцами и всевозможными овощами. Жалованье офицеров и солдат, выплачиваемое в тех же размерах, что во Франции, представляло вчетверо большую ценность в связи с дешевизной всех продуктов. Интендант Дор регулярно выдавал кофе «мокко», причем каждое отделение имело свой кофейник. Взамен фургонов и обозных

повозок он снабдил каждый батальон верблюдами в количестве, достаточном для перевозки воды, продовольствия, санитарной части и обозных грузов. Генералы и старшие офицеры имели собственные кровати, палатки, верблюдов, и все было наконец организовано в соответствии с обычаем страны. Солдат вернулся к своему естественному настроению; он был исполнен задора и предприимчивости. Если он еще на что-то жаловался, то только на бездействие, продолжавшееся уже несколько месяцев. Это изменение в его настроении породило еще большую перемену в его взглядах на страну. Он убедился в том, что окружающая местность плодородна, обильна, здорова, понял, какие большие выгоды отдельным лицам и республике в целом может предоставить основание в этой стране колонии на прочных основаниях.

Дивизионный генерал Бон 8 ноября выступил в поход с 1200 солдат пехоты, 200 всадниками и двумя пушками. Он встал лагерем в Бирка-аль-Хаджи, на берегу озера, наполненного нильской водой, в пяти лье от Каира, на пути в Суэц. К нему прибыло все необходимое для перехода через пустыню. Один верблюд переносит два меха с водой в количестве, достаточном для утоления жажды 400 человек или 40 лошадей в течение одного дня. Приходилось везти с собой дрова для варки супа, и, хотя переход через пустыню до Суэца длится всего три дня, из предусмотрительности был взят двадцатидневный запас продовольствия, десятидневный – воды и дров, что потребовало тысячи верблюдов. Генерал Бон не встретил никаких препятствий, вступил в Суэц, приказал немедленно приступить к фортификационным работам для защиты небольшого гарнизона, который он хотел там оставить. Инженеры военно-морского флота построили на верфи в Каире четыре канонерки, вооруженные 24-фунтовыми пушками. Они их разобрали; верблюды доставили их в Суэц, где они были вновь собраны и проконопачены. Трехцветное знамя взвилось над Красным морем. Канонерки плавали в северной части этого моря – до Косейра и Ямбо.

В северной своей части Красное море делится на два рукава: один, именуемый Суэцким морем [104] , имеет от 5 до 10 лье в ширину и 50 лье в длину; другой, именуемый заливом Акаба, вдается в сушу приблизительно на 30 лье и имеет 3-5 лье в ширину. На оконечности его расположен город Айла, или Элат, находящийся в 60 лье от Суэца, на пути караванов, направляющихся в Мекку. В Айле есть небольшой форт с турецким гарнизоном; там имеются колодцы, в изобилии дающие пресную воду. Этот форт принадлежал идумейцам,

соперничавшим с Тиром; он был портом Иерусалима. Пустыня Тор находится между Суэцем, Аль-Акабой и горой Синай. Она населена тремя арабскими племенами, численностью в 4000-5000 душ каждое. Там находят руины, не оставляющие никакого сомнения в том, что некогда в этой местности существовали города. В долине Фаран растут деревья и кустарники, из которых арабы выжигают уголь.

В конце декабря главнокомандующий выехал из Каира с академиками Монжем и Бертолле, инженером Ленэром, своим штабом, 200 человек конной охраны и 400 дромадерами. Он хотел лично побывать на берегах Красного моря и изучить следы канала двух морей. Со времени восстания он не отлучался из Каира. Было полезно приучить этот большой город к его отсутствию. Из Каира в Суэц есть три пути. Первый проходит через деревню Басатин в двух лье к югу от Каира, оттуда он направляется на восток и входит в долину Блуждания, а еще через 8 лье достигает колодцев Гандели; этих колодцев – восемь, вода в них солоноватая, караваны, направляющиеся из Сирии в Верхний Египет, останавливаются у этих колодцев; от колодцев Гандели дорога ведет к Красному морю, находящемуся на расстоянии 16 лье; сделав еще 9 лье по берегу, путешественники прибывают в Суэц; всего от Каира до Суэца по этому пути – 35 лье, а до Красного моря – только 26. В этой пустыне выпадают дожди. Было бы легко соорудить через каждые 4 лье пути по цистерне для нужд путешественников, а на берегу моря создать запас пресной воды для судов. Этим путем чаще всего пользовались жители Мемфиса. Вторая дорога ведет из Каира к озеру Бирка-аль-Хаджи (5 лье); от этого озера, за которым она проходит по безводной пустыне до замка Аджеруд, являющегося пунктом третьей остановки меккского каравана, – 23 лье; от Аджеруда до Суэца – 5 лье; всего – 33 лье. Третья дорога проходит через Бельбейс. От Каира до Бельбейса – 12 лье; через пустыню до Аджеруда – 19 лье; до Суэца – 5 лье; всего – 36 лье, из них только 19 лье по пустыне. Расстояние от Суэца до Каира по прямой – 277 лье; от Суэца до большой пирамиды у Гизы – 31 лье. Этих лье приходится 25 на градус.

24 декабря на берегах озера, именуемого Бирка-аль-Хаджи, был разбит лагерь. К нему присоединились несколько купцов, ехавших в Суэц по делам. 25-го, за два часа до рассвета, находившиеся в лагере тронулись в путь. Весь день караван двигался по бесплодным пескам; погода стояла хорошая, солнце грело, но не причиняло неудобств. Марш через пустыню однообразен, навевает сладкую меланхолию. Арабы, служившие проводниками, ориентировались, не ища следов. В течение дня

караван сделал два привала – каждый по полчаса, а ночью он стал лагерем у дерева хамра [105] , в 14 лье от Бирка-аль-Хаджи. Хамра является предметом поклонения арабов; проклятия и анафемы провозглашаются по адресу тех, которые окажутся настолько нечестивыми, что прикоснутся к этому чуду пустыни. Солдат не взял с собой дров для бивуака; он страдал от холода; его положение лишь в незначительной степени облегчал огонь, который он пытался разжечь с помощью костей и сухих растений высотой в 7-8 дюймов, которые он нашел в соседней с лагерем долине. Эти растения служат пищей верблюдам. 26-го, за 2 часа до рассвета, караван снова двинулся в путь. Солнце еще не вставало, когда он прошел мимо колодца Аль-Бетар. Это необычайная по ширине яма глубиной в 50 туазов, арабы вырыли ее в надежде найти воду, но были вынуждены отказаться от этого намерения. Неподалеку от него разглядели, но только при свете луны, старую акацию; она была испещрена письменами… [106] и другими свидетельствами почитания со стороны паломников, которые, возвращаясь из Мекки, оказывают почести этой первой растительности, возвещающей о приближении к водам Нила. В 2 часа пополудни Наполеон прибыл в Аджеруд. Дорога проходит в 500 туазах оттуда. Аджеруд – маленький форт, построенный на небольшом возвышении, господствующем над обширной территорией. Он имеет двойную кирпичную ограду, очень глубокий колодец; вода имеется там в избытке, но солоновата; она становится менее соленой, если подержать ее несколько часов на воздухе; эта вода – отличное питье для лошадей, верблюдов и других животных; люди пользуются ею только при последней крайности. В этом форте есть мечеть, караван-сарай и помещение на 150 солдат. Наполеон назначил туда коменданта, поставил гарнизон из пятнадцати человек с двумя пушками. В Суэц прибыли к ночи; главнокомандующий предпочел остаться в своей палатке и отказался от приготовленного для него дома.

Суэц лежит на берегу Красного моря, в 2600 туазах от оконечности залива и в 400-500 туазах от устья древнего канала. В свое время город достиг значительного процветания. Арабские географы описывают его как оазис. Вода поступала, вероятно, через канал. Там выпадает достаточно дождя, чтобы, собирая воду в резервуары, можно было располагать ею в достаточном количестве не только для нужд города, но и для земледелия. В настоящее время там нет ничего; цистерны вмещают мало воды и плохо содержатся; вода для людей доставляется из Моисеевых источников, а для лошадей и верблюдов – из суэцкого источника, находящегося в одном лье от города, на пути в форт Аджеруд. В городе есть прекрасный базар, несколько красивых мечетей,

остатки красивых набережных, около 30 магазинов и дома для населения в 2000-3000 душ. Во время пребывания караванов и судов из Джидды Суэц действительно имеет такое население; но, когда приезжие заканчивают свои дела, там остается только 200-300 несчастных. Рейд находится в одном лье от города; суда бросают там якоря на глубине в 8 сажен; он имеет в окружности одно лье; с городом он сообщается фарватером шириной в 60-80 туазов и глубиною в 10 футов при отливе, то есть 15-16 при приливе. Дно хорошее, якоря держатся в нем крепко, оно илистое. Рейд покрыт рифами и песчаными банками. Для выхода из него нужен юго-восточный ветер, который редко дует в этих местах.

VIII

Наполеон потратил день 27-го на осмотр города и отдачу приказов о сооружении батареи для защиты фарватера и порта. 28-го он выехал на коне, чтобы посетить Моисеевы источники. В 3 часа утра он пересек Мадию – заливчик шириной в 3/4 лье, который при отливе можно переходить вброд. Контр-адмирал Гийом вышел в море на канонерке, приняв на борт саперов, инженеров и нескольких ученых. Моисеевы источники находятся в трех лье от Суэца, их насчитывается девять. Это ключи, бьющие из холмиков, возвышающихся на несколько туазов над поверхностью земли. Они берут начало в горах, расположенных в четырех лье от этого места. Эти источники находятся в 700 туазах от моря. В этом месте можно видеть развалины акведука и нескольких складов, построенных венецианцами в XV веке, когда они пытались преградить португальцам путь в Индию. Саперы начали раскопки и продолжали их до наступления ночи. Главнокомандующий сел на коня, чтобы вернуться в Суэц. Прибывшие морем возвратились на борт канонерки. В 9 часов вечера егеря авангарда стали кричать, что они погружаются в воду. Позвали проводников; солдаты развлекались тем, что поили их водкой, и от них невозможно было получить никаких сведений. Люди сбились с пути. Егеря шли на огонь, который они приняли за свет, горящий в Суэце; на самом деле, как вскоре заметили, это был свет фонаря в каюте канонерки, который ежеминутно менял место. Егеря сориентировались и определили местоположение Суэца. Они двинулись вперед на расстоянии 50 шагов один от другого, но, пройдя 200 туазов, егерь, шедший впереди, закричал, что он погружается в воду. Пришлось вернуть эту линию к исходному пункту; после рекогносцировки в нескольких направлениях ей повезло, и она нащупала правильное. В 10 часов вечера эскадрон стоял в боевом порядке посреди впадины, – лошади по брюхо в воде; ночь была темной, луна должна была взойти только в полночь, на море замечалось

легкое волнение, и ветер как будто свежел, продолжался прилив; идти вперед было столь же опасно, как и отходить назад. Положение стало настолько критическим, что Наполеон сказал: «Неужели мы пришли сюда, чтобы погибнуть, как фараон? [107] Это будет прекрасной темой для римских проповедников». Но эскорт состоял из солдат, прослуживших в армии по 8-10 лет и весьма сообразительных. Верный путь был найден некими Луи – квартирмейстером – и Карбонелем – бригадиром. Луи вернулся навстречу эскадрону, он достиг суши, но нельзя было терять ни минуты. Вода поднималась все выше. Дю Фальга больше всех затруднял продвижение из-за своей деревянной ноги; двое солдат ростом в 5 футов 10 дюймов, прекрасных пловцов, взялись спасти его; это были люди чести, заслуживавшие всяческого доверия. Успокоившись на этот счет, главнокомандующий поспешил выбраться на сушу. Оказавшись под ветром, он услышал позади себя крики горячо споривших между собой людей. Он предположил, что двое унтер-офицеров бросили дю Фальга. Он повернул назад, но оказалось, что произошло нечто прямо противоположное: дю Фальга приказывал унтер-офицерам оставить его. «Я не хочу, – говорил он, – стать причиной гибели двух смельчаков; невероятно, чтоб мне удалось спастись, вы находитесь позади всех, раз уж я должен умереть, то пусть я умру один». Появление главнокомандующего прекратило эту ссору. Все поспешили к суше и достигли ее. Каффарелли отделался тем, что потерял свою деревянную ногу, но это и так случалось с ним каждую неделю. Потери были невелики и ограничивались несколькими карабинами и плащами. В лагере царила тревога. Некоторым офицерам пришла мысль зажечь костры на берегу, но у них не было топлива. Они разрушили один дом, на что ушло порядочно времени. Первый костер был зажжен на берегу тогда, когда эскадрон уже выбирался на сушу. Солдаты старших возрастов, учившие Катехизис, рассказывали про бегство Моисея и гибель фараона, и этот случай долго оставался темой их разговоров.

19-го арабы Тора, которые после визита французских канонерок узнали о прибытии султана Кебира в их местность, явились просить его о покровительстве. Тор находится на берегу моря, это порт горы Синай. Эти арабы доставляют в Каир уголь и прекрасные фрукты, а оттуда вывозят все необходимое. Монахи горы Синай показали Наполеону книгу с надписями, сделанными рукою Магомета, Саладина и Селима, которые рекомендовали этот монастырь отрядам своих армий. По их просьбе он вписал туда такую же рекомендацию, которая должна была послужить им охранной грамотой в случае прибытия французских патрулей.

IX

30-го штаб покинул Суэц. Палатки, обоз и эскорт были направлены в Аджеруд, где в 4 часа пополудни разбили лагерь. Наполеон в сопровождении академика Монжа, нескольких генералов и офицеров штаба следовал по берегу Красного моря и объехал впадину. Повернув затем назад, в направлении Суэца, он обнаружил в 400-500 туазах от этого города остатки каменной кладки, которые привлекли его внимание. Он продолжал путь в этом направлении перпендикулярно морю и, отъехав 60-80 туазов, очутился на трассе древнего канала, вдоль которой следовал в течение пяти часов. Приближалась ночь, а до лагеря оставалось еще семь лье пустыни – поэтому он помчался туда галопом. Несколько раз он колебался в выборе направления, но наконец достиг лагеря в сопровождении только трех или четырех человек, у которых были наилучшие лошади; остальные находились позади. Он приказал зажечь большие костры на холме и на минарете мечети форта Аджеруд, а также каждые четверть часа стрелять из пушки; это продолжалось до 11 часов вечера, когда все благополучно добрались до лагеря; никто не заблудился.

Остатки канала двух морей хорошо заметны. Берега его находятся на расстоянии 25 туазов друг от друга. Всадник, находящийся посереди канала, совершенно скрыт и невидим. 31-го встали лагерем в долине, расположенной в 10 лье от Аджеруда, где в изобилии росли маленькие колючие растения, которые так любят верблюды. Там паслись без стражи несколько сотен молодых животных этого вида. 1 января 1799 г. встали лагерем на расстоянии ружейного выстрела от Бельбейса; фортификационные работы у Бельбейса сильно продвинулись вперед. Из-за недостатка камня офицеры инженерных войск применили кирпичи, высушенные на солнце и сделанные из нильского ила, весьма пригодного для этой цели. 3-го главнокомандующий отправился с 200 человек на дромадерах и лошадях в направлении вади [108] Тумилат. В 4 часа пополудни он достиг расположенного посреди пустыни колодца Бир-Саба. Стояла чрезвычайно сильная жара, в колодце не хватало воды, и вкус у нее был, как у барежских вод [109] . Пока проводилась раздача этой отвратительной воды, один из людей заметил приближавшегося дромадера; сидевший на нем человек слишком поздно заметил французские войска, но пытался удалиться. Он вез в Верхний Египет депеши от Ибрагим-бея и Джеззар-паши. Он сообщил, что на сирийской границе начались военные действия, что армия Джеззар-паши вступила на территорию Египта, авангард ее занял оазис Аль-Ариш и приводит форт в

обороноспособное состояние. На ночь стали бивуаком в оазисе, среди рощи; ночь была довольно холодной. Вой шакалов – своего рода волков пустыни, голос которых напоминает человеческий, – заставил нескольких часовых дать сигнал боевой тревоги, так как они решили, что лагерь атакован бедуинами. На следующий день Бертье нашел следы канала, пересекавшего вади Тумилат и направлявшегося далее к Бубасте, на пелузийском рукаве Нила, где в него вливалась вода этой реки. Остатки канала имеют здесь такие же размеры, как в стороне Суэца.

Между тем в Суэц прибыла флотилия из Джидды, доставившая очень большое количество кофе и индийских товаров. Наполеон пересек пустыню и вернулся в этот город. Суда имели водоизмещение в 400-500 тонн. Из Каира прибыл караван; Суэц ожил и приобрел вид индийского города. Наполеон принял там агентов, возвращавшихся из Индии. Выехав оттуда, он пересек перешеек в другом направлении и прибыл в Салихию; он нашел укрепления гарантированными от внезапного захвата, склады заполненными ячменем, бобами и боеприпасами. Он послал два батальона с артиллерией в Катию; колодцы были в хорошем состоянии. Офицеры инженерных войск построили хороший редут, палисады которого имели стороны протяжением в 50 туазов; там были оборудованы огневые позиции, с которых пушки держали под огнем все колодцы, очищенные несколько недель спустя. Блокгаузы, заготовленные в Каире, были собраны в редуте, чтобы служить складами. Караваны верблюдов, доставившие из Каира и Дамиетты рис, муку, ячмень и бобы, снабдили продовольствием склады этого оазиса. Когда Джеззар узнал, что в Катию прибыл отряд французской пехоты и там строится редут, он отказался от дальнейшего продвижения вперед, опасаясь поставить под угрозу свои войска. Генерал Ренье, главная квартира которого находилась в Бельбейсе, направил в Салихию сильный авангард для поддержки поста Катия.

Главнокомандующий вернулся в Каир через две недели после выезда оттуда. Он нашел все в удовлетворительном состоянии. О движении Джеззара на Египет было известно, но это не вызывало беспокойства; доверие было полным. Перед Александрией показались в море несколько английских транспортов и канонерок. Это тоже не произвело впечатления. Александрийские батареи потопили несколько бомбард. Мурад-бей был изгнан из Верхнего Египта, трехцветный флаг развевался над Сиенским катарактом, вся страна была подчинена; Большой и Малый оазис, а также область племен барабра [110] были единственными убежищами, где могли укрыться мамлюки от постигшей их беды.

X

Наполеон решился перенести войну в Сирию. Повсюду энергично велась подготовка. Прежде чем покинуть Египет, он решил посмотреть вблизи и измерить знаменитые пирамиды. Он провел в этом районе несколько дней, совершил несколько поездок по пустыне в направлении Малого оазиса. Верхний и Нижний Египет были спокойны. Деятельность дивана полностью развернулась, и жители Каира сохранили от своего восстания только воспоминание о милосердии, которому были обязаны своим спасением.

Арабы никогда не могли выдержать огонь французской пехоты. Мамлюки, которые сначала пытались противостоять ему, в конце концов признали превосходство французов и невозможность преодолеть его. Опыт битв у Шубрахита, у пирамид, у Седимана научил их не презирать более пешие войска. С этого времени отряд в сто человек пехоты мог передвигаться по стране в любом направлении; если бы он наткнулся на 700 или 800 мамлюков, последние поостереглись бы атаковать его. В трех битвах французские каре были построены глубиною в шесть шеренг; долгое время каждый солдат носил с собой кол длиной в 4 фута и диаметром в фут, с двумя восьмидюймовыми цепочками на обеих сторонах; эти колья служили прикрытием пехоте. Но когда превосходство французского солдата было признано противником, от этих предосторожностей отказались. Каре стали строиться только в три шеренги, а нередко солдаты ограничивались двумя. Офицеры имели приказ открывать огонь двумя шеренгами, когда кавалерия находилась на дистанции в 120 туазов, ибо если бы стали дожидаться, пока она окажется совсем близко, как считали нужным некоторые, то, поскольку лошади скакали во весь опор, не было бы возможности остановить их. Кавалерии, если она хороша, требуется только… [111] чтобы преодолеть это расстояние; за это время солдат может успеть выстрелить только… [112] Стрелки, действовавшие против бедуинов и мамлюков, шли всегда по четыре в ряд и строились в батальонные каре, что приводило в замешательство кавалерию. Это не значит, что не было случаев, когда один стойкий стрелок ружейным выстрелом валил с лошади всадника, но такие случаи нельзя принимать за правило.

Арабы никогда не дожидались атаки французской кавалерии – разве что их приходилось четверо на одного. Мамлюки, напротив, бравировали своим презрением к ней. Но когда французские кавалеристы пересели на местных коней, они сумели дать им отпор. Один мамлюк был сильнее одного

француза; он был лучше натренирован и вооружен. Сто мамлюков могли биться со ста французами, имея шансы на успех. Но при столкновении двух отрядов, численность каждого из которых превышала 200 всадников, шансы находились на стороне французов. Мамлюки сражаются беспорядочно; они поднимают пыль столбом на крыльях, чтобы обойти с флангов и атаковать линию с тыла. Отряд из трехсот французов строился тремя линиями, разворачивался направо и налево по отношению к первой линии, и кавалерия противника, уже приступившая к маневру, чтобы обойти первую линию с флангов, останавливалась с целью обойти с флангов эту новую линию; третья линия совершала тот же маневр, и вся новая линия одновременно атаковала противника; тогда мамлюки обращались в бегство, уступая поле битвы. Французские кавалеристы, как и мамлюки, с помощью ремня привязывали свои пистолеты к седельной шишке. Саблю они носили на запястье, с которым она соединялась темляком. Ружья драгун иногда бывали полезны, но это сопряжено с целым рядом неудобств, если эскадрон не отделен от противника препятствием, исключающим возможность атаки. Французская пехота, кавалерия и артиллерия в равной степени обладали значительным превосходством. Французская кавалерия никогда не передвигалась большими отрядами, без сопровождения конной артиллерии. Мамлюки перед атакой стреляли из шести видов оружия: из ружья, из мушкетона и двух пар пистолетов, которые они носили – одну на седельной луке, другую – на груди. Копье нес один из саис [113] , следовавших за ними пешком. Это было отважное и прекрасное ополчение.

Глава VII Завоевание Верхнего Египта

I. План кампании. – II. Покорение провинций Бени-Суэйф и Файюм; битва у Седимана (7 октября); бой у Минья-аль-Файюм (8 ноября). – III. Асьют и Гиза – две провинции Верхнего Египта – покорены; бой у Сауаки (3 января); бой у Тахты (8 января). – IV. Дезэ овладевает Асуаном; мамлюки изгоняются из Египта; бой у Самхуда (22 января); бой у Фив (12 февраля); бой у Кены (12 февраля); бой у Абуманы (17 февраля). – V. Поход Мурад-бея на Каир; бой у Суамы (5 марта); гибель французской флотилии (6 марта); бой у Коптоса (8 марта). – VI. Окружение старого Хасана в пустыне Фиваиды; бой у Бир-аль-Бара (2 апреля); бой у Гирги (6 апреля); бой у Гехины (10 апреля). – VII. Разграбление и сожжение Бени-Адина (18 апреля); бой у Асуана (16 марта); старый Хасан убит. – VIII. Взятие Косейра (29 мая).

I

Если бы на следующий день после битвы у пирамид одна дивизия французской армии занялась преследованием Мурад-бея, она нигде не встретила бы сопротивления; за две недели она овладела бы всем Верхним Египтом. Однако необходимо было дождаться, пока будет завершено пополнение конницы, а также подъема вод Нила до уровня, необходимого для навигации. Враги воспользовались этой передышкой, которая длилась два месяца. Они вышли из состояния полного отчаяния. Впечатление от этого сражения ослабело. Они получили помощь от ряда племен и заверения в верности от ряда провинций. Субсидии, которые они получили после гибели французского флота, через посредство английской эскадры, крейсировавшей перед Александрией, вернули им надежду – эту первооснову всякого действия и всякой энергии.

К сентябрю Мурад-бей располагал значительной сухопутной армией и флотилией. Киашифы, которых он направил на Аравийский полуостров, чтобы призвать мусульман на помощь правоверным и молить о поддержке шерифов с зелеными тюрбанами, – возвратились. Они достигли цели. Они доложили ему, что многочисленные когорты арабов ямбо, славящихся своим мужеством, готовятся к переправе через Красное море и высадке в Косейре.

Хасан-бей в течение восемнадцати лет находился со своей дружиной в ссылке в Исне и жил на незначительный доход с

первой зоны долины Нила. Он был нищ, но породнился, через посредство браков, с двумя большими арабскими племенами области Сеннар. Он пользовался большим авторитетом среди племен Фиваиды и бедуинов пустыни Большого оазиса. Оставшиеся у него 250 мамлюков, способных к службе в коннице, были отборным отрядом, соединявшим со знанием местности испытанную храбрость, дух, закаленный несчастьями, и хитрость пожилых людей. Этот старец остался непримиримым. Ни взятие Каира неверными, ни подчинение им Мурад-бея не могли умерить его ненависти. В то же время он видел во французах мстителей. Он ожидал от них улучшения своей судьбы, ибо стремился к распространению своей власти на весь Саид.

25 августа Дезе с 5000 человек, в том числе 600 кавалеристами, 300 артиллеристамиисаперамии4300 пехотинцами, в сопровождении флотилии из восьми судов – полугалер, посыльных и полушебек, с французскими экипажами, – выступил из Каира. Это была одновременно важная военная операция и чрезвычайно интересная научная экспедиция. Впервые со времени крушения Римской империи представители цивилизованной нации, заботящейся о развитии науки и искусств, намеревались посетить, измерить и произвести раскопки в величественных развалинах, которые столько веков занимают ученый мир. Никто не смог бы лучше руководить этой операцией, нежели Дезэ; никто не стремился к этому с большим пылом. Будучи молод, он со страстью предавался войне; ненасытно честолюбивый, он знал, как прославит его завоевание этой колыбели искусств и наук. Самые названия – Фивы, Коптос, Филэ – заставляли его сердце трепетать от нетерпения. В подчинении у него находились генералы Фриан и Бельяр, заместитель командира флотилии Донзело, артиллерийский полковник Ла-Турнери. 21-й полк легкой пехоты, 61-й и 88-й полки линейной пехоты – отличные части, посаженные на суда в Чивита-Веккии, – являлись наиболее многочисленными во всей армии. Они уже два месяца стояли лагерем к югу от Гизы, и Дезэ использовал это время, чтобы подготовить их к кампании. Кавалеристы были посажены на арабских коней, столь же хороших, как кони мамлюков, и добытых ремонтерами либо в бою, но эта кавалерия не была многочисленной. Пополнение конницы проводилось с трудом, страна еще не вполне подчинилась. Ряд ученых и художников пожелали следовать за Дезэ. Исполнение их просьб было сопряжено с двойным неудобством: пришлось бы подвергнуть опасностям войны ценных людей и замедлить ход военных действий. Один только Денон получил разрешение последовать в качестве добровольца за

главной квартирой дивизии.

Для завоевания Верхнего Египта Дезэ понадобилось пять месяцев: сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь. 2 февраля он овладел Асуаном. Он употребил еще пять месяцев на подавление восстаний и закрепление своих завоеваний. Проведенная им кампания делится на шесть периодов. Первый продолжался сто дней; наиболее важным военным событием этого периода было сражение у Седимана, результатом его явилось завоевание провинций Бени-Суэйф и Файюм. Второй занял пятьдесят дней декабря и января; бои у Сауаки и Тахты – единственные военные события этого периода, в течение которого были завоеваны провинции Миния, Асьют и Гирга. Третий продолжался тридцать дней января и февраля 1799 г.; наиболее важным событием этого периода был бой у Самхуда; будучи изгнаны из долины, потеряв все, мамлюки искали убежища в оазисах, в области барабра – за порогами и в пустынях Фиваиды; трехцветное знамя развевалось теперь над всем Египтом. Четвертый охватывает сорок дней февраля и марта 1799 г.; Мурад-бей, Эльфи-бей, Хасан-бей, Хасан из Ямбо, пользуясь походом армии в Сирию, возвращаются в долину, идут на Каир, намереваясь соединиться там и одним ударом отвоевать Верхний и Нижний Египет; они терпят неудачу в этом предприятии; важными военными событиями являются уничтожение части французской флотилии Верхнего Египта и бой у Коптоса. В пятый период остатки войск шерифов Ямбо опустошают провинции Асьют и Гирга; их преследуют. Шестой охватывает май и июнь; Верхний Египет полностью покорен; Мурад-бей и Эльфи-бей в сопровождении небольших отрядов блуждают в пустынях; бой у Бени-Адина влечет за собой гибель этого красивого поселка; Косейр занимается генералом Бельяром. Сирийская армия возвращается в Каир. Во всем Египте – Верхнем и Нижнем – царит полное спокойствие.

Инструкция, которую Наполеон дал генералу Дезэ в связи с проведением этой кампании, сводилась к следующему: идти на Мурад-бея, разбить его, воспользоваться поражением для того, чтобы преследовать его по пятам и отбросить за пороги и в оазисы; по мере продвижения вперед – укреплять в наиболее важных пунктах мечети, которые станут господствовать над Нилом, предохраняя судоходство. Если, как следует ожидать, после этого триумфального марша возникнут восстания местного характера, он подавит их, и эти бои обеспечат наконец действительное подчинение страны. Но сначала надо занять всю долину. Дивизия силою в 1200 сабель, которая в это время пополняла убыль в конском составе, 1500 пехотинцев из третьих батальонов, остававшихся в Каире, и восемь барок,

сконструированных для этой экспедиции инженерами военно-морского флота, в скором времени будут готовы поддержать его, послужат для него резервом и источником восполнения убыли в его войсках.

II

30-го Дезэ прибыл в Бени-Суэйф. Мамлюки не оказали ему никакого сопротивления. Они сосредоточились в Файюме, в количестве 18000 человек пехоты и кавалерии, имея флотилию из 180 судов (в том числе двенадцать вооруженных пушками). Флотилия стояла на якоре в канале Иосифа. Из Бени-Суэйфа Дезэ мог двинуться на Файюм, находившийся в четырех лье справа от него, и дать бой Мурад-бею. Но он решил, что, продолжая двигаться вверх по течению Нила, он достигнет Дарут-аль-Шерифа – городка, где берет начало канал Иосифа, и тем самым перехватит вражескую флотилию и запрет ее в канале; спустившись затем вдоль этого канала, он силами своих сухопутных войск и флотилии одной победою овладеет Файюмом и сокровищами беев, находящимися на их судах, что явится решающим ударом, если только, чтобы избежать катастрофы, Мурад-бей со своей флотилией и армией не упредит его у Асьюта; но в таком случае Файюм, будучи эвакуирован, падет сам собой и не замедлит его марша. В результате этого плана он продолжал подниматься вверх по течению реки и 4 сентября прибыл в Абу-Гиргу. Мурад-бей, разгадав намерение своего врага, приказал флотилии подняться по каналу Иосифа и войти в Нил у Дарут-аль-Шерифа, а затем встать на якорь напротив Асьюта. Сам же он со своим войском остался, не двигаясь, в Файюме, господствуя над левым берегом канала Иосифа, вдоль которого растянул свой правый фланг, установив, таким образом, связь с Асьютом, имея позади себя, в перпендикулярном направлении, Малый оазис. 5-го вечером Дезэ в Абу-Гирге получил известие об этом движении флотилии. 6-го на рассвете он выступил с батальоном 21-го полка легкой пехоты в направлении собственного правого фланга и сделал восемь больших лье. Он прибыл в Бахнасу и перерезал канал, но было уже слишком поздно. Вражеская флотилия прошла этот пункт, за исключением двенадцати судов с обозными грузами, которые он захватил после легкой перестрелки. На одной из этих барок было семь пушек. 7-го он вернулся в Абу-Гиргу, где провел несколько дней. Он уверил себя в том, что раз Мурад-бей эвакуировал свою флотилию, то сам он направится через пустыню в Верхний Египет. Он утвердился в намерении продолжать свой поход, поднимаясь вверх по Нилу, и двигался без передышки до Асьюта, куда прибыл 14 сентября. При приближении его вражеская флотилия, чтобы избежать

столкновения, продолжала подниматься вверх по реке до Гирги. Мурад-бей спокойно оставался в Файюме; но когда он увидел, что французы находятся в 60 лье впереди него, он прервал их коммуникации с Каиром, взбунтовал провинции Минья и Асьют, что сделало положение Дезэ критическим. Последний не мог маневрировать на флангах противника, сохранившего свои коммуникации с Верхним Египтом через пустыню и к тому же имевшего позади себя оазис. Что делать в таком положении? Упорствовать в осуществлении своего плана? Это значило бы рискнуть всем. Наиболее мудро было бы уступить и не противодействовать комбинации противника. Так он и поступил. Он отошел на Дарут-аль-Шериф и вдоль канала Иосифа спустился в Файюм. Вражеская флотилия снова спустилась до Дарут-аль-Шерифа и Абу-Гирги и наконец очутилась напротив Бени-Суэйфа; вся эта область приняла ее с победными криками. Если французы отступают, то, значит, они разбиты! Между тем французская армия испытывала очень большие затруднения. Суда на каждом шагу садились на мель. Она преодолела все эти препятствия. 3 октября она прибыла в поселок Аль-Лахуна, у входа в Файюм, овладела каменным мостом через канал, что позволило ей маневрировать на обоих берегах. После двухмесячного утомительного марша, во время которого было пройдено 200 лье, она достигла ничуть не больше, чем за первые дни.

Потеряв терпение от мелких стычек, маршей и контрмаршей, Дезэ двинулся прямо на Мурад-бея, который находился в таком же настроении. Армии встретились. Войско мамлюков усеяло все высоты Седимана, посреди пустыни и в одном лье от канала Иосифа. Оно насчитывало 2000 мамлюков с их грозными саблями, 8000 арабов на конях и столько же в пешем строю, имело 4 пушки. У французов было 3400 человек пехоты, 600 – кавалерии, всего же 4500 человек и 8 пушек. Дезэ построил из своей пехоты и конницы одно каре; для разведки он использовал малое каре из трех рот стрелков. Началась канонада. Малое каре, из стрелков неосторожно отдалилось от главных сил, и Мурад-бей, правильно оценив положение, атаковал его. Храбрый офицер, капитан Валетт, командовавший малым каре, приказал солдатам стрелять только в упор. Они хладнокровно выполнили этот неосторожный приказ. Сорок наиболее отважных мамлюков погибли на штыках. Но лошади были пущены во весь опор, каре было прорвано и солдаты изрублены; они погибли бы все, если бы большое каре не приблизилось, чтобы защитить их. Картечь и ружейный огонь сдержали мамлюков и заставили их удалиться на расстояние пушечного выстрела. Между тем артиллерия противника, поддержанная пехотой, выдвинулась вперед и заняла

огневые позиции, опасные для французов. Чтобы избавиться от нее, они пошли прямо на пушки. Арабская пехота после оживленной, но короткой перестрелки дрогнула, и пушки были захвачены. Встревоженный Мурад-бей пытался, пустив свою конницу в галоп, отбить пушки, но был отброшен, а арабы удалились в пустыню. Сражение было выиграно, но потери Дезэ были значительны: 400 убитыми, ранеными и пленными, то есть один из девяти. Мамлюки потеряли 500 отборных воинов, в том числе трех беев и нескольких киашифов. Столько же потеряли и арабы. Арабы-бедуины, потеряв вкус к войне, бросили Мурад-бея. Последний собрал свои силы за озером Гарак, намереваясь отойти в Малый оазис, если его станут преследовать. Дезэ остановился в деревне Седиман, где захватил часть неприятельского обоза. На следующий день он отошел на Файюм. Несколько дней спустя жители этой провинции подчинились. Мурад-бей обманулся в своих надеждах. Когда атака малого каре удалась, ему показалось было, что он снова станет баловнем фортуны! Тщетная надежда! Коварная покинула его навсегда.

Весь октябрь Дезэ занимался организацией управления Файюмом. Он отправил в Каир большое количество барок с рожью, овощами и фуражом и получил взамен боеприпасы и предметы обмундирования. У него было много больных воспалением глаз; всех их он направил в госпиталь Ибрагим-бея [114] . Его полки получили из своих запасных частей соответствующее количество здоровых солдат. Но он не преследовал мамлюков, дал им передышку. Оправившись от первоначального смятения, они пошли на Бахнасу, на канале Иосифа, причем флотилия, стоявшая на якоре у Абу-Гирги, прикрывала их слева. Таким образом, они стали господами всего Верхнего Египта, от Бени-Суэйфа, и всего канала Иосифа – от Бахнасы. Дезэ занимал левым флангом Бени-Суэйф, правым – Файюм.

В конце октября в Верхний Египет пришло известие о том, что Порта объявила войну Франции, сераскер Джеззар идет на Каир, этот большой город восстал и все французы перебиты. Умы пришли в брожение. Мурад-бей, умевший пользоваться всем, направил в несколько пунктов мамлюков, которые одновременно подняли восстание в большей части Файюма. Дезэ выступил из столицы этой области, двинулся на деревни, поднявшие знамя восстания. На марше путь его скрестился с путем повстанцев, которые, со своей стороны, договорились, выйдя из различных пунктов, встретиться в Минье. 8 ноября они овладели первыми домами этого города; гарнизон состоял из 300 французов, кроме того, имелось 150 больных. Полковник Хепплер был

комендантом. В госпитале находился генерал Робэн. В Восточной армии больные имели обыкновение держать ружье у постели. В этот момент большое число их страдало воспалением глаз, более или менее запущенным, но они могли сражаться. Враги овладели городом, не встретив большого сопротивления. Они предались грабежу и в беспорядке рассеялись по городу. Генерал Робэн воспользовался этим. Он прежде всего собрал всех солдат, находившихся в госпитале, а оттуда двумя колоннами беглым шагом атаковал противника, перебив 200-300 человек. Остальными овладел панический страх, и они спаслись бегством. Жители из мести присоединились к французам. Когда Дезэ узнал, что его путь скрестился с путем повстанцев, он повернул вспять и всю ночь шел по их следам. Он испытывал сильную тревогу за свой госпиталь в Минье. Он прибыл туда на следующий день на рассвете и узнал о хорошем поведении гарнизона и больных и об одержанной ими победе.

Главнокомандующий был, однако, недоволен этой медлительностью. «Вот уже три месяца, – писал он Дезэ – как вы покинули Каир, и вот вы все еще в Файюме». Дезэ не хватало конницы. Бои, подобные бою у Седимана, в перспективе обещали ему: в случае поражения – полную гибель, в случае победы – невозможность воспользоваться ею. Подкрепление силой в 1200 сабель было, наконец, сформировано и вышло из Каира с батареей легкой артиллерии и шестью хорошо вооруженными военными кораблями, борта которых были надежно защищены; всеми этими силами командовал генерал Даву – отличный офицер, впоследствии маршал и князь Экмюльский. Среди вооруженных кораблей находился «Итали» с несколькими салонами, в которых мебель была обшита лионскими шелками, – они предназначались для главной квартиры.

III

По прибытии этих подкреплений Дезэ поднялся по суше вдоль правого берега канала Иосифа, походившего в этот момент на Сену в наиболее прекрасных местах по ее течению. Земля была покрыта посевами, горох и бобы были уже в стручках, цвели апельсиновые деревья. Местность между этим каналом и Нилом – самая красивая, какую можно встретить. Деревень там так много, что одновременно видны тридцать – сорок. Мурад-бей избегал всякого столкновения и удалился сначала в Асьют; французы энергично преследовали его. Они прибыли в Минью 20 декабря. Этот город, расположенный на левом берегу Нила, – большой и довольно красивый. Они захватили там четыре джермы, севшие на мель; на одной из них находились 12-фунтовые орудия, мортира и 15 железных пушек. На следующий день они

заночевали в Мелауи-аль-Арише. Этот город красивее, чем Минья; он имеет 10000 жителей. Любители древностей посетили по пути развалины Гермополиса. 24-го Дезэ вступил в Асьют, 29-го – в Гиргу, главный город Саида. Провинция Асьют богата; там есть прочно и изящно построенные цистерны, утоляющие жажду людей и лошадей, а также хороший шлюз – единственный во всем Египте, где следовало бы иметь тысячу таких шлюзов. Поселок Бени-Адин отличается многолюдством. Там останавливаются дарфурские караваны. Жители его – гордые и фанатичные – встретили победителя с угрожающим видом. Это явилось предзнаменованием восстания, которое несколько месяцев спустя привело их к гибели. Несчастные были далеки от предположения, что вскоре их жизнь будет зависеть от милости тех самых солдат, которых они принимали столь высокомерно и негостеприимно.

Гигра расположена на одинаковом расстоянии от Каира и Асуана; она меньше Асьюта, но больше Миньи. В этой области царит такое изобилие, что, несмотря на пребывание армии и снабжение ее, фунт хлеба стоил там су, дюжина яиц – два су, пара голубей – два су, утка весом в 12 фунтов – 10 су.

Мурад-бей продолжал свое бегство, предаваясь черной меланхолии. Его досада прорывалась наружу всякий раз, как ему удавалось взять в плен несколько стрелков. «Как, – восклицал он, – и это они меня победили! Неужели я никогда не смогу разбить этих человечков?» Проезжая через поле своей славы… [115] в нескольких лье от Гирги, он остановился там на час; говорят, что он расплакался, размышляя над испытаниями, которые послала ему теперь судьба; в 1788 г., на этом самом поле, он с 5000 мамлюков разбил Хасана – капудан-пашу Порты, под началом которого находилось 16 000 из числа лучших османских солдат, поддержанных 2000 мамлюков Хасан-бея. Присутствие духа Мурад-бея, его глазомер и стремительность принесли ему полную победу. Вскоре после этого он вступил в Каир как победитель. А ныне, отброшенный к краю обитаемой земли, он скоро не будет, подобно несчастным бедуинам, иметь иного убежища, кроме пустыни! Ужасающее существование; он напрасно молит о смерти; час его еще не пробил!

Между тем противные ветры удерживали флотилию [116] в 20 лье позади войск; она не имела прикрытия; ее можно было сжечь, что сорвало бы поход Дезэ или значительно замедлило бы его движение. Мурад-бей поручил эту операцию Осману, который с 300 мамлюками сделал крюк через пустыню и, оказавшись в тылу французской армии, прервал коммуникации между Асьютом и Гиргой, взбунтовал население, возбудив в нем надежду найти на судах великие сокровища. Ему удалось прервать

коммуникации Гирги с флотилией.

Эти новости чрезвычайно встревожили Дезэ. Если он потеряет флотилию, ему придется вернуться в Каир, эвакуировав весь Верхний Египет. Он подумывал уже об оставлении Гирги с целью спуститься вниз по течению Нила и поставить свой лагерь под защиту судовой артиллерии. Это отступление, сопровождаемое наступлением Мурад-бея, увеличило бы размах восстания. Он принял более мудрое решение: остаться в Гирге с пехотой и направить генерала Даву с отрядом в 1200 человек конницы и шестью пушками для восстановления коммуникаций.

Даву прибыл 3 января к воротам деревни Сауаки, где образовалось первое сборище повстанцев. Несколько тысяч вооруженных людей защищали улицы деревни, которые они забаррикадировали. После боя, длившегося час, французская конница прорвала линию противника, сбросила в Нил большое количество повстанцев, зарубила триста из них, разрушила баррикады, разоружила население и усмирила все окрестные деревни. Оттуда он направился в большую деревню Тахта. Он прибыл туда 8 января. После некоторой подготовки он преодолел баррикады, сбросил в реку часть их защитников и перебил большое число других. Подвергшись в это время атаке тысячи арабов и мамлюков, он сделал поворот кругом и обратил их в бегство. Он потратил несколько дней на разоружение и усмирение всех окрестных деревень и восстановление коммуникаций с флотилией, которая 17 января, воспользовавшись попутным ветром, бросила якорь у Гирги, слева от лагеря. Это соединение устранило повод для тревоги, которую ощущал Дезэ, и он смог теперь продолжить свой завоевательный поход. Но эти помехи заставили его потерять 18 дней, а потеря времени на войне невозместима.

IV

Мурад-бей узнал о поражении своих войск, но одновременно с этим получил известие о примирении с ним Хасан-бея и прибытии шерифов из Ямбо. Хасан уступил наконец влиянию одной рабыни – гречанки, которую любил. Он согласился предать забвению прошлое и использовать свою дружину и влияние для борьбы с врагами мусульманского имени. Он присоединился к Мурад-бею с 3000 человек, в том числе 250 мамлюками. Этот старец пользовался большим авторитетом во всем Верхнем Египте. 2000 шерифов из Ямбо под командой Хасана уже прибыли. Хасан из Ямбо был своего рода военным дервишем; неустрашимый в присутствии врага, он был особенно опасен в силу того энтузиазма, который умел возбуждать в своих солдатах и в правоверных, когда обращался к ним с кафедры в мечетях.

Эти шерифы из Ямбо считались самыми храбрыми пехотинцами во всей Аравии. Каждый из них был вооружен карабином, парой пистолетов и копьем. Все они носили зеленые тюрбаны в качестве потомков племени Пророка. Их обуревала жажда крови и грабежа. Мурад-бей приписывал свои предыдущие поражения отсутствию хорошего пехотного авангарда, способного служить примером, он решил, что теперь у него есть то, что принесет ему победу. Еще две тысячи шерифов собрались в Ямбо, где ожидали судов для переправы через Красное море.

У Мурад-бея оказалось теперь от 12 000 до 14 000 человек; у него зародился новый и смелый план. Он решил идти на Гиргу, когда Дезэ ее оставит, поддержать повстанцев и закрепиться там; очутившись, таким образом, в тылу у Дезэ, он заставил бы последнего вернуться и вести бой за каждый дом, от чего Мурад-бей ожидал благоприятных результатов. С этой целью он оставался в пустыне, на левом берегу канала Верхнего Египта. Дезэ выступил из Гирги 20-го и пошел между Нилом и каналом. Но 22-го, на рассвете, обе армии встретились на высоте Самхуда, двигаясь в противоположных направлениях. Они были отделены друг от друга каналом, который высох. Французская армия состояла из 5000 человек пехоты и кавалерии и 14 пушек; на Ниле она располагала многочисленной военной флотилией. Египетская армия состояла из 1800 мамлюков, 7000 арабов на конях, 2000 пеших шерифов из Ямбо и еще 3000 пеших арабов, без артиллерии; всего – 13 000-14000 человек. Как только обе армии увидели друг друга, они вступили в бой. Первая построилась в три каре: два пехотных – на флангах – и одно кавалерийское – в центре. Левым, расположенным со стороны Нила, командовал генерал Бельяр, правым, расположенным слева от канала, – генерал Фриан, центральным, оседлавшим канал, – генерал Даву. Мамлюки избрали обратный боевой порядок: кавалерия на флангах, пехота – в центре. Мурад-бей со своими мамлюками образовал правое крыло со стороны Нила; его пехота стояла в центре, напротив Самхуда; арабы составляли левое крыло, находившееся в пустыне. Французы особенно рассчитывали на свою пехоту, мамлюки – на кавалерию.

Шерифы из Ямбо были исполнены нетерпения. Их вождь Хасан с 1500 шерифами и тысячью пеших арабов ринулся к оврагу перед городом; отважный полковник Рапп с ротой стрелков 21-го полка легкой пехоты и 50 всадниками атаковал его, опрокинув в овраг тысячу шерифов, при этом сам был ранен, а взвод драгун – отброшен; шерифы стали испускать победные крики; полковник Ла-Турнери выставил два легких орудия на таком расстоянии от оврага, чтобы они могли простреливать его

картечью; в то же время французский батальон со штыками наперевес кинулся на шерифов, перебил большое число их, остальные в беспорядке покинули овраг; сотня заперлась в мечети, где ее перерезали. Мурад-бей в нерешительности оставался свидетелем этого пехотного боя. Но вскоре снаряды и ядра стали сеять смерть в его рядах; у него не было артиллерии, чтобы отвечать на этот огонь. «К чему рассуждать, – сказал старый Хасан-бей, – у кого смелое сердце, тот пусть следует за мной…» Он обогнул левый фланг французской армии, охватил каре генерала Бельяра и стал кружиться вокруг него под ужасающим артиллерийским (картечью) и ружейным огнем. Хасан-бей, который впервые участвовал в бою против европейцев, понял тогда, что храбрость – лишь один из элементов победы. Он был вынужден выйти из сферы артиллерийского огня. Батареи были подтянуты к Самхуду; три роты легкой пехоты вошли туда беглым маршем; первые же ядра, поразившие гордых шерифов Ямбо, обратили их в беспорядочное бегство; арабы удалились и рассеялись в пустыне. Тогда Даву двинул в бой свою конницу и три легких орудия; он атаковал Мурад-бея и неотступно преследовал его до подступов к Фаршуту. До прибытия туда Хасан из Ямбо, задыхаясь от ярости, забаррикадировался в одной деревне. Даву был вынужден дождаться пехоты, которая штурмом овладела деревней; исход этого боя ни на мгновение не вызывал сомнений; 300 отборных мамлюков, 400 наиболее отважных шерифов Ямбо и 200 арабов остались на поле битвы.

Шейх-аль-белед Фаршута был последним потомком знаменитого князя Хаммана. Этот Хамман – вождь одного из племен арабов Магриба – в шестнадцатом столетии переселился из Туниса в Фаршут. Там он преуспел и впоследствии установил свое господство над частью Верхнего Египта. Это племя звалось дауара. Шейх его правил всей местностью от Асьюта до Асуана. Однако он выплачивал 250 000 ардебов ржи паше в Каире и беям. Государи из этого дома, которые царствовали один за другим в течение 150 лет, были обожаемы; память о них поныне дорога жителям этой местности. В 1768 г. Али-бей выступил против Хаммана, который двинулся навстречу ему с 25 000 всадников. Хамман проиграл сражение близ Асьюта. В следующем году он умер в Исне. Его дети откупились от победителя, сохранили свои жизни и добились мира, пожертвовав большей частью своих сокровищ. Последним представителем этого дома был шейх-аль-белед Фаршута. При приближении мамлюков он спрятался. Мурад-бей приказал искать его. Когда его наконец привели, он довел победителя до бешенства, ибо плохо скрыл тайную радость, которую доставили ему поражение и падение врагов его дома.

Охваченный яростью, Мурад-бей срубил голову этому последнему представителю столь знаменитого рода. Как только французы прибыли к этому месту, они сочли долгом оказать ему посмертные почести.

Мурад-бей продолжал свое отступление, поднимаясь вверх по Нилу. Хасан из Ямбо перешел через реку и направился к Кене, чтобы ждать там второго отряда шерифов, уже высадившихся в Косейре. Французская армия заночевала 22-го в Ху. 23-го она прибыла в Дендеру и стала бивуаком среди величественных развалин. 24-го, обогнув отрог Ливийского хребта, вдающийся в долину Нила, она увидела наконец знаменитые руины Фив – города двухсот врат. Присущее им величие произвело большое впечатление на всех; несколько часов было посвящено осмотру их. 25 января армия заночевала в ущелье Двух гор и 26-го прибыла в Исну. Мамлюки бежали при приближении победителя. Они сожгли свои обозы и палатки и разделились на несколько отрядов. Мурад-бей, Хасан-бей и восемь других беев с их мамлюками кинулись в область барабра; Эльфи-бей укрылся в Большом оазисе. Дезэ занял Исну, укрепил ее, создал там военную пекарню, склады и большой госпиталь. По мере продвижения вверх по Нилу долина становится все более узкой, судоходство все более затрудняется. Фриан со своей бригадой остался в Исне, чтобы наблюдать за Эльфи-беем и Хасаном из Ямбо. Армия прошла через Идфу (в древности Аполлинополис Великий – крупный поселок в 10 лье от Исны) и мимо развалин большого храма на высоте, которая господствует над течением реки (жители зовут их цитаделью). Генерал предоставил только один час для осмотра этих руин – он спешил настичь врага. Он перешел через прилегающие к Нилу сланцевые холмы; солдаты с трудом передвигались по этой местности. Затем он двинулся по следам древнеримского шоссе, остатки которого были еще заметны, и заночевал в деревне Бибан – напротив прекрасного острова того же названия.

2 февраля он стал бивуаком напротив Асуана на левом берегу. 3 февраля он переправился через реку в городе. В этом месте Нил имеет ширину в 500 туазов. В первый раз Дезэ покинул левый берег. Мамлюки все время оставались на нем, потому что равнина шире с этой стороны, местность более плодородна и оттуда ближе к оазисам, в то время как, если бы они маневрировали по правому берегу, их могли бы прижать к Красному морю.

Остров Элефантина, именуемый местными жителями «Островом цветов», велик и весьма плодороден. Он расположен напротив Асуана, в 3500 туазах от острова Филэ; древняя стена

ограждает это пространство, образующее треугольник, двумя сторонами которого является Нил. Пороги находятся между островами Элефантина и Филэ. От Асуана до порогов – 3000 туазов (если следовать извилинам Нила). Вверх по течению от порогов Нил делится на протоки, образуя три острова; остров Филэ, расположенный в 200 туазах от правого берега, где течение наиболее сильно; остров Бега и остров Хеффа, которые вместе имеют 1200 туазов [117] . На острове Филэ находилась могила Озириса; он был местом паломничества. Остров Филэ полон памятников. Там никогда не было городов, почва его не обрабатывалась. Он находится вне пределов современного Египта, ибо расположен к югу от асуанских порогов.

Выше острова Филэ долина имеет всего 600 футов в ширину. Две горы сближаются и остаются разделенными только руслом реки, которая в пределах видимости течет перпендикулярно к этому острову. Генерал Бельяр захватил 150 судов – остаток флотилии мамлюков; поскольку воды Нила стояли очень низко, их не смогли провести через пороги. Они были ограблены жителями соседних деревень, которые укрылись со своей добычей на острове Филэ, считая его неприступным.

Генерал с 300 солдат выступил 5-го в поход, чтобы установить характер барьера, отделявшего его от области барабра, где нашел убежище Мурад-бей. Ему пришлось перейти через высокие горы, отвесно вздымающиеся над Нилом и преграждающие бечевник. Он достиг первой деревни барабра. Находившиеся там на постое мамлюки дали сигнал тревоги. Возвращаясь, он по пути предложил находившимся на острове Филэ сдаться. Презренные грабители ответили гиканьем и совершенно смехотворными провокациями. Они говорили, что они не мамлюки, никогда не сдадутся и не обратятся в бегство перед христианами. Не было возможности доставить суда для переправы через Нил, но саперы построили плот; на него вступило 40 стрелков, которых прикрывал огонь четырехфунтовой пушки, стрелявшей картечью. Они высадились на этом знаменитом острове Филэ; там они нашли имущество, награбленное на судах флотилии мамлюков. Французы с любопытством осмотрели развалины памятников, которыми славился этот остров. Дезэ перенес свою главную квартиру в Исну, оставив генерала Бельяра в Асуане для наблюдения за областью барабра.

Между тем город заставил Хасан-бея покинуть со своей дружиной, женами и сокровищами страну барабра. Чтобы оставить больше места Мурад-бею, он спустился вдоль правого берега, направляясь к перешейку Коптос, где он владел

деревнями и располагал агентурой. Генерал Даву, узнав о приближении его к Фивам, перешел через Нил с 22-м егерским и 15-м драгунским полками и 12 февраля захватил его врасплох. Французы имели превосходство в численности, но мамлюки хвастались, что каждый из них стоит двух драгун. Хасана стеснял его обоз и гарем с охраной, имевшие слабое прикрытие. Этот мужественный старец с замечательным хладнокровием встретил все угрожавшие ему опасности. Битва велась с ужасным ожесточением. Гарем с охраной был спасен и скрылся. Обе стороны понесли одинаковые потери. Бей проткнул одного драгуна; под ним убили коня. Его помощник Осман-бей был ранен. Не имея более возможности стать лагерем в долине, Хасан отправился в пустыню и расположился у колодцев Гитты.

Полковник Конру выступил из Исны с 300 солдатами своего полка, перешел через Нил и прогнал из Кены Хасана из Ямбо, отбросив его в пустыню. Однако несколько дней спустя к последнему присоединился отряд, высадившийся в Косейре. С этим пополнением он совершил ночной переход, чтобы захватить врасплох Конру и перерезать его отряд. Однако 11-го в 11 часов вечера французское боевое охранение подняло тревогу и выдержало первый натиск врагов, которые, имея в качестве проводников местных жителей, проникли в город с четырех концов. Конру беглым шагом атаковал сначала одну колонну, затем последовательно разбил все остальные и прогнал их из города; при этом он был ранен. Полковник (впоследствии дивизионный генерал) Дорсенн, командовавший пешими гренадерами, заменил его. Испуганные шерифы сосредоточились в финиковой роще, на расстоянии одного лье от Кены. Когда взошла луна, Дорсенн атаковал их, сбил с занимаемой позиции и отбросил далеко в пустыню.

На рассвете прибыл генерал Фриан с 7-м гусарским полком. Он занялся преследованием шерифов, которые сосредоточились у Абуманы. Он охватил их тремя колоннами, прогнал из деревни и завершил разгром их. Полковник Сюлли, взяв батальон 88-го полка, прошел с ним 5 лье по пустыне без воды и верблюдов; если бы эти солдаты не добились своего, все они погибли бы от жажды. К счастью, шейх, служивший им проводником, провел их к лагерю арабов из Ямбо кружным путем. Они появились там неожиданно, захватили всех верблюдов с бурдюками, продовольствие, многочисленные стада и обоз шерифов, которые были большими грабителями.

V

Область барабра не имела больше фуража, а потому не могла обеспечить войско Мурад-бея. Этот вождь намеревался идти на

Донголу, когда получил известие о том, что Наполеон покинул Каир и направился в Азию. Он тут же принял решение. Что мог он потерять? Он сделал крюк по пустыне и пошел на Каир, оставив Дезэ у себя в тылу. Он назначил Эльфи-бею, занимавшему Малый оазис, рандеву у Асьюта. Хасан-бей соединился с шерифами и двинулся по правому берегу реки, вниз по ее течению – на Асьют и Каир. Этот план был приятен старому Хасану, столько лет не видевшему родного дома и мест, которые он так любил ребенком. Мысль об освобождении «первого ключа» священной Каабы, об омовениях в главной мечети Аль-Азхар снова пробудила фанатизм шерифов.

Дезэ, находясь в Исне, завершал усмирение подчиненных ему провинций, занимался организацией системы правосудия и управления, когда курьеры, одновременно прибывшие с разных направлений, привезли известие о том, что Мурад покинул область барабра, опередил его на три перехода и был замечен между Исной и Асьютом; что Эльфи-бей покинул оазис; что шерифы и Хасан-бей вышли из пустыни и двигаются по правому берегу Нила, вниз по течению реки. Он разгадал план своих врагов. Он приказал генералу Бельяру оставить Асуан и идти к Исне со своими войсками, чтобы составить его арьергард и удержать Cabд. Он приказал Фриану собрать воедино свои отряды и двинуться форсированным маршем на Асьют; флотилии своей он приказал спускаться вниз по Нилу, следуя за Фрианом. Сам он выступил 2 марта.

Генерал Фриан прибыл 5 марта в Суаму, одновременно с авангардом, который должен был подготовить квартиры в этом большом поселке; его встретили ружейными выстрелами. Поселок занимали три или четыре тысячи крестьян; это были повстанцы. Авангард отошел в направлении колонн, которые с барабанным боем вступили в город с трех концов и сбросили в Нил несколько сотен повстанцев. Назавтра он продолжал движение на Гиргу и Асьют. К нему присоединился генерал Дезэ. Между тем Мурад-бею и Эльфи-бею также удалось соединиться в Асьюте. Они узнали там, что Наполеон взял Аль-Ариш и вступил в Сирию, но что в Каире остается больше французов, чем в Верхнем Египте, что они занимают цитадель и что жители стоят за них; шейхи мечети Аль-Азхар и все старейшины заявили, что если мамлюки приблизятся к городу, они выступят на стороне французов, что они хотят и дальше жить спокойно. С другой стороны, Дезэ преследовал их по пятам, находясь от них на расстоянии всего двух переходов; им предстояло очутиться между Дезэ, который ударит на них с тыла, и каирскими французами, которые атакуют их с фронта; поэтому они решили выждать исхода Сирийской

экспедиции. Мурад-бей укрылся в Большом оазисе, Эльфи-бей – в Малом; много мамлюков рассеялось по стране, переодевшись в феллахов.

Между тем на правом берегу Хасан-бей и шерифы, едва соединившись на высоте Кены, узнали, что французская флотилия задерживается противными ветрами в Баруле. Они выступили, чтоб атаковать ее. Флотилия состояла из двенадцати судов, вооруженных тяжелыми орудиями и перевозившими обозные грузы, складское имущество, барабаны и музыкальные инструменты оркестров частей; на ней находилось 300 солдат слабого здоровья или охромевших. Хасан распределил своих людей по обоим берегам реки, начался бой. Враги занимали острова и минареты. У них не было пушек. Картечь с судов сначала сеяла смерть на обоих берегах. Но боеприпасов не хватило. На судах было ранено много солдат. «Итали» сел на мель; ему угрожал захват врагом. Командир Моранди поджег его и взорвал; сам он погиб при этом смертью славных. Другие суда были захвачены. Их экипажи и находившиеся на них солдаты были зарезаны. Все обозные грузы, барабаны и т. п. стали трофеями шерифов. Французы потеряли в этом бою 200 матросов и 300 слабосильных солдат, несших гарнизонную службу; всего – 500 человек. Это были самые большие потери, понесенные ими в эту кампанию. Эта катастрофа, память о которой жила долго, оказала чувствительное влияние на солдат, которые резонно упрекали своего командующего в том, что он не поставил флотилию под защиту одного из фортов и напрасно понадеялся на то, что она сможет следовать за армией в то время года, когда воды Нила стоят так низко.

Генерал Бельяр, узнав, что Хасан движется по берегу Нила, вниз по течению реки, выступил из Исны, перешел на правый берег и направился к Кене. В пути он узнал, что, по слухам, произошло большое сражение, что французы разбиты, потеряли много людей и в особенности огромные богатства и большой обоз. Достигнув высоты Коптоса, он встретил неприятельскую армию, возвращавшуюся с триумфом. Впереди нее на пиках несли головы французов; к армии примкнула толпа жителей, надевших на себя одежду европейцев, вооруженных их оружием и маршировавших под звуки музыкальных инструментов; это была ужасающая какофония. Беспорядок и опьянение этой толпы напоминали настоящие сатурналии. Хасан из Ямбо возглашал пророческим голосом, что время гибели французов наконец настало; что в дальнейшем они будут только терпеть поражение; что каждый шаг правоверных будет победным. Вскоре вступили в действие стрелки, французов насчитывалось 1800 человек; с ними

была четырехфунтовая пушка, картечь которой сдержала сначала яростный натиск шерифов и прикрыла движение колонны. Последняя продолжала спускаться, примыкая правым флангом к Нилу, сопровождаемая и окруженная этой вооруженной толпой. Сделав одно лье, она была встречена огнем батареи из четырех орудий, снятых с флотилии, которые арабы из Ямбо выгрузили на берег и поставили на огневые позиции. По сигналу своей артиллерии шерифы ринулись на французское каре с обычным для них пылом. Но 15-й драгунский полк ударил им во фланг и изрубил многих из них; поле битвы покрылось трупами. Генерал воспользовался этим моментом, чтобы двинуться на батарею, причинявшую ему неудобства. Он уже почти захватил орудия, когда был атакован Хасан-беем с его мамлюками; но карабинеры 21-й легкой полубригады сделали полуоборот направо и, приняв на себя атаку, отбили ее; захваченные орудия были повернуты против врага. Эти два успеха изменили ход битвы. Шерифы бросились в деревню Бену, где укрылись в мечети и в замке, в стенах которых проделали бойницы. Бой длился весь день и всю ночь. Орудия, взятые у противника, были использованы с успехом. Всю ночь продолжались пожары, слышались стоны умирающих. Хасан из Ямбо заперся в замке; он заявил, что хочет умереть смертью мучеников. Враги сплотились под прикрытием этого замка; но он взлетел в воздух вместе с его защитниками, и обломки его обрушились на обе армии. Там были сложены бочки с порохом, найденные на французских судах; они загорелись; Хасана из Ямбо настигла здесь смерть. Потерявшие голову враги разбежались во все стороны. В этом ожесточенном бою шерифы потеряли 1200 человек; французы, имея только единственную четырехфунтовую пушку, сражались один против шестерых. Этот бой делает честь генералу Бельяру. Он спас в нем свою колонну и Верхний Египет, который пришлось бы завоевывать заново, если бы Хасан одержал победу; этот бой происходил 5 и 6 марта.

VI

Дезэ узнал в Асьюте о гибели флотилии, бое у Коптоса и критическом положении, в которое попал было Бельяр; ему стало также известно, что у последнего вышли боеприпасы. Он тотчас же собрал оставшиеся у него вооруженные суда и поднялся вверх по Нилу. Он смог прибыть со своей флотилией в Кену только 30 марта. Снабдив продовольствием свои войска, он принял все меры к окружению Хасан-бея, стоявшего лагерем напротив Гитты. Хасан не мог долго там оставаться, так как запас продовольствия, который он привез с собой, подходил к концу; нужно было помешать ему заготовить новый; Дезэ блокировал его в пустыне. Местность в пустынях перешейка Коптос – пересеченная и

непроходимая из-за обилия холмов; единственные проходы – это ущелья; их три: одно – выходящее к Нилу у колодца Бир-аль-Бар, другое – у деревни Хагази, третье – у Редекии, напротив Идфу. Дезэ встал лагерем у Бир-аль-Бара с половиной своих войск. Он послал генерала Бельяра со второй половиной – занять Хагази. Он счел выход у Редекии непригодным, ибо, чтобы воспользоваться им, нужно было сделать крюк в 45 лье по безводной пустыне. Таким образом, Хасан не мог более ни получать продовольствие, ни выйти без боя, он должен был погибнуть. 2 апреля Хасан, умирая от голода, покинул свой лагерь у Гитты, чтобы выйти в долину у Бир-аль-Бара. Он встретился с 7-м гусарским полком под командой полковника Дюплесси. Завязавшийся бой велся с ужасающим ожесточением. Мамлюки были более многочисленны; Дюплесси был убит Осман-беем, которого он схватил за горло; казалось, что исход боя решится в пользу мамлюков, но Дезэ прибыл на помощь своему авангарду. Увидев, что выход заперт значительными силами, Хасан вернулся в пустыню и снова стал лагерем у Гитты. Несколько дней спустя он покинул его и, сделав крюк в 45 лье, достиг выхода у Редекии, поднялся вверх по течению Нила до Омбоса, провел некоторое время на острове Мансурия, а оттуда отправился в Асуан. Как только Бельяр узнал об этом, он начал преследование и прибыл в Редекию через три дня после того, как там прошел Хасан. Он нашел кровавые следы мамлюков, трупы десятка наиболее старых из них, а также 25 жен и 60 лошадей, оставшихся в пустыне; не имея продовольствия и воды, они погибли от сильнейшей жары. Между тем остатки шерифов из Ямбо спустились вниз по течению Нила, не имея более иной цели, как награбить и убежать. Они достигли Харги – деревни на правом берегу, перешли на левый берег, проникли в Гиргу, где их не ждали, и появились на базаре. Преследовавший их полковник Норан вошел в город сразу же вслед за ними и перебил часть их. Командир 22-го егерского полка полковник Ласалль – энергичный и весьма достойный офицер – атаковал их со своим полком и батальоном 88-го, маневрировал так, что сумел окружить их в огороженном месте, и перебил всех. Среди убитых нашли тело шерифа, наследовавшего Хасану. Такова была судьба четырех тысяч шерифов из Ямбо; только 500 или 600, большей частью раненых, снова увидели родину. Между тем поведение арабов из Ямбо вызвало недовольство шерифа Мекки; он написал им, указав на последствия такого поведения. Он направил посланника в Каир, к султану Кебиру, чтобы дезавуировать этот враждебный акт, который приписывал тесной связи одного из племен Ямбо с Мурад-беем. Он дал заверения в том, что ни одно другое племя не последует этому примеру и что

вся Аравия останется спокойной. В том же смысле написал он непосредственно генералу Дезэ, находившемуся в Косейре. Этот духовный глава мусульман опасался, что подобные акты могут побудить французов разрушить мечети, преследовать мусульман, конфисковать богатые вклады, которыми Мекка владела в Египте, и прервать коммуникации между Меккой и всей Африкой. Наполеон успокоил его и сохранил дружественные отношения с этим служителем священной Каабы, который не уставал славить французского султана и призывать на него благословение Пророка.

VII

В течение февраля и марта в Саиде были получены известия об успехах Сирийской армии, взятии Аль-Ариша, бое у Газы и штурме Яффы. Среди пленных, взятых в Яффе, было 260 уроженцев этой провинции; их отправили назад на родину, где они утвердили репутацию французского оружия. Это оказало хорошее влияние на настроение населения. Но в мае распространились вести о первой неудаче под Сен-Жан-д\'Акром, причем утверждалось, что дамасская армия окружила французскую в ее лагере. Восстание эмир-хаджи, явившееся следствием этих слухов, придало им еще больше правдоподобия. Хасан-бей с середины апреля находился в Асуане. Поселок Бени-Адин, близ Асьюта, имеющий 20 000 жителей, является складочным местом для торговли Дарфура с Египтом. Население там более фанатично, дико, свирепо, отличается более темной кожей, чем в любой другой местности Египта. Как мы уже говорили, когда французы вступили туда в первый раз, они были плохо приняты. С того времени они избегали пребывания в этом поселке и не останавливались там на ночлег; взгляды жителей, их вид и речи всегда были угрожающими. Они гордились своими богатствами; подсчитано, что во время нахождения там большого каравана в поселке хранится на 6 миллионов товаров, предназначенных для Дарфура, Каира или Александрии; в марте этого года упомянутый большой караван, состоявший из 10000 верблюдов и 6000 невольников, прибыл под охраной 2000 вооруженных магрибинцев, жестоких, как Великая пустыня; они были возмущены торжеством этих человечков с Запада, кожа которых бесцветна. Спешившиеся мамлюки и остатки шерифов соединились в Бени-Адине, ставшем вскоре очагом восстания.

Мурад-бей, который сначала отнесся с недоверием к повстанцам, присоединился к ним, когда его приободрили печальные для французов вести из Сирии. Он направил в Бени-Адин беев и киашифов из своей дружины для руководства, организации и придания авторитета этому сборищу. Генерал

Даву, встревоженный ростом числа повстанцев, собрал свои силы воедино и выступил во главе 2000 кавалеристов, пехотинцев и артиллеристов. Повстанцы численностью в 6000 человек были хорошо вооружены и подготовлены; они ожидали Мурад-бея. Оба полководца встретились. Французская конница атаковала авангард бея, который, имея только 300 всадников, был отброшен к оазису. В то же время Бени-Адин был окружен. После оживленной перестрелки баррикады были преодолены; победители беглым шагом вошли в поселок, убивая всякого, кто попадался им на пути. Противник закрепился в домах с бойницами, которые стали добычею огня. Армия потеряла полковника Пинона, одного из наиболее отважных кавалерийских офицеров Франции. Грабеж обогатил солдат, которые обнаружили в караване четыре-пять тысяч черных рабынь, много верблюдов, бурдюки, страусовые перья, камедь, слоновую кость, большие ящики с золотым песком, много золотых монет. Среди пленниц оказалась дочь короля Дарфура.

В Верхнем Египте оставался теперь только Хасан-бей, который со времени выхода из пустыни Косейра спокойно владел Асуаном. Потому ли, что не было точных данных о его силах, или же вследствие предположения, что он уже ушел за пороги, оставив в Асуане только свой арьергард, генерал послал из Исны капитана Рено всего лишь с 200 человек пехоты, приказав овладеть городом; эти 200 человек должны были погибнуть. Как только Хасан узнал об их малой численности, он радостно улыбнулся, надеясь утолить свою жажду мести кровью неверных. С 180 мамлюками, 200 арабами и 300 пехотинцами он пошел навстречу этому изолированному отряду, состоявшему из горсти пехотинцев без пушек. Капитан Рено, обнаружив замечательное присутствие духа и отнюдь не опешив при виде большого числа нападающих, построил свое каре и сказал, обернувшись к солдатам: «Товарищи, солдаты Итальянской армии не считают врагов; цельтесь хорошенько, каждый убьет того, в кого целится, и я ручаюсь за успех». Действительно, первый же залп сбросил на землю 100 мамлюков; остальные спаслись бегством. Через пару часов Рено вступил в Асуан; он захватил обозы и раненых. Час гибели старого Хасана настал. Он был ранен ударом штыка, так же как и Осман-бей, и оба они умерли несколько дней спустя. У капитана Рено было убито только четыре человека и ранено пятнадцать. Это самый блестящий бой во всей Египетской войне.

Мурад-бей с 400 воинами влачил жалкое существование в глубине пустыни; Хасан-бей и грозные мамлюки его дружины погибли; не оставалось больше ни одного шерифа из Ямбо. Дезэ управлял своими провинциями так же талантливо, как энергично

он провел кампанию. Благодаря этому воцарились справедливость и порядок, спокойствие было полным. Хотя его управление было весьма суровым, жители назвали его «справедливым султаном». Он возложил на общины ответственность за все происходившее на их территории. Одиночный французский солдат – с оружием или без него – мог пройти всю провинцию, не подвергаясь никакой опасности. Подати вносились регулярно.

На протяжении апреля и мая Восточная армия занимала три угла: район Александрии, Асуана и Сен-Жан-д\'Акра. Это треугольник периметром в 300 лье и площадью в 30 000 квадратных лье. Переписка главной квартиры из… [118] Сен-Жан-д\'Акра в Сирии с Верхним Египтом велась через посредство полка дромадеров, который пересекал пустыню по пути из Газы в Суэц. Между Асуаном и Бени-Суэйфом было создано несколько фортов; форт в Кене был главным из них, ибо защищал ущелья Косейра. Все эти форты располагали батареями, которые господствовали над Нилом с его судоходством, а также вмещали склады и небольшие госпитали. Чтобы выразить помощнику свое удовлетворение, Наполеон послал ему сначала саблю, взятую у пленных, захваченных в Александрии, с надписью: «Сражение у Седимана». В дальнейшем он подарил ему кинжал, украшенный бриллиантами, который носил Мехмед-паша, взятый в плен в Абукирском сражении; на одной стороне клинка было написано: «Наполеон – Дезэ, победителю Верхнего Египта», а на другой: «Фивы о ста вратах, Сезострис Великий».

VIII

Оставалось занять порт Косейр, Большой и Малый оазис. В мае стоит слишком сильная жара и переход через пустыню чересчур утомителен; поэтому экспедицию в оазисы пришлось отложить на ноябрь. Но занятие Косейра не терпело отлагательств. Там уже было объявлено о предстоящем прибытии судов с товарами из Аравии, Джидды, Ямбо; в обмен на эти товары суда должны были взять в обратный рейс рис, рожь и прочее продовольствие, необходимое полуострову, особенно Мекке и Медине. Генерал Бельяр провел все подготовительные мероприятия к переходу через пустыню, взятию и укреплению Косейра. Перешеек Коптос представляет собой часть пустыни, заключенной между Нилом и Красным морем, – в том месте, где река всего ближе подходит к морю. От Кены до Фив – 11 лье; излучина Нила протяжением в 9 лье подводит реку к Красному морю на расстояние, равное в среднем 25 лье. Эти 25 лье пространства называются перешейком Коптос. Если подняться от Фив вверх по течению Нила до Абукильгана, расположенного на 5

лье выше, то расстояние между рекой и морем увеличится до 40 лье, так как река течет здесь на запад, а Красное море, находящееся напротив, удаляется от нее в противоположном, восточном направлении. Если подняться до Асуана, то здесь расстояние от моря достигает приблизительно 60 лье; если же спуститься вниз по Нилу до высоты Гирги, то окажешься примерно в 40 лье от Красного моря; в Асьюте соответствующее расстояние равняется 50 лье. Часть Нила, составляющая изгиб выше Кены, протяжением в 9 лье, является, следовательно, единственной, расстояние от которой до моря (по прямой) равняется всего 25 лье.

Чтобы попасть от Нила к Красному морю через полуостров Коптос, нужно следовать по ущельям между горами. Имеется шесть различных ущелий, среднее протяжение которых составляет 34 лье; а значит, учитывая наличие изгибов, для прохода через них требуется 42-часовый марш. Из двух единственных портов Красного моря, которые сообщаются ныне с Нилом – Косейра и Суэца, – Косейр находится в 29 лье от Кены по прямой и в 34-35 лье, если следовать по ущелью, Суэц же лежит в 27 лье от Каира. Из шести путей, ведущих через полуостров Коптос в Косейр, хорошо известны только три. Большинство этих ущелий выходят в небольшой оазис Гитта, откуда к Нилу ведут два пути. Один направлен к Кене и достигает обработанных земель у деревушки Бир-аль-Бар; другой направлен к Фивам и от деревушки Хагази поднимается вдоль Нила. Третье известное нам ущелье ведет прямо из Косейра в долину Нила, выходя в нее напротив Идфу, у деревни Редекия; последнее ущелье имеет в длину немногим более 45 лье, это то, через которое спасся Хасан-бей; таким образом, чтобы преградить все пути к Нилу, нужно занять деревни Бир-аль-Бар и Хагази или колодцы Гитты и, наконец, ущелье Редекия, напротив Идфу.

На девяти лье, составляющих протяжение излучины Нила, которая образует одну из сторон полуострова Коптос, последовательно существовали три города, являвшиеся центрами торговли с Красным морем. Коптос был в IV веке знаменитым, могущественным и богатым городом (развалины его можно видеть в одном лье от Нила); Коптосу наследовал Куш, расположенный несколько выше и южнее; Куш все еще большой город, но он пришел в сильный упадок, население его состоит сплошь из коптов; наконец, севернее, на оконечности излучины, находится третий – городок Кена. Кена является в настоящее время складочным местом для торговли нильской долины с Красным морем. Она не достигла такого процветания, как Коптос или Куш, потому что современная красноморская торговля не

может сравниться с тою, которая существовала до открытия мыса Доброй Надежды.

Генерал Бельяр выступил 25 мая из Кены с двумя батальонами, двумя пушками и сотней всадников. Ему понадобилось три часа, чтобы достичь колодца Бир-аль-Бар, где он остановился, чтобы пополнить свой запас воды; затем он заночевал в пустыне, в 5 лье от колодца. В час ночи взошла луна, к рассвету он был в Гитте. Гитта имеет три очень больших колодца, выложенных кирпичом, с перилами; к ним могут спускаться и животные. Там есть форт и караван-сарай; это один из военных постов, которые Птоломей Филадельф построил на пути Береники. Отдохнув несколько часов в Гитте, генерал заночевал в пустыне, в 5 лье от этого пункта. 27-го, с восходом луны, он двинулся в путь и после десятичасового марша достиг колодца Аль-Хава; он стал лагерем в пустыне. Наконец 28-го он прибыл к колодцу Амбага; это оазис, там есть акации, речка, солоноватая вода; оттуда до Косейра – два часа пути. Таким образом, на переход

от Кены к Гитте, через Бир-аль-Бар требуется	13 часов
от Гитты до источников Аль-Хавы	15 часов
от источников до Амбаги	11 часов
от Амбаги до Косейра	2 часа
Всего	41 час,

что, считая по 1850 туазов в час, составит около 65 800 туазов, или 33 лье (по 25 лье на градус). Арабы абабде [119] кочуют по всей этой пустыне. Они похваляются, что могут выставить 2000 вооруженных воинов. У них мало лошадей, но много верблюдов, что позволяет им совершать переходы через пустыню от Нила до Красного моря и Сеннара.

Город Косейр лежит на берегу Красного моря, примерно в ста лье южнее Суэца (по прямой), под 26°7\' северной широты и 32°1\'36" долготы (от Парижа) [120] . Он имеет в окружности 400-500 туазов. Пресную воду туда везут за 9 лье. Замок господствует над всем городом; там есть цистерна с водой, пригодной для животных. Вокруг этого города раскинулась пустыня. Население появляется в ней только тогда, когда приходят суда из Джидды и Ямбо. В это время там можно видеть много арабов из Ямбо и египетских купцов. Жители с восторгом встретили французские войска. Пробыв там два дня, генерал Бельяр вернулся в Кену, оставив в форту Косейра коменданта, гарнизон, продовольствие и пушки. Порт Косейр защищен от восточных и северных ветров, но подвергается действию западных. Старый Косейр, находящийся на севере, является, по мнению некоторых, древней Береникой.

14 июня торжественный въезд в Каир Наполеона во главе армии, возвращавшейся из Сирии, утвердил спокойствие во всем Египте.

Глава VIII Сирия

Пустыня, которая отделяет Сирию от Египта, простирается от Газы до Салихии; протяжение ее равно 70 лье. Чтобы пересечь ее, караванам требуется 80 часов. Газа находится в 100 лье от Каира. Эта пустыня делится на три части: 1) от Салихии до Катии – 16 лье пространства, покрытого сухим песком; там нет ни тени, ни воды, ни каких-либо следов растительности; караваны проходят это расстояние за 20 часов. Французские войска тратили на этот переход двое суток, но для верблюдов, повозок и артиллерии требовалось трое суток. Близ Катии находятся зыбучие пески, чрезвычайно утомительные для обозов. Катия – оазис; там было два колодца с горьковатой, но все же пригодной к употреблению водой; там имелось также около тысячи пальм, под сенью которых могут отдохнуть 4000-5000 человек. Предполагают, что Катия была лагерем Александра; оттуда 5 лье до развалин Пелузия, а от форта Тина – 4 лье до берега моря. Таким образом, база Катии может снабжаться судами, выходящими из Дамиетты и следующими по озеру Манзала до Тины либо же выходящими из богаза Дамиетты, следующими вдоль побережья Средиземного моря и разгружающимися на взморье, напротив Катии.

Вторая часть простирается от оазиса Катия до оазиса Аль-Ариш. Протяжение ее – 25 лье. Караваны тратят на переход ее 32 часа; французской армии требовалось для этого трое с половиной суток. На этом пути имелось три колодца, у которых делались остановки, но колодцы эти могли обеспечить водой только один-два батальона; первый из них – Бир-аль-Абу (6 1/2 лье), второй – Бирка-Айш (7 1/2 лье), третий – Масудия « (8 лье), расположенный в трех лье от Аль-Ариша. Следуя в этом направлении, все время находишься в 2-3 лье от Средиземного моря – вплоть до Масудии, где начинается взморье. В трех лье к северу от Бир-аль-Абу находится гора Касий. Если бы были созданы посты во всех этих местах ночлега, то было бы возможно снабжать их водой, продовольствием и фуражом морским путем. Джермы, вышедшие из Дамиетты или Яффы, выгружали бы свои грузы на взморье, в трех лье от колодцев. Однако даже в случае, если бы войска двигались по тем местам, где находились озера короля Бодуэна, было бы предпочтительнее устроить посты для ночлега на берегу моря. Эти укрепленные склады охраняли бы судоходство. Аль-Ариш – оазис гораздо более протяженный и плодородный, нежели Катия. Там имеются шесть колодцев, могущих удовлетворить нужды армии в 15 000-20000 человек, а также несколько тысяч пальм, под сенью которых может

отдохнуть эта армия. Там была большая деревня с каменными постройками и фортом; в ней насчитывалось 500-600 жителей; форт и деревня находятся в полулье от моря, что облегчает снабжение устроенного там склада. На берегу моря виднеются развалины древнего города Ринокорур. Он находился на месте Аль-Ариша и располагал молами и портом, что способствовало судоходству.

Третья часть этой пустыни тянется от Аль-Ариша до Газы (15 лье). Караваны проходят ее за 23-24 часа. Французским войскам требовалось для этого трое суток. В четырех лье от Аль-Ариша находится могила святого Карута, еще через 4 лье расположен колодец Зави; в четырех лье от Зави – колодец Рафия; в двух лье за ним – замок Хан-Юнус; там начинается Сирия. От Хан-Юнуса до Газы – 7 лье; это больше не пустыня; это нечто среднее между пустыней и обработанной местностью. Весь этот путь идет вдоль берега моря, на расстоянии одного – полутора лье от него. Рафия была некогда большим городом, там еще видны развалины. Следовательно, большой армии нужно 12 суток для перехода через Великую пустыню и Суэцкий перешеек, считая одни сутки пребывания в Катии и столько же в Аль-Арише.

Известно, что во все исторические эпохи полководцы, совершавшие походы из Египта в Сирию или из Сирии в Египет, рассматривали эту пустыню как препятствие, тем более значительное, чем больше было у них лошадей. Древние историки сообщают, что когда Камбиз решил проникнуть в Египет, он вступил в союз с одним арабским королем, который провел в пустыне канал с водой; это, несомненно, обозначает, что он усеял пустыню верблюдами, несшими воду. Александр стремился завоевать расположение евреев, чтобы они служили ему при переходе пустыни. Однако в древние времена это препятствие было не столь значительным, как сейчас, потому что там существовали города и деревни, а людская предприимчивость успешно боролась с трудностями. Ныне от Салихии до Газы не осталось почти ничего. Значит, армия должна совершить это переход постепенно, создавая этапные пункты и склад в Салихии, Катии, Аль-Арише. Если эта армия из Сирии, она должна сначала создать большой склад в Аль-Арише, а затем перенести его в Катию, но, поскольку эти операции чрезвычайно затяжные, противник получает время, необходимое для подготовки к обороне.

Переход через эту пустыню летом представляет собой весьма утомительную и сложную операцию: 1) горячий песок; 2) недостаток воды; 3) отсутствие тени – могут погубить армию или же настолько ослабить и обескуражить ее, что это даже

невозможно себе представить. Зимой данное препятствие становится куда менее значительным. В это время года нет таких неудобств, как горячий песок и невыносимая жара; требуется меньшее количество воды. Легко понять поэтому, что наличие в Аль-Арише крепости, способной помешать противнику пользоваться водою колодцев и тенью от пальм, было бы весьма ценным. Армия, которая захотела бы осадить ее, страдала бы на стоянке от солнечных лучей и была бы вынуждена получать продовольствие, фураж, дрова, фашины и воду из Газы. После взятия Аль-Ариша пришлось бы потратить немало недель для заполнения этого склада, чтобы он мог удовлетворить все нужды армии во время осады Катии. Ибо продовольствие, фашины, воду для осады Катии пришлось бы доставлять со склада в Аль-Арише. Прежде чем решиться на оставление Катии, пришлось бы создать там большие склады, способные удовлетворить нужды армии при переходе к Салихии. Эта армия, обессиленная переходом через пустыню от Катии до Салихии, могла бы быть разбита другой армией, уступающей ей в численности. Если она потерпит поражение до прибытия в Каир, то у нее будет только одна линия отступления, причем она окажется обремененной огромным количеством верблюдов, несущих воду. Армия, разбитая и отброшенная в пустыню, не может больше занять там какую-либо позицию; она может остановиться только у Газы.

Армия, защищающая Египет, может сосредоточиться либо у Аль-Ариша, чтобы воспротивиться обложению этой крепости, либо у Катии, чтобы заставить противника снять осаду с Аль-Ариша, или же ждать врага либо у Катии, либо у Салихии; любая из этих альтернатив имеет свои преимущества. Из всех преград, которые могут прикрывать границы империи, пустыня, подобная описанной, несомненно, является самой большой. На втором месте стоят такие горные цепи, как Альпы, на третьем – реки; ибо, если задача доставки продовольствия для армии является настолько трудной, что ее редко удается решить полностью, то эта трудность возрастает в двадцать раз, когда приходится тащить с собой воду, фураж и дрова – три вещи, обладающие большим весом и перевозка которых затруднительна, между тем как в обычных условиях армии находят их на месте.

Глава IX Завоевание Палестины

I. Решение начать войну в Сирии (1799 г.). – II. Армия делится на три корпуса. – III. Переход через пустыню; через Суэцкий перешеек; бой у Аль-Ариша (9 февраля); ночной бой (15 февраля); взятие форта (21 февраля). – IV. Авангард блуждает по пустыне (22 февраля); бой у Газы (26 февраля). – V. Марш на Яффу; осада и взятие города (6 марта). – VI. Чума в Яффе; заключение перемирия с агой Иерусалима (10 марта). – VII. Бой у Набуллуса (15 марта). – VIII. Взятие Хайфы; прибытие к Акре [121] (18 марта).

I

Французские колонии в Вест-Индии были потеряны. Предоставление свободы чернокожим и события, происходившие на Сан-Доминго в течение восьми лет, не оставляли надежды на восстановление старой колониальной системы. К тому же возникновение на Сан-Доминго новой державы, управляемой чернокожими и находящейся под покровительством республики, повлекло бы за собой разорение Ямайки и английских колоний. В этих условиях Франция нуждалась в новой большой колонии, способной заменить ей американские.

Со времени последней борьбы, которую Франция вела с Англией в Индостане, она потеряла там все свои опорные пункты. У нее оставалась только прекрасная, но небольшая колония – о. Иль-де-Франс [122] . Англичане же, напротив, настолько расширили свои владения и утвердили свое владычество в Индии, что стало трудно атаковать их там непосредственно. Они были хозяевами всех портов; они держали там 125 000 солдат, в том числе 30 000 европейских; правда, эти войска прикрывали большую территорию. Типпу-сагиб, маратхи, сикхи и другие воинственные и неподчинившиеся им народы могли выставить массу воинов, готовых присоединиться к французской армии. Но для того чтобы вести, с надеждой на успех, войну на столь отдаленном театре, нужно было иметь промежуточную позицию, служащую плацдармом. Египет, находящийся в 600 лье от Тулона и в 1500 лье от Малабара, и являлся таким плацдармом. Прочно утвердившись в этой стране, Франция раньше или позже стала бы хозяйкой Индии. Обширная торговля Востока вернулась бы на свой древний путь через Красное и Средиземное море. Таким образом, с одной стороны, Египет заменил бы Сан-Доминго и Антильские острова; с другой стороны, он должен был послужить этапом на пути к завоеванию Индии.

Александр проник в Индию, переправившись через Инд в

верхнем течении этой реки; он осуществил свое возвращение в Вавилон через Гедрозию или Мекран. Если его армия пострадала, то это объясняется тем, что она не располагала всем необходимым для этого перехода. Имея суда, можно переправиться через океан; для того, кто имеет верблюдов, пустыни перестают быть препятствиями. Из Египта армия на верблюдах может достичь Басры за 30-45 дней; из Басры она может за 40 дней достигнуть границ Мекрана; на своем пути она найдет Шираз – большой и красивый город. Весь Керман представляет собой плодородную область, где она сможет в изобилии запастись продовольствием для перехода через пустыню до Инда. Эти пустыни менее иссушены, чем аравийские. Выступив из Египта в октябре, она к марту достигла бы места назначения. Там она очутилась бы среди сикхов и маратхов.

Французская армия насчитывала только 30 000 человек, но имевшихся в наличии частей было достаточно для увеличения ее до 60 000. Действительно, в ней было 480 рот пехоты, 60 рот кавалерии, 40 рот артиллерии, саперов, минеров, рабочих артиллерийского обоза; следовательно, она могла принять в свой состав 30000 рекрутов из местных жителей. Их предполагалось набрать следующим образом: 15 000 чернокожих рабов из Сеннара и Дарфура и 15 000 греков, коптов, сирийцев, юных мамлюков, магрибинцев и мусульман из Верхнего Египта, привычных к пустыне и высоким температурам жаркого пояса.

Египет мог предоставить все: 10 000 лошадей, 1500 мулов, 50 000 верблюдов, бурдюки, муку разных сортов, рис и прочее, необходимое для этой операции. Прочное овладение этой страной являлось, следовательно, фундаментом всего здания. Перед отъездом из Франции Наполеон подсчитал время и средства, потребные для завоевания Египта, имея в виду совершить поход на Инд раньше или позже – в зависимости от более или менее благоприятных настроений в среде народов Востока и более или менее счастливого хода событий. Он льстил себя надеждой, что первых 15 месяцев, с июля 1798 г. до октября 1799 г., будет достаточно для завоевания страны, набора рекрутов, лошадей и верблюдов, снаряжения и вооружения армии и что осенью 1799 г. и зимой 1800 г. он сможет следовать к месту назначения со всей армией или частью ее, ибо 40 000 человек в том числе 6000 на конях, 40 000 верблюдов и 120 полевых орудий было, по его мнению, достаточно, чтобы поднять Индостан. Еще во Франции было условлено, что в октябре или ноябре 1798 г. правительство направит три 74-пушечных корабля, четыре фрегата и пять транспортов с 3000 человек для пополнения гарнизона Иль-де-Франса и крейсирования в индийских морях; что как только будет

принято решение относительно срока выступления армии к Инду, эскадра в составе пятнадцати линейных кораблей, шести фрегатов и пятнадцати больших транспортов выйдет из Бреста с 5000 солдат, продовольствием и боеприпасами. Эта эскадра должна была установить связь с сухопутной армией на побережье Мекрана. Оказав армии всемерное содействие в деле овладения какой-либо крепостью (Сурат, Бомбей или Гоа), она должна была разделиться на небольшие отряды, чтобы крейсировать в морях от Инда до Китая. Три отряда должны были отплыть с Иль-де-Франса, чтобы создать склады в трех заранее обусловленных портах мекранского побережья. Войсковые части, которые будут находиться на Иль-де-Франсе, численностью в 3000 человек, со штатным расписанием в 6000, должны быть пополнены 1500 белыми колонистами и 1500 чернокожими. Эти 6000 человек должны послужить для охраны указанных промежуточных станций или этапных пунктов, а затем последовать за армией, когда она пройдет их.

Успех штурма Александрии, победы у Шубрахита и пирамид, благоприятное настроение улемов, которые устранили самое большое препятствие – религиозный фанатизм, позволяли надеяться в определенный момент, что Мурад и Ибрагим-бей подчинятся. Но уничтожение эскадры привело к двоякому результату: оно помешало мамлюкам подчиниться и позволило противнику установить тесную блокаду побережья. Прекратились сношения с Францией, откуда ожидали второй конвой с 6000 солдат, уже взятых на суда в Тулоне, равно как и большое количество обмундирования, вооружения и т.д. Наконец, гибель эскадры заставила императора [123] объявить войну республике.

После битвы у Седимана и восстания в Каире снова имели место переговоры с Мурад-беем и Ибрагим-беем; они были склонны подчиниться и служить под французскими знаменами; но они получили известие о том, что Порта намерена ввести в бой две армии. Они решили дождаться исхода этого предприятия. Обе армии насчитывали по 50000 человек; одна формировалась на Родосе, другая – в Сирии; они должны были выступить одновременно в июне 1799 г. Первая должна была высадиться в Дамиетте или Абукире; вторая – перейти через пустыню от Газы до Салихии и двигаться на Каир. В то же время должны были начать действовать мамлюки, арабы и партизаны. В первые дни января 1799 г. стало известно, что из Константинополя в Яффу доставлено 40 пушек и 200 зарядных ящиков. Их обслуживали полторы тысячи канониров, обученных французскими офицерами. В Яффе, Рамле, Газе были созданы большие запасы сухарей, пороха, бурдюков для перехода через пустыню. Авангард

Джеззар-паши численностью в 4000 человек прибыл в Аль-Ариш. Один из его генералов – Абдаллах – находился в Газе с другими 8000 солдат; он дожидался подхода 10 000 человек из Дамаска, 8000 – из Иерусалима, 10 000 – из Алеппо и такого же количества из провинции Ирак. На Родосе было уже сосредоточено 8000 человек. Ожидали еще 10000 албанцев, 9000 янычар из Константинополя, 15 000 – из Малой Азии, 8000 – из Греции; турецкая эскадра и транспорты готовились к выходу из Константинополя.

Страх перед этим вторжением повернул вспять развитие общественной мысли в Египте; больше ничего нельзя было сделать. Если бы к родосской армии присоединилась английская дивизия, это вторжение стало бы чрезвычайно опасным. Наполеон решил взять инициативу в свои руки, самому перейти через пустыню, громить сирийскую армию по мере подхода различных дивизий, овладеть всеми складами и крепостями (Аль-Ариш, Газа, Яффа, Акра), вооружить христиан Сирии, поднять восстание друзов и маронитов, а затем действовать сообразно обстоятельствам. Он надеялся, что при получении известия о взятии Сен-Жан-д\'Акра мамлюки, арабы Египта, сторонники дома Дахэра [124] присоединятся к нему; что к июню он станет хозяином Дамаска и Алеппо; что его аванпосты будут находиться в горах Тавр, причем в его непосредственном подчинении будут 26000 французов, 6000 мамлюков и арабских всадников из Египта, 18 000 друзов, маронитов и других сирийцев; что Дезэ будет готов прийти ему на помощь из Египта во главе 20 000 солдат, в том числе 10 000 французов и 10 000 завербованных в армию чернокожих. В этом положении он сможет воздействовать на Порту, принудить к миру и согласию на его поход в Индию. Если судьба будет благоприятствовать осуществлению его планов, он еще успеет прибыть на Инд в марте 1800 г. с сорокатысячной армией, несмотря на потерю флота. Он имел агентов в Персии и знал, что шах не будет противодействовать проходу армии через Басру, Шираз и Мекран. Ход событий опроверг его расчеты. Тем не менее Сирийская кампания достигла одной из поставленных целей – уничтожения турецких армий; она спасла Египет от ужасов войны и упрочила господство над этой страной, завоеванной в результате блестящих побед. Вторая цель была бы достигнута еще и в 1801 г., после Люневилльского договора, если бы Клебер остался жив.

II

На 1 января 1799 г. Восточная армия насчитывала 29 700 человек строевого и нестроевого состава, в том числе: 22 000 человек – в пехоте; 3000 – в кавалерии; 3200 – в артиллерии и

инженерных войсках; 600 гидов [125] ; 900 нестроевиков, рабочих, чиновников гражданской администрации. Всего – 29700 человек, распределенных между тремя корпусами следующим образом:

	Верхний Египет	Нижний Египет	Сирия	Всего
Пехота.....	5000	7000	10 000	22 000
Кавалерия.....	1200	1000	800	3000
Артиллерия.....	300	1300	1600	3200
Гиды.....	—	—	600	600
Нестроевики.....	50	700	150	900
	6550	10 000	13 150	29 700

Генералы Дезэ, Фриан, Бельяр, Даву, Ласалль командовали в Верхнем Египте; генералы Дюгуа, Ланюсс, Мармон, Альмейрас – в Нижнем; генералы Клебер, Бон, Ренье, Ланн, Мюрат, Доммартен, Каффарелли дю Фальга, Виаль, Во, Жюно, Вердье, Лагранж входили в состав Сирийской армии.

Каждая дивизия Сирийской армии имела шесть полевых орудий, кавалерия и охрана имели по шесть орудий на конной тяге – всего 36 орудий. Парк имел четыре 12-фунтовые пушки, четыре 8-фунтовые, четыре гаубицы, четыре 6-дюймовые мортиры, всего – 16 орудий; итого – 52 орудия с двойным против нормы количеством боеприпасов, инструментами и минным парком. Осадный парк из четырех 24-фунтовых орудий, четырех 16-фунтовых, четырех 8-дюймовых мортир со всем необходимым был погружен в Дамиетте на шесть небольших шебек; было невозможно тащить через зыбучие пески пустыни настолько тяжелые орудия. Такой же осадный парк, нагруженный на три фрегата – «Жюнон», «Куражез» и «Альсест», находился на александрийском рейде под командованием контрадмирала Перрэ. Таким образом, главнокомандующий принял удвоенные меры предосторожности, дабы иметь уверенность, что он не останется без тяжелых орудий, которые считались необходимыми для осады Яффы и Акры.

Каирская знать имела те же интересы, что и Наполеон; она с удовольствием взирала на операцию, которая должна была отдалить театр войны от ее домашних очагов, перенеся его в Сирию. Надежда видеть Египет, Сирию и Аравию под властью одного государя была ей приятна. Она назначила делегацию из пяти наиболее образованных шейхов, чтобы проповедовать в мечетях и настроить умы мусульман в пользу армии, защищать мусульманские интересы перед французами и возбуждать арабский патриотизм. В составе этой делегации находились лица,

уважаемые на всем Востоке. Отбытие этой делегации великих шейхов произвело сильнейшее впечатление на все население Египта. Туземцы радовались успехам французов, их умы, которые удалось просветить в отношении этих тонких материй, открылись для новых и прежде совершенно неизвестных им идей.

Начальник военно-строительных работ Сюси был болен; его рана не заживала; он пожелал вернуться во Францию. Он уехал из армии и в Александрии был принят на борт большого транспорта вместе с 200 инвалидами – слепыми или с ампутированными конечностями. Плавание протекало сначала удачно, но в связи с истощением запаса воды судно пристало к берегу Сицилии, чтобы набрать свежей. Свирепые островитяне напали на судно, зарезали Сюси и несчастных солдат, которые избегли стольких опасностей и бед в стольких сражениях; виновники этого столь ужасного преступления не были наказаны; говорили, что они получили за него награду!!!

Сирийской армии требовалось в общей сложности 3000 верблюдов и 3000 ослов для перевозки продовольствия, воды и обозных грузов, а именно: 1000 верблюдов для перевозки двухнедельного запаса продовольствия на 14000 человек, а также на 3000 лошадей кавалерии, штаба и артиллерии и 2000 верблюдов для перевозки запаса воды на три дня, поскольку этот запас можно было возобновить в Катии и Аль-Арише. 3000 ослов были распределены из расчета один осел на десять пехотинцев, что давало возможность каждому солдату взять с собой 15 фунтов клади.

III

20 декабря один из генералов Джеззара – Абдаллах – встал лагерем в Газе с двенадцатитысячной армией; 2 января 1799 г. он занял Аль-Ариш четырехтысячным отрядом. Генерал Ренье, который с начала января держал гарнизон в форте Катия, 23 января перенес свою главную квартиру в Салихию, а 5 февраля – в Катию, откуда он выступил 6-го, а 8-го прибыл к колодцам Масудия, вызвав тревогу в Аль-Аришском лагере. Был захвачен в плен мамлюкский гонец Ибрагим-бея; он дал весьма преувеличенные сведения. Встревоженный генерал Ренье тут же отправил к главнокомандующему курьера на дромадере, чтобы донести о критическом положении, в котором он должен был очутиться.

Прибыв в 8 часов утра на расстояние пушечного выстрела от Аль-Ариша, он встал на позицию. Турки занимали форт и позицию перед деревней Аль-Ариш, дома которой построены из камня; они в них забаррикадировались под прикрытием артиллерии форта. Как только противник установил

малочисленность французской кавалерии, он бросил свою конницу на фланги и тыл французского отряда. Турки обороняли все колодцы и пальмовый лес. Французы стояли бивуаком на песчаном холме, без воды, без тени, без фуража, без дров. Каждую минуту ожидали подхода из Газы Абдаллаха с остальными его войсками и двенадцатью пушками, предназначенными для вооружения форта, в котором имелось только три орудия. Позиция противника была очень сильной. Ренье понял это, но, уступая силе обстоятельств, приказал атаковать ее. Он подготовился наилучшим образом. После оживленной артиллерийской перестрелки 85-й полк штурмом овладел деревней Аль-Ариш; 500 турок были убиты или взяты в плен, остальные 7500 бежали в форт, где были блокированы; турецкая кавалерия отступила и стала на позицию в полулье от Аль-Ариша, оседлав дорогу на Газу; ее прикрывал большой овраг. Ренье потерял 250 человек убитыми или пленными, что вызвало ропот в армии, которая винила в этом его; эти упреки были несправедливы; генерал сделал то, чего требовали и осторожность, и обстоятельства.

11-го вечером на выручку гарнизону Аль-Ариша прибыл из Газы Абдаллах с 8000 человек. Он стал за своей конницей, на правом берегу оврага Эгиптус. Положение Ренье становилось очень критическим, но дивизия Клебера, которая погрузилась на суда, стоявшие в Дамиетте на озере Манзала, высадилась у форта Тина, близ развалин Пелузия, в двух лье от Катии. 6 февраля она поспешно продолжала свой марш на Аль-Ариш, куда прибыла 12-го утром.

Генерал Клебер приступил к блокаде форта. 12-го утром генерал Ренье сосредоточил свою дивизию в пальмовом лесу, с левой стороны оврага, напротив дивизии Абдаллаха; 13-го и 14-го он занимался рекогносцировкой местности, разработкой диспозиции, инструктированием офицеров, которым предстояло командовать его колоннами, а в ночь с 14-го на 15-е осуществил одну из самых прекрасных операций, какие только возможны на войне. В 11 часов вечера он выступил из своего лагеря, двинулся направо и на протяжении одного лье следовал вдоль оврага Эгиптус; затем перешел его, построил войска в боевой порядок, примкнув левым флангом к оврагу и расположив правый со стороны Сирии; таким образом, он занял позицию, перпендикулярную к левому флангу армии противника; в самом глубоком молчании дивизия разбилась на полковые колонны; таких колонн было, следовательно, три, причем они находились на дистанции развертывания друг от друга, а артиллерия была поставлена в промежутки; в 200 шагах от каждой колонны он

сосредоточил гренадеров, которым придал по 50 всадников, что довело численность каждого отряда до 200 человек. После этого он в том же порядке двинулся на врага; как только были встречены первые часовые, он остановился и уточнил свое местоположение. Три отряда гренадеров по трем разным направлениям ринулись во вражеский лагерь; каждый из них имел с собой несколько потайных фонарей; каждый солдат перевязал рукав белым платком; к тому же разница в языке облегчала опознание врага. В один миг смятение охватило лагерь Абдаллаха. Ренье с центральной колонной достиг палатки паши, который едва успел спастись пешком; несколько киашифов Ибрагим-бея были захвачены в плен; противник оставил на поле сражения 400-500 убитых, 900 пленных, всех своих верблюдов, большую часть лошадей, все свои палатки и обоз. Абдаллах бежал, объятый ужасом, и собрал свою дивизию только в Хан-Юнусе. У Ренье было убито только три человека и ранено пятнадцать-двадцать; 17-го он стал лагерем на позиции, которую занимал ранее противник, прикрывая осаду Аль-Ариша. Этот бой во всех отношениях делает честь хладнокровию и мудрым распоряжениям генерала.

В первых числах февраля перед Александрией появились два английских линейных корабля и около пятнадцати других судов. Они бомбардировали город, но береговые батареи вели огонь с такой меткостью, что канониры вскоре были выведены из строя. Стало очевидным, что целью противника является приостановить движение армии на Сирию, угрожая Александрии. Родосская армия была еще не готова.

Главнокомандующий отбыл из Каира с дивизиями Бона и Ланна. 9 февраля он стал лагерем в Аль-Ханке, а 10-го – в Бельбейсе. Он отправился в лагерь Бирка, где находилась делегация дивана; это был совершенно восточный лагерь. Каждый из пятнадцати шейхов имел по три палатки, убранство которых характеризовалось азиатской роскошью. Он позавтракал с ними, осмотрел их лагерь и к вечеру вернулся в свою главную квартиру в Бельбейсе. 11 февраля он расположился на ночлег под пальмами Кораима; едва только успели разбить палатки, как прибыл на дромадере курьер с депешами от генерала Ренье, написанными утром 9 февраля у колодца Масудия. Он сообщал, что полученные им данные заставляют его думать, что вся армия Джеззара находится на марше и что большой отряд ее прибыл в Аль-Ариш; что положение его посреди этой огромной пустыни станет весьма трудным. Это побудило главнокомандующего немедленно продолжать свой путь. Он сел на дромадера и после марша, продолжавшегося всю ночь, прибыл к Аль-Аришу 15

февраля на рассвете, когда заканчивался ночной бой; он направился в лагерь Абдаллаха и выразил войскам свое удовлетворение по поводу их ночных подвигов. Главная квартира, резервные парки, дивизии Бона и Ланна заночевали 12-го в Салихии, 13-го – в Аль-Арасе, 14-го – в Катии, 15-го – в Бир-аль-Абде, 16-го – в Бирка-Айше, 17-го – в Масудии, а 18 и 19 и 20 февраля – в Аль-Арише.

Поражение Абдаллаха, видимо, не оказало влияния на гарнизон форта, который был явно полон решимости оказать самое упорное сопротивление. Генерал Каффарелли соорудил две батареи: одну из восьми 8-фунтовых пушек и четырех гаубиц, в 150 туазах от форта, для ведения настильного огня, другую для пробития бреши. Последнюю он расположил в 10 туазах от форта, воспользовавшись стоявшим там каменным складом; эта батарея состояла из четырех 12-фунтовых пушек. 18-го первая батарея повела обстрел форта и подавила его артиллерию, приведя ее к молчанию. 12-фунтовые пушки находились в резервном парке, они могли прибыть самое раннее – 20-го. Генерал Доммартен приказал удвоить упряжки: два из этих орудий были доставлены 19-го утром, он тут же усилил ими батарею; за 5 или 6 часов в стене форта была пробита брешь. Генерал Бертье предложил гарнизону сдаться; гарнизон этот не возглавлялся каким-либо авторитетным лицом; им командовали четыре начальника. Они направили двоих из своей среды, чтобы дать ответ на предложение о сдаче; они имели приказ защищать форт до конца и были исполнены решимости повиноваться ему; они не хотели ничего слушать. Наконец они, со своей стороны, предъявили ультиматум о заключении двухнедельного перемирия с тем, что по истечении этого срока они сдадут форт, если им не придут на помощь. Эти начальники выражались решительно и выказали готовность пойти на риск штурма. Французы находились настолько близко к форту, что были слышны речи имамов к солдатам и молитвы, которые они читали. Все эти люди были фанатизированы. Штурм, успех которого был вероятен, мог бы обойтись в 400-500 человек, а наше положение не позволяло идти на такую жертву. В то же время нельзя было терять ни минуты. Абдаллах собрал свои силы в Хан-Юнусе и каждый день получал подкрепления. Поведение гарнизона достаточно ясно показывало, что он рассчитывал на подмогу. Запас воды в колодцах Аль-Ариша истощался, необходимо было кончать с этим делом.

Генерал Доммартен сосредоточил в одном месте дивизионные гаубицы; 20 февраля утром он провел бомбардировку форта. Канониры забросили туда 800-900 снарядов с такой меткостью, что они сеяли ужас и смерть

гарнизона. Каждый снаряд убивал или ранил кого-либо, ибо все они разрывались в маленьком форту, где люди были прижаты один к другому. Гарнизон тогда переменил тон и дал сигнал сдачи; после тщетных споров четыре начальника подписали предложенный им акт о капитуляции. Гарнизон сложил оружие на гласисе [126] , выдал лошадей, поклялся отправиться в Багдад через пустыню, не поднимать оружие против Франции на протяжении этой войны и не возвращаться в течение года ни в Египет, ни в Сирию; на протяжении первых шести лье пути на Багдад его сопровождал эскорт. В бою за деревню Аль-Ариш и при артиллерийском налете на форт 700 человек из его состава были убиты, ранены или взяты в плен; 300 из этих магрибинцев просили о зачислении их на военную службу. В форту имелись 250 лошадей, сотня верблюдов, три пушки. Пленные, знамена, пушки были отправлены делегации дивана в Салихию, а оттуда – в Каир; они фигурировали при триумфальном въезде через ворота Побед [127] . Инженерные войска заделали брешь, снова привели форт в хорошее состояние, построили четыре люнета, что увеличило вместимость форта и позволило простреливать лощины, находившиеся совсем близко.

IV

Генерал Клебер, командовавший авангардом, выступил 22 февраля до рассвета; ему нужно было заночевать у колодца Зави, чтобы на следующий день прибыть в Хан-Юнус; он имел приказ при наличии возможности поставить аванпост в Хан-Юнусе; от Аль-Ариша до Хан-Юнуса – 14 лье. Главнокомандующий выступил 23-го в час пополудни со ста дромадерами и 200 солдатами конной охраны. Он ехал рысью, чтобы догнать авангард; прибыв к могиле святого Каруба, он обнаружил большое число рвов, где арабы закапывают рожь и овощи; ни один не был разрыт. Прибыв к колодцу Зави, он не нашел следов авангарда. Погода стояла прохладная, а в пустыне часто случалось, что солдаты предпочитали удвоить переход, лишь бы добраться до лучшей местности. Когда отряд достиг колодца Рафия, солнце уже заходило; там он также не обнаружил следов дивизии; наконец он достиг высоты напротив Хан-Юнуса. Деревня лежит в лощине; было еще не совсем темно, он заметил большое число палаток; лагерь был слишком велик, чтобы быть лагерем генерала Клебера. Вскоре после этого подразделение охраны дало несколько выстрелов из карабинов по боевому охранению противника; один из егерей прискакал галопом и доложил, что стрелял из карабина по мамлюкам Ибрагим-бея и видел весьма значительный лагерь, где пехота становилась в ружье, а кавалеристы садились на коней. Легко представить себе

удивление штаба. Что же стало с авангардом? Лошади были очень утомлены; за девять часов они сделали 12 лье; предстояло преследование многочисленной кавалерии на свежих лошадях, нужно было поспешно начать отход; колодцы Рафия находились слишком близко, и к 11 часам вечера отряд прибыл к колодцу Зави. Патрули, направленные вдоль берега моря через пустыню, не доставили никаких новостей.

В 3 часа ночи патруль из двенадцати всадников на дромадерах, возвращавшийся из Гайяна, привел араба, найденного в маленькой хижине: он сторожил стадо верблюдов. Тот сказал, что в трех лье от Аль-Ариша французы покинули Сирийскую дорогу и пошли напрямик в направлении Гайяна, то есть на Карак. Главнокомандующий немедленно отправился в путь, взяв этого араба в качестве проводника. На рассвете он встретил трех или четырех драгунов авангарда, которые сообщили ему самые плачевные вести. Клебер сбился с пути и в течение 15 часов марша не замечал своей ошибки; но в 5 часов пополудни несколько солдат, удивленных тем, что не видят могилы святого, у которой, по словам жителей Аль-Ариша, они должны были найти рвы с овощами, сообщили о своих сомнениях офицерам, а последние довели о них до сведения генерала. Предупрежденный таким образом, Клебер уточнил свое местоположение и понял, что сбился с пути. За авангардом следовало только несколько верблюдов с водой; сварив суп, авангард, как только взошла луна, снова отправился в путь, чтобы вернуться по своим следам к колодцу Зави; он знал, что главнокомандующий должен был следить за ним, и сильно тревожился, пока в 10 часов главнокомандующий не появился. Как только солдаты узнали его серый походный сюртук, они приветствовали его несмолкаемыми криками радости. Уныние было настолько сильным, что несколько человек сломали свои ружья. Наполеон велел дать сигнал сбора и, когда дивизия собралась, сказал, «что не бунтом могут они помочь своим бедам; что в случае крайности лучше зарыться головой в песок и умереть с честью, нежели устраивать беспорядки и нарушать дисциплину». Он сообщил им, что они находятся недалеко от колодца Зави, что навстречу им идут верблюды с водой; в полдень дивизия Клебера прибыла к колодцу Зави – одновременно с прибытием туда из Аль-Ариша остальной части армии и верблюдов резерва. Не хватало только пяти человек, умерших от жажды или заблудившихся. Ланн принял командование авангардом и в тот же вечер заночевал в Хан-Юнусе. Пленные показали, что за два дня до этого при виде охраны главнокомандующего Абдаллах сел на коня и со всей

своей кавалерией продвинулся до Рафии. Но поскольку ночь стала очень темной, он прекратил преследование из опасения попасть в какую-нибудь засаду. Великая пустыня была пройдена. В Хан-Юнусе имелись большие сады; вода в колодцах была хорошая и в количестве, достаточном для того, чтобы не только удовлетворить текущие нужды, но и наполнить бурдюки; от этой деревни до Газы больше нет колодцев.

Армия перешла границу Африки и находилась в Азии. Хан-Юнус – первая деревня Сирии. Предстоял переход через Святую землю [128] . Солдаты увлекались всякого рода предположениями. Для всех был праздником поход на Иерусалим; этот знаменитый Сион возбуждал воображение каждого и вызывал различные чувства. Христиане показали им в пустыне колодезь, где Богоматерь, идя из Сирии, отдыхала с Младенцем Иисусом. При генералах состояло в качестве толмачей, интендантов или секретарей большое количество сирийских католиков, которые немного говорили на «лингафранка» – итальянском жаргоне; они разъясняли солдатам все традиции их легенд, изобилующих суевериями.

День 24 февраля армия провела в Хан-Юнусе; 25-го она выступила до рассвета; в трех лье оттуда она встретила авангард Абдаллаха и захватила несколько пленных. Этот полководец прикрывал город Газу; он получил подкрепление. Под его командой находилось 12000 человек, в том числе 6000 конницы. Он каждую минуту ждал подхода армии иерусалимского аги, а также 14 пушек из яффского полевого парка; следовательно, численность его армии должна была достигнуть тысяч двадцати. Его пехота была недисциплинированной; ее нужно было как-то принимать во внимание только до тех пор, пока она останется за стенами Газы. Кавалерия состояла из трех категорий воинов: мамлюков Ибрагим-бея – это были отборные войска; но этот бей, пришедший в Сирию с тысячью человек, имел теперь только 500-600 всадников; арнаутов [129] Джеззар-паши насчитывалось 3000 человек (на конях); дели из Дамаска [130] было две тысячи. Количество арабов в лагере, в соответствии с их обычаем, то уменьшалось, то возрастало; пленные считали, что их там всегда было не менее тысячи. В 3 часа пополудни обе армии увидели друг друга. Правый фланг армии Абдаллаха был примкнут к большому холму, именуемому Хеврон, куда Самсон принес ворота Газы. Этот холм расположен напротив Газы, от которой отделен долиною шириной в 700-800 туазов. Вся его конница находилась у него на левом фланге. Он занимал не город Газу, а только тамошний форт, где имелись тяжелые орудия. Наполеон поручил командование левым флангом Клеберу, а центром –

генералу Бону. Вся конница под командованием Мюрата находилась на правом фланге; и, поскольку она сильно уступала вражеской в численности, он поддержал ее тремя пехотными каре генерала Ланна. Гусары доставили несколько пленных, которые сообщили, что иерусалимский ага еще не прибыл, а артиллерия парка в Яффе еще не выступала из этой крепости из-за отсутствия упряжек. Абдаллах располагал, следовательно, лишь 10000-12000 человек всего при двух орудиях; его не следовало страшиться. Генерал Клебер ринулся в долину между Газой и правым флангом противника и оказался в тылу врага. Конница, поддержанная каре генерала Ланна, обогнула левый фланг, в то время как генерал Бон с центром двинулся на противника с фронта. Как только эти маневры были замечены турками, последние отошли, оставив все свои позиции. Только мамлюки Ибрагим-бея вели себя мужественно; они опрокинули три головных эскадрона генерала Мюрата; но, атакованные во фланг, они были вынуждены отступить. Чорбаджии, хотя и были несколько лучше арабов, далеко уступали мамлюкам и даже при тройном превосходстве в численности не могли помериться силами с драгунами. Последние преследовали противника по пятам на протяжении двух лье. Но турки очень подвижны; у них совершенно не было обоза и имелись только два артиллерийских орудия, которые они бросили. Мамлюки Ибрагим-бея прикрывали отход; Абдаллах потерял 200-300 человек. Потери французской армии составили человек шестьдесят убитыми, ранеными или пленными.

Шейхи и улемы Газы вручили ключи своего города. Прокламации дивана мечети Аль-Азхар, следовавшего за армией, примирили с нами жителей; они не изменили своего настроения за все время войны. В тот же вечер форт был окружен, и под влиянием жителей ага, состоявший в нем комендантом, сдал его на рассвете. Там находилась артиллерия, склады и запас бурдюков турецкой армии. Газа расположена в полулье от моря; высадка десанта у этого города чрезвычайно затруднительна; там нет ни порта, ни причалов. Город стоит на красивом плато, имеющем два лье в окружности. Когда-то этот город был крепостью. Александр осаждал его, столкнулся с трудностями и был тяжело ранен. Ныне, однако, это только совокупность трех жалких поселков, население которых составляет 3000-4000 душ. Равнина Газы красива, обильна, покрыта рощами оливковых деревьев, орошается множеством ручьев; на ней находится большое число красивых деревень.

Армия встала лагерем в плодовых садах вокруг города; она заняла высоты сильными отрядами. Среди ночи она была разбужена явлением природы, от которого отвыкла. Загремел

гром, в воздухе засверкали молнии, с неба низвергались потоки дождя. Солдаты стали испускать радостные крики; вот уже почти год, как они не видели и капли дождя; это климат Франции, – говорили они. Но когда миновал первый час дождя, ливень, от которого негде было укрыться, надоел им; вскоре долина оказалась затопленной; главнокомандующий приказал перенести свои палатки на высоту Хеврон. Армия почувствовала, в какой плодородной местности она находится. В течение четырех дней она отдыхала после утомительного перехода через пустыню; она в изобилии получила продовольствие отличного качества. Земля была жирной, размытой, небо было покрыто тучами. Через несколько дней от этого стала страдать солдатская обувь.

Бертье воспользовался периодом отдыха, чтобы направить прокламации в Иерусалим, в Назарет и в Ливан. Это были прокламации султана Кебира, обращенные к туркам; это были обращения улемов мечети Аль-Азхар к правоверным мусульманам, а также письма к христианам. Эти прокламации были составлены на арабском языке; главная квартира имела свою типографию. Иерусалим лежал вправо от пути, по которому следовала армия, там рассчитывали завербовать значительное количество христиан и найти важные для армии ресурсы; но ага принял меры к обороне этого города. Вся армия была охвачена праздничным настроением в связи с предстоящим вступлением в этот столь знаменитый Иерусалим; несколько старых солдат, воспитанных в семинариях, распевали духовные гимны и «Плач Иеремии», которые можно слышать на Святой неделе в церквах Европы.

V

Выступив из Газы, армия взяла влево и пошла по равнине шириной в 6 лье. Слева от нее находились дюны, окаймляющие берег моря, а справа – первые отроги гор Палестины, высота которых возрастает на протяжении четырех-пяти лье, а затем постепенно понижается до самого Иордана. 1 марта, сделав переход в семь лье, армия стала лагерем в Эсдуде; она перешла вброд через поток, текущий из Иерусалима и впадающий в море у Аскалона. Этот последний город знаменит осадами и сражениями, происходившими во время крестовых походов. В настоящее время он лежит в развалинах, а порт обмелел. Наполеон потратил три часа на осмотр поля Аскалонского сражения, в котором Годфруа разбил армию султана Египта и мавров Эфиопии. Это сражение принесло христианству столетнее обладание Иерусалимом. Тассо воспел его в прекрасных стихах о гробе Господнем. Эсдуда страшились из-за тамошних скорпионов. Когда армия становилась лагерем на развалинах этих древних

городов… [131] в палатке главнокомандующего всякий вечер читалось вслух Священное Писание. Точность и правильность описаний была поразительной, после стольких веков и перемен они все еще соответствуют характеру местности. 2 марта, после перехода в 7 лье, армия стала лагерем в Рамле – знаменитом городе, расположенном в семи лье от Иерусалима. Население его – христианское; там находится несколько мужских монастырей. Имеются фабрики мыла; много оливковых деревьев, отличающихся толщиной. Разъезды армии побывали в трех лье от священного города. Армия была охвачена жгучим желанием увидеть поскорей Голгофу, Гроб Господень, плато Соломонова храма; она испытала чувство горечи, получив приказ повернуть направо. Необходимо было, однако, поскорее занять Яффу, многочисленный гарнизон которой был за укреплением ее. Яффа имеет единственный на побережье рейд, начиная от Дамиетты. Овладение им было необходимо для того, чтобы открыть морское сообщение с последним городом и принять суда с рисом и сухарями, а также осадный парк. Идти на Иерусалим, не заняв Яффы, значило бы нарушить все правила предосторожности. В первой половине марта беспрестанно шел дождь, вследствие чего пало много верблюдов, так как эти животные не переносят грязи под ногами и сырого климата. От Рамлы до Яффы – 5 лье.

Армия стала лагерем перед Яффой. Гарнизон укрылся за стенами города и был блокирован. Дивизия Ланна составила левый фланг осадной армии, генерала Бона – правый; Клебер был выделен для наблюдения за противником на реке Нахр, в одном лье от Яффы, на пути к Акре. Ренье, командовавший арьергардом, прибыл в Рамлу только 5-го. Яффа находится в 90 лье от Дамиетты, с которой ведет большую торговлю. Набережные ее довольно красивы. Ее население составляло 7000-8000 душ, в том числе несколько сотен греков. Там имелось несколько монастырей, в том числе один, называвшийся монастырем отцов Святой земли. Он [132] расположен на холме. Там есть два источника, в изобилии дающие прекрасную воду. Со стороны суши он был прикрыт стенами в виде полувосьмиугольника, с башнями на углах. Стены были очень высокими, но без рвов; башни были вооружены артиллерией. Южная сторона была обращена к Газе, средняя – к Иерусалиму, третья – к Сен-Жан-д \'Акру. Сторона, обращенная к морю, которая образует среднюю линию восьмиугольника, немного вогнута. Окрестности представляют собой небольшую долину, покрытую плодовыми и иными садами; местность эта пересеченная, что позволяет приблизиться к крепости на полпистолетного выстрела, не будучи обнаруженным. На расстоянии целого пушечного выстрела

находится холм, господствующий над местностью; это была естественная позиция для армии, но, поскольку этот холм совершенно гол и далеко отстоит от источников воды, в то же время подвергаясь действию палящих лучей солнца, предпочли стать в долине между лагерем и этой позицией, охраняя последнюю с помощью постов. Снабжение обеспечивалось складами Газы и Рамлы. Овощи можно было в изобилии найти на месте. Армия стала лагерем под апельсиновыми деревьями; апельсины были зрелыми, небольшими, белыми, но очень сладкими. Они были очень приятны солдатам.

Вся пехота Абдаллаха, во главе с ним самим, укрылась в Яффе. Там было много артиллерии; в городе находился весь отряд топчи, то есть константинопольских канониров. Инженерные войска и артиллерия употребили весь день 4-го на разведку крепости. В ночь с 4 на 5 марта они заложили траншею и соорудили три батареи. Плацдармы и параллели были не нужны, оказалось достаточным отрыть несколько ходов сообщения. В ночь с 5-го на 6-е артиллерия установила на трех батареях двадцать орудий; две батареи, предназначенные для ведения настильного огня, имели по четыре 8-фунтовые пушки и по две гаубицы; батарея, предназначенная для пробития бреши, состояла из четырех 12-фунтовых пушек и четырех гаубиц. Гарнизон предпринял две вылазки, прикрываясь огнем своей артиллерии и ружейным огнем, который велся через бойницы; но обе они имели лишь преходящий успех и были энергично отбиты. Эти вылазки представляли собой зрелище, не лишенное интереса. В них участвовали солдаты десяти различных национальностей, одетые каждый на свой манер; это были магрибинцы, албанцы, курды, анатолийцы, караманийцы, дамаскинцы, уроженцы Алеппо, чернокожие из Тэку. Среди пленных оказалось три албанца из гарнизона Аль-Ариша, которые сообщили, что весь этот гарнизон прибыл в Яффу, нарушив условия капитуляции и свою клятву.

6-го марта каждая батарея дала залп из двух орудий, после чего генерал Бертье направил к коменданту Яффы парламентера, который сказал ему: «Господь милостив и милосерден. Главнокомандующий Бонапарт поручил мне передать вам, что Джеззар-паша начал военные действия против Египта, захватив форт Аль-Ариш; что Бог, который стоит на страже справедливости, дал победу французской армии, и она взяла обратно этот форт; что именно в результате этой операции главнокомандующий вступил в Палестину, откуда он хочет изгнать войска Джеззар-паши, которому никогда не следовало входить туда; что крепость обложена со всех сторон; что батареи,

предназначенные для ведения настильного огня и снабженные бомбами, а также батарея, предназначенная для пробития бреши, за два часа разрушат все оборонительные сооружения; что главнокомандующий Бонапарт жалеет о тех бедах, которые обрушатся на город в целом, если он будет взят штурмом; что он предлагает свободный выход гарнизону и покровительство городу, а потому откладывает открытие огня до 7 часов вечера». Офицер и трубач были приняты; но четверть часа спустя армия с ужасом увидела их головы насаженными на пики, которые выставили на двух самых больших башнях, а трупы их – сброшенными со стен к подножью осадных батарей. Артиллерия открыла огонь; батарея, предназначенная для пробития бреши, разрушила часть кладки башни, которую обстреливала, брешь была признана пригодной для штурма; командир саперного батальона Лозовский с 25 карабинерами, 15 саперами и пятью рабочими артиллерии подготовил ложемент и расчистил пространство перед брешью. 22-й полк легкой пехоты стоял построенным в колонну за складкой местности, служившей плацдармом. Он ожидал сигнала, чтобы броситься к бреши. Главнокомандующий стоял на насыпи батареи, показывая жестом командиру этого полка полковнику Лежену маневр, который тому предстояло выполнить; в этот момент пуля сбила с него шляпу, прошла в трех дюймах от его головы и поразила насмерть полковника, рост которого равнялся 5 футам 10 дюймам. «Уже второй раз с того времени, как я воюю, рост в пять футов два дюйма спасает мне жизнь», – сказал вечером главнокомандующий. Генерал Ланн встал во главе 22-го полка, за которым последовали другие полки дивизии; он проник в брешь, прошел через башню, направил свои части направо и налево вдоль стены и захватил все башни; вскоре он достиг цитадели, которую занял. Дивизия Бона, имевшая задачу провести ложную атаку на правом фланге, взобралась на валы с помощью лестниц, как только среди осаждающих возникло смятение. Ярость солдат достигла предела, они перебили всех; город был разграблен и пережил все ужасы, достающиеся на долю города, взятого штурмом. Наступила ночь. Около полуночи была обнародована всеобщая амнистия, действие которой, однако, не распространялось на лиц, входивших в состав гарнизона Аль-Ариша. Солдатам было запрещено дурно обращаться с кем бы то ни было; удалось прекратить огонь, у мечетей, где укрылись жители, у некоторых складов и общественных мест были поставлены часовые. Пленных собрали и разместили вне стен города; но грабеж продолжался; только на рассвете порядок был полностью восстановлен. Пленных оказалось 2500, в том числе

800 или 900 из гарнизона Аль-Ариша. Последние, после того как они поклялись не возвращаться в Сирию раньше как через год, сделали три перехода в направлении Багдада, но затем обходным путем прибыли в Яффу. Таким образом, они нарушили свою клятву; их расстреляли. Остальных пленных отправили в Египет с трофеями, знаменами и т.д. Абдаллах спрятался и переоделся в одеяние одного из монахов ордена Святой земли; он вышел из Яффы, добрался до палатки главнокомандующего и пал ниц перед ним. С Абдаллахом обошлись так хорошо, как он мог бы пожелать. Он оказал некоторые услуги и был отправлен в Каир. Семьсот погонщиков верблюдов, слуг и солдат были египтянами, они с полным доверием сослались на шейхов и были спасены. Бросаясь ночью к солдатам, они кричали: «Месри, Месри» [133] , как сказали бы: «Французы, французы». Прибыв в Египет, они стали хвалиться уважением, которое им оказали, как только стало известно, что они – египтяне. 500 воинам гарнизона удалось спастись от ярости солдат, выдав себя за жителей. В дальнейшем они получили пропуска, которые позволили им уйти за Иордан.

На следующий день улемы совершили обряд очищения мечетей, и молебны состоялись как обычно; шум стал стихать. Был захвачен парк полевой артиллерии в составе 40 пушек; это был парк армии, формировавшейся в Сирии; он состоял из 4-фунтовых пушек и 6-дюймовых гаубиц с зарядными ящиками – все они были французского образца. Тридцать пушек, которыми была вооружена крепость, были все бронзовыми, но самых разнообразных калибров. В складах находились сухари в форме параллелепипедов, изготовленные десять лет назад; они были доставлены из Константинополя и годились в пищу. Офицеры армии вооружились множеством ханджаров [134] , а солдаты – большим количеством штуцеров и турецких ружей, являющихся предметами роскоши. Потери, которые понес город от грабежа, исчислялись миллионами, но солдаты распродали все по дешевке; жители выкупили свои вещи за одну десятую их стоимости. Многие военные порядком нажились. Как бывает в подобных случаях, эти деньги пригодились при осаде Акры. Было также найдено много кофе, сахара, табака и всякого рода шалей. Это несколько изменило одеяние солдат; в основе своей оно осталось европейским, но приняло восточный оттенок.

На следующий день после взятия города прибыл на рейд и был захвачен конвой из шестнадцати судов, груженных рисом, мукой, растительным маслом, порохом, патронами, отплывший из Акры два дня назад. Контр-адмирал Гантом сменил на них экипажи и направил в Хайфу. В ходе этого штурма отличились

генерал Андреосси, полковник Дюрок, командир батальона Эмэ.

VI

Марш через пустыню был весьма утомительным, а переход от чрезвычайно сухого климата к сырому и дождливому отразился на здоровье солдат. Госпиталя, открытого в монастыре монахов ордена Святой земли, не хватало. Число больных достигло 700, коридоры, кельи, дортуары, двор были забиты ими. Главный хирург Ларрей не скрывал своих тревог; несколько человек умерло через сутки после поступления в госпиталь; болезнь их прогрессировала с большой быстротой, были обнаружены симптомы чумы. Болезнь начиналась с рвоты; температура поднималась очень высоко, больные страшно бредили; в паху у них появлялись бубоны, и, если сразу же затем последние не прорывались, больной умирал. Монахи ордена Святой земли заперлись и не пожелали больше общаться с больными, санитары дезертировали, госпиталь был до такой степени покинут, что не хватало питания, и офицерам медицинской службы приходилось все делать самим. Тщетно опровергали они тех, кто хотел видеть симптомы чумы в том, что, по их словам, являлось лишь известной злокачественной лихорадкой, именуемой «бубонной». Тщетно показывали они пример, удвоив заботливость и рвение; армию охватил страх. Одной из особенностей чумы является то, что она более опасна для тех, кто ее боится; почти все, кто позволил страху овладеть собой, умерли от нее. Главнокомандующий избавился от монахов ордена Святой земли, послал их в Иерусалим и Назарет; он лично отправился в госпиталь, его присутствие принесло утешение больным; он приказал оперировать нескольких больных в своем присутствии; бубоны проткнули, чтобы облегчить наступление кризиса; он прикоснулся к тем, которые казались наиболее потерявшими присутствие духа, чтобы доказать им, что они страдают обычной, незаразной болезнью. Результатом всех принятых мер явилось сохранение армией уверенности в том, что это не чума; лишь несколько месяцев спустя пришлось все же согласиться с тем, что это была чума. Впрочем, не пренебрегали и обычными мерами предосторожности; было строго приказано сжечь без разбора все захваченное при разграблении города; однако к подобным предосторожностям прибегают в госпиталях всякий раз, как начинаются эпидемии злокачественных лихорадок.

Бертье написал Джеззару: «Со времени моего прибытия в Египет я несколько раз сообщал Вам, что не имел намерения вести с Вами войну; что моей единственной целью было изгнать мамлюков; Вы не ответили ни на одно из предложений, которые я Вам сделал. Я сообщил Вам о своем желании, чтобы Вы удалили

Ибрагим-бея от границ Египта, как можно дальше от… [135] Провинции Газа, Рамла и Яффа находятся в моей власти; я великодушно обошелся с теми частями Ваших войск, которые сдались мне на милость победителя; я был суров с теми, кто нарушил законы войны. Через несколько дней я двинусь на Сен-Жан-д\'Акр, но к чему мне укорачивать на несколько лет жизнь старца, которого я не знаю? Что означают несколько лишних лье по сравнению с протяженностью страны, которую я уже завоевал? И, поскольку Бог дает мне победу, я хочу, по Его примеру, быть милостивым и милосердным не только по отношению к народу, но и по отношению к знати… Станьте снова моим другом, будьте недругом мамлюков и англичан, я сделаю Вам столько же добра, сколько причинил и могу еще причинить зла… 8 марта я двинусь на Сен-Жан-д\'Акр, мне необходимо получить Ваш ответ до наступления этого дня». Джеззар был весьма мало привязан к Порте. Переговоры с иерусалимским агой начались в Газе и продолжались во время похода и осады Яффы. После взятия этого города армия должна была двинуться в путь и через два дня достигнуть Иерусалима; население его было целиком христианским; он мог предоставить больше ресурсов, чем любой другой город Палестины. Но 10 марта главнокомандующий принял делегацию христиан, которые умоляли его спасти их; над ними был занесен нож; турки решили перерезать их, прежде чем оставить город и перейти Иордан; ага, который был ловким человеком, предложил в это же время перемирие; он обязался освободить и охранять христиан, ни в чем не помогать Джеззару, а после взятия Акры подчиниться победителю. Это было выгодно. Это значило не отказаться от посещения Иерусалима, а отложить его на неделю или две!

Контр-адмирал Гантом послал флотилии, стоявшей на якоре в Дамиетте, приказ отправиться в порт Яффа. Она прибыла туда 12 марта. На ней находился осадный парк, необходимый для Акры. Этот адмирал направил также курьеров на дромадерах в Александрию к контр-адмиралу Перрэ с приказом прибыть с тремя фрегатами в Яффу.

Солдаты уже целую неделю находились в бездействии, более длительное пребывание на месте могло отразиться на их здоровье только пагубно. Поэтому было предпочтительнее отвлечь их и занять умы военными операциями, нежели оставить их размышлять над яффскими болезнями и симптомами, которые обнаруживались каждый день. Когда же армия двинулась в поход, болезни прекратились.

VII

На следующий день после взятия Яффы Клебер направился в

лес Мески. Разведывательные отряды, которые он посылал в горы, имели несколько ожесточенных схваток с противником, что и указало на присутствие последнего. В одной из этих стычек генерал Дюма, зашедший слишком далеко, потерял несколько человек и был тяжело ранен. Главная квартира прибыла в Мески 14 марта. Лес Мески – это зачарованный лес Тассо, самый большой в Сирии; он прославлен кровопролитным сражением между Ричардом Львиное Сердце и Саладином. От Яффы до Акры – 24 лье по дороге, идущей вдоль моря; по дороге же, проходящей через равнину, – 26 лье. Шесть ручьев, сбегающих с гор, протекают через середину этой равнины; предпочтительнее пользоваться дорогой, следующей по краю Ездрилонской равнины и огибающей гору Кармель, а не той, которая, следуя вдоль моря, упирается в узкий проход к Хайфе, ибо проход этот трудно форсировать, его обороняют. 15 марта в полдень авангард прибыл к караван-сараю Какун. Он увидел кавалерию Абдаллаха, поддерживаемую четырьмя тысячами набуллусцев и стоявшую в боевом порядке параллельно дороге на Акру. Армия переменила фронт, выдвинув вперед левое крыло. Генерал Клебер командовал левым крылом, генерал Ланн – правым, генерал Бон – резервом. Противник был изгнан со всех позиций, сброшен с высот и преследуем так далеко, как было нужно, чтобы он никак не мог нас тревожить. Конница Джеззара направилась в сторону Акры по Ездрилонской равнине; набуллусцы вернулись в свой город. Вечером армия стала лагерем в Зайте. Войска генерала Ланна понесли в бою довольно значительные потери, у него было 250 раненых. Набуллусцы, то есть древние самаритяне, потеряли тысячу человек убитыми и ранеными, среди которых находилось несколько знатных лиц. Этот суровый урок некоторое время сдерживал их.

16 марта армия стала лагерем в Сабарине, куда прибыла довольно рано; она находилась у подножья горы Кармель и у выхода из Ездрилонской равнины, которую видела вправо от себя. Гора Кармель образует мыс, вдающийся в море в трех лье от Акры; он находится у левой оконечности бухты. Эта гора имеет в длину от 3 до 4 лье; она примыкает к горам Набуллуса, но отделена от них долиной. Гора Кармель со всех сторон крутая и с военной точки зрения является довольно сильной позицией. На вершине этой горы был монастырь и источники воды. Высота горы Кармель достигает 400 туазов; она господствует над всем побережьем и служит ориентиром мореплавателям, держащим курс на это побережье. У подножья ее протекает река Кейсун; устье ее находится в 700-800 туазах от Хайфы – небольшого города, лежащего на берегу моря, у подножья горы Кармель и на

оконечности мыса Хайфа; он имеет население в 2000-3000 душ и небольшой порт; он располагает оградой древнего образца с башнями; над ним господствуют подходящие к нему на очень близкое расстояние отроги горы Кармель.

VIII

Армия стала лагерем на левом берегу Кейсуна. За нею находилась гора Кармель, левее ее (в трех лье) лежала Хайфа, а впереди (в семи лье) находился город Сен-Жан-д\'Акр. Было важно овладеть Хайфой, чтобы иметь возможность принять там флот, вышедший из Яффы. Главнокомандующий вступил туда около 5 часов вечера, преодолев незначительное сопротивление. Джеззар вывез пушки. Остался склад со 150 тысячами порций сухарей, рисом, растительным маслом и т.д. Из Хайфы главнокомандующий увидел рейд Сен-Жан-д\'Акра и заметил стоявшие там два английских 80-пушечных корабля – «Тигр» и «Тезей», которыми командовал командор сэр Сидней Смит; они прибыли на этот рейд из Константинополя два дня назад. Кавалерийский патруль продвинулся в направлении Тантуры, чтобы предупредить флотилию о том, что в этих водах крейсируют английские корабли, а также сообщить о вступлении армии в порт Хайфы. В одном лье за Тантурой флотилия была встречена и предупреждена, восемь судов с продовольствием, вышедшие из Яффы, вошли в порт 19 марта на рассвете, но командиры шестнадцати французских судов, на которых находился осадный парк, заколебались, легли было в дрейф, повернули на другой галс и ушли в море. Английские корабли погнались за ними. Те и другие вскоре скрылись из виду. Ночью перебросили два моста через Кейсун. В полдень армия двинулась на Сен-Жан-д\'Акр, который вскоре стал виден. К ночи она достигла мельницы Шердам. Пехота перешла там через реку. Эта мельница была в хорошем состоянии, во время осады там мололи зерно. За Кейсуном протекает Белус, через который нельзя было перейти вброд. Армия стала на позицию. Полковник Бессьер с 200 солдатами охраны и двумя пушками переправился через реку и, образуя авангард, занял позицию на правом берегу. Саперы всю ночь трудились над сооружением мостов; палатки главнокомандующего были расположены в полулье от берега моря, на левом берегу Белуса. 19 марта на рассвете авангард занял гору Мечети, которая господствует над всей равниной Сен-Жан-д Акра, а также и над городом, со стороны моря; таким образом, он находился перед главным городом Галилеи и на границе Сирийской впадины [136] .

Глава X

I. Война в Галилее; описание Сен-Жан-д\'Акра. – II. Народы Галилеи покоряются французам. – III. Двенадцать тартан с осадной артиллерией захватываются или рассеиваются; дела в Хайфе. – IV. Рекогносцировка Сен-Жан-д \'Акра. – V. Первый период осады Сен-Жан-д\'Акра. – VI. Сражение у горы Табор (16 апреля). – VII. Крейсерство контр-адмирала Перрэ. – VIII. Второй период осады Сен-Жан-д \'Акра. – IX. Снятие осады Сен-Жан-д\'Акра. – X. Марш по Сирии и пустыне. – XI. Вступление армии в Каир (14 июня).

I

Сен-Жан-д\'Акр лежит в 30 лье к северо-северо-западу от Иерусалима, в 36 лье к юго-западу от Дамаска и в 10 лье к югу от развалин Тира. Он расположен в северной части бухты Хайфа, в трех лье от этого городка по морю и в четырех – по суше. Он окружен долиной в 8 лье длиной, которая начинается у мыса Белого и горы Сарон и заканчивается у горы Кармель. Ширина этой долины – от берега моря на западе до первых отрогов гор Галилеи на востоке – составляет 2 лье. Эти горы постепенно повышаются на протяжении 6 лье, вплоть до главного хребта, от которого опускаются к Иордану. От Акры до этой реки – 12-15 лье. Долину Акры пересекают шесть речек; главными из них являются: на севере.. [137] которая протекает у подножья горы Сарон, она приводила в действие три мельницы; Белус, который впадает в море, в 1200 туазах южнее; Кейсун, спускающийся с горы Табор и вливающийся в море в 800 туазах к северу от Хайфы; склон горы Турон имеет длину в 3000 туазов, находится в 1200 туазах от города (к северо-востоку) и на таком же расстоянии от моря, в 4000 туазах от первых отрогов горной цепи; он опускается в сторону моря и этой цепи. Слева этот склон переходит в высокий холм, господствующий над городом, морем и всей равниной – его зовут горой Мечети; у подножья этой горы, с южной стороны, находится устье Белуса.

Армия стала лагерем на склоне горы Турон. Она занимала гипотенузу треугольника, в котором город являлся противоположным углом, а море – двумя другими сторонами. Дивизия Ренье составляла левый фланг, Клебера – правый, Ланна и Бона – центр; между ними, напротив большого склада, расположилась главная квартира, имея позади акведук. Интендант Дор устроил в этом складе полевую пекарню. На берегу Белуса, у подножья горы Мечети, стоял большой квадратный дом, в котором он открыл большой перевязочный

пункт; госпитали же были созданы в Шафа-Арме, Хайфе, Рамле и Яффе. Все обратные склоны горы Галилеи покрыты оливковыми деревьями, дубами и другими деревьями; артиллеристы, минеры, войска и полевая пекарня снабжались оттуда. На правом берегу Белуса – вверх по течению его, в 400 туазах от горы Мечети, – находится первая слева гора Галилеи, имеющая вид сахарной головы; более высокая, чем гора Мечети, она господствует как над правым, так и над левым берегом Белуса, ее зовут горой Пророка. С восточной стороны она прикрывала левый фланг обширного лагеря площадью в 10 квадратных лье, а с южной – Белус, между горами Мечети и Пророка. Все горные дороги были преграждены рвами и засеками; на Белусе соорудили три моста с флешами. Никто из тех, кто не имел отношения к армии, не мог проникнуть в этот большой лагерь, где находились прекрасные пастбища, ржаные поля, плодовые и другие сады, леса, водные источники, мельницы и все необходимое для осады. Различные выходы находились под контролем боевого охранения кавалерии и пехотных патрулей.

Во время осады Акры христианами (1191 г.), продолжавшейся три года, лагерь крестоносцев также находился на склонах Турона, но левый фланг тянулся до горы Мечети и левого берега Белуса включительно. В то время армии не имели пушек и лагеря можно было расположить ближе к городам. Крестоносцы соорудили две линии ретраншементов – первая непосредственно у подножья Турона, вторая опиралась справа на высоту Пророка, а слева – на Турон; в случае форсирования второй линии ретраншементов, что случалось часто, осаждающие укрывались за первой. Саладин со своей деблокадной армией стоял лагерем перед Шафа-Армой, на высотах Каокоба, в двух лье к юго-востоку от горы Пророка, прикрывая дороги на Иерусалим, Дамаск и Ездрилонскую равнину.

Наполеон не хотел позволить вражеским патрулям проникать за Иордан, а потому сформировал четыре отряда для наблюдения за берегами этой реки; первый, под командованием полковника Ламбера, наблюдал за Кармелем, Ездрилонской равниной, взморьем и дорогами на Набуллус; он держал гарнизоны в Хайфе и Шафа-Арме; второй, под командованием генерала Жюно, занимал форт Назарет, наблюдая за Иорданом ниже Тивериадского озера; третий, под командованием генерала Мюрата, занимал цитадель Сафада, наблюдая за Иорданом выше Тивериадского озера и моста Якова; четвертый, под командованием генерал Виаля, наблюдал за выходами с горы Сарон и выставлял посты в направлении Тира. Эти четыре наблюдательных отряда ослабили армию на 2000 человек, но

форты, которые служили им опорными пунктами, требовали лишь небольших гарнизонов. Колонны всегда находились в движении от лагеря к границам и от границ к лагерю, что придавало им видимость многочисленности. Армии снабжались: 1) со складов Хайфы, которые в свою очередь снабжались по суше и по морю со складов в Яффе; 2) со складов в Шафа-Арме, в которых запасы пополнялись за счет местных ресурсов; 3) со складов в Сафаде, о пополнении которых заботился шейх Дахэр. Со времени сражения у горы Табор армия существовала за счет складов, созданных противником в Тиверии, на берегу Тивериадского озера. Фураж имелся в изобилии в долине Акры; в случае надобности можно было заготовить и на Ездрилонской равнине.

II

Шейх Дахэр первым поспешил явиться в лагерь и предложить свои услуги. 19 марта, в 8 часов утра, армия перешла Белус и стала лагерем на склоне Турона. Между дивизией Ренье, имевшей приказ обложить город, и гарнизоном, который, засев в развалинах впереди города, не желал укрыться за стенами, происходила оживленная артиллерийская и ружейная перестрелка; в это время со стороны горы Пророка показалась группа в 300-400 всадников; это был шейх Дахэр, который в течение двух дней дожидался в Шафа-Арме подхода армии к Акре. В 10 часов утра он был представлен на высоте Мечети Наполеону, который пожаловал его ментиком в знак введения его в должность губернатора провинции Сафад. В то время как тот приносил присягу, ядро попало в лошадь, стоявшую в десяти шагах за ним. Этот князь оставался в лагере два дня; он получил обещание, что ему вернут наследство его отца. Несколько недель спустя он подписал конвенцию, в коей обязался выставить 5000 конных и пеших воинов, которые последуют за армией в походе за Иордан, охранять Акру и побережье от горы Белой до Цезареи, и платить дань в размере половины своих доходов с области, которую ему предоставят. Этот шейх сохранил верность; он систематически вел переписку с Дамаском и в точности доносил о том, что там делалось; он примирил с нами бедуинов, которые не стали тревожить Сирийскую армию; он снабжал лагерь всем, что производила страна.

Несколько дней спустя явилась масса метуали [138] – мужчин, женщин, стариков, детей – в количестве 900 человек; из них только 260 были вооружены, причем половина имела коней, а вторая половина – не имела. Главнокомандующий пожаловал ментики трем вождям и возвратил им владения их предков. В прежнее время численность этих метуали достигала 10 000;

Джеззар погубил почти всех; это были мусульмане-алиды [139] , очень хорошие люди. Генерал Виаль перешел через гору Сарон и вступил в Сур – древний Тир; это была область алидов. Они взялись разведать побережье до подножья гор; они стали готовиться к военным действиям и обещали к маю выставить 500 хорошо вооруженных всадников для похода на Дамаск.

Монахи ордена Святой земли привели население Назарета – мужчин и женщин в числе нескольких тысяч; христианское население Шафа-Арма, Сафада и др. массами являлось в лагерь. Радость этих христиан невозможно выразить; после стольких веков угнетения они видели единоверцев! Им доставляло удовольствие вести разговор о Библии, которую они знали лучше, чем французские солдаты; они читали прокламации главнокомандующего, в которых он называл себя другом мусульман, и приветствовали эту линию поведения; это нисколько не отразилось на их доверии к нему. Наполеон пожаловал ментики трем из их вождей, которым было больше 90 лет; один из них имел 101 год от роду и представил ему свое потомство до четвертого поколения. Главнокомандующий пригласил его отобедать с ним. Этот старец не мог произнести и трех слов, не сопроводив их цитатой из Священного Писания. Верность этих христиан осталась непоколебимой в период как удач, так и неудач армии; они были ей полезны на всем протяжении осады; большое количество их всегда находилось в лагере. Базар отличался многолюдством и изобилием; они доставляли муку разных сортов, рис, овощи, молоко, сыр, живой скот, фрукты, фиги, сушеный виноград, вино; они заботились о больных так, как могли бы заботиться сами французы.

Мусульмане пашалыка [140] Акры разделяли радости и надежды христиан; они направили в лагерь делегацию; они горько жаловались на свирепость паши; на каждом шагу встречались люди, изуродованные по приказанию этого тирана; множество безносых являло отвратительное зрелище.

Климат Сирии имеет большее сходство с климатом Европы, нежели с климатом Египта. Жители там более любезны, более сердечны; даже мусульмане менее фанатичны. Солдатам там больше нравилось. Во все времена Египет был страной жрецов и богов. В Сирии было довольно много евреев; их волновали смутные надежды; среди них ходил слух, что Наполеон после взятия Акры отправится в Иерусалим и что он хочет восстановить храм Соломона. Эта идея льстила им. В Дамаск, Алеппо и даже в Армению были посланы агенты – христиане, евреи, мусульмане; они донесли, что присутствие в Сирии французской армии возбуждает все умы. Главнокомандующий принял тайных агентов

и получил чрезвычайно важные сообщения из нескольких провинций Малой Азии; он отправил доверенных лиц в Персию. С этого времени и начались его сношения с Тегеранским двором.

III

22 марта с горы Мечети были замечены два английских военных корабля; час спустя появились шесть небольших парусников, которые, как определил адмирал Гантом, являлись тартанами Дамиеттской флотилии, на которые были погружены осадные орудия. Впоследствии стало известно, что два английских военных корабля преследовали их в течение 36 часов; шесть же остальных, пойдя по ложному маршруту, прибыли к берегам Франции. Среди этих последних находилось судно командира отряда капитана 2-го ранга Юделэ. Сама по себе эта потеря не имела большого значения, но последствия ее были весьма печальными. Если бы эти суда вошли в Хайфу 19 марта, как они могли и должны были сделать, Акра была бы взята до 1 апреля, Дамаск – до 15-го, Алеппо – до 1 мая; после шести месяцев пользования всеми ресурсами Сирии армия оказалась бы в состоянии предпринять осенью что угодно. Мнения относительно причин дурного поведения капитана Юделэ, командовавшего этим драгоценным конвоем, разделились; одни приписывали его невежеству и малодушию; другие – желанию вернуться во Францию. Два английских линейных корабля располагали близ Хайфы очень плохой стоянкой; «Тезей», якорные канаты которого оказались перерезанными коралловыми рифами [141] , был отнесен в море и в течение четверти часа терпел бедствие; это побуждало сэра Сиднея Смита к захвату Хайфы – единственной сто́ящей стоянки в заливе. Он опасался еще нескольких месяцев плохой погоды. 26 марта на рассвете он посадил на баркасы 400 человек. Командир эскадрона Ламбер, командовавший наблюдательным отрядом в этой крепости… [142] Он дал англичанам спокойно высадиться, построиться, вступить в город; но, когда он увидел, что англичане входят в дома, он встретил их картечью из трех полевых орудий, а также ружейным огнем ста стрелков, засевших в двух домах с бойницами; в то же время два отряда в составе 30 драгун каждый ударили им во фланг и в тыл. Англичане, атакованные со всех сторон, рассеялись; 150 из них были убиты, взяты в плен или ранены. Баркас «Тигр», вооруженный тяжелой 32-фунтовой каронадой, попал в руки победителей. Снаряды и картечь сопутствовали уходившим в море баркасам, не без того, чтобы перебить и поранить на них много народу. 1 апреля до рассвета турецкий фрегат, прибывший из Константинополя, бросил якорь на обычной стоянке, на расстоянии ружейного выстрела от

Хайфы. Ламбер немедленно приказал вывесить знамя Оттоманской [143] империи. Когда рассвело, капитан сошел на землю, прибыв на большом баркасе, и был взят в плен с тридцатью гребцами и своим баркасом, вооруженным тяжелой 24-фунтовой каронадой. Эти два орудия пригодились при осаде; их включили в батарею, предназначенную для пробития бреши, где они хорошо послужили.

IV

Генерал Ренье обложил крепость. С этой целью он сражался целый день и к вечеру поставил часовых на расстоянии пистолетного выстрела от стен. Генералы Каффарелли и Доммартен, полковники Сансон и Сонжис использовали ночь с 19-го на 20-е марта и день 20-го для рекогносцировки крепости; в 2 часа утра полковник Сансон провел рекогносцировку рва, причем не обнаружил контрэскарпа; эта рекогносцировка была опасной, и в ходе ее он был тяжело ранен; офицеры инженерных войск и артиллерии льстили себя надеждой, что вступят в Акру так же легко, как в Яффу; полевые 12-фунтовые орудия показались им достаточными, чтобы проделать брешь в стене.

Пространство, занимаемое городом Акра, представляет собой трапецию, две стороны которой омываются морем, а две другие образованы стенами. Восточная сторона имеет протяжение в 300 туазов, ее прикрывали шесть небольших башен. Северная имеет протяжение в 500 туазов, ее прикрывали семь небольших башен, а также дворец паши, являвшийся своего рода цитаделью. Эти две стороны встречаются, образуя прямой угол. В этом углу находится большая и старая башня, которая господствует над городом и всеми стенами. Над нею, в свою очередь, господствует высота Мечети, удаленная от нее на 500 туазов. Старый порт совершенно обмелел; островок, на котором стоял маяк, прикрывал ограду с востока. На расстоянии до 300 туазов от стен местность была усеяна развалинами древнего города и фортификационных сооружений; это были подземелья, башни, кладка стен. С северной стороны, близ большой башни, в город входил акведук. Этот акведук имел протяжение 6000 туазов, пересекал равнину и доставлял в цистерны города воду от подножья гор. Акра была необитаема в течение многих лет; она была восстановлена Дахэром, украшена и расширена Джеззаром, который построил там красивую мечеть и базар.

Генерал инженерных войск Каффарелли предложил атаковать восточный фас: во-первых, потому что над ним господствует, хотя и несколько издалека, гора Мечети; во-вторых, потому что другой фас – северный – находится под обстрелом орудий, стоявших во дворце паши; в-третьих, потому что к нему легче подойти. Если

пробить брешь в куртине, то придется либо окопаться между двумя башнями, что сопряжено с большими трудностями и потерями, либо войти в крепость, не окапываясь, что рискованно. Если проделать брешь в башне, то, коль скоро армия овладеет ею, у нее будет обеспеченный выход в город. Он предложил пробить брешь в большой башне: 1) как в наиболее удаленной от моря; 2) как самой большой и высокой, господствующей над всей крепостной оградой и всем городом; 3) как расположенной наиболее близко к акведуку, который должен был послужить плацдармом и параллелью. Верно, говорил он, что проделать брешь в кладке этого древнего сооружения будет более трудно, но 12-фунтовых пушек достаточно, чтобы пробить ее; со взятием же этой башни крепость падет сама собой; задача состоит не в том, чтобы взять Акру, а в том, чтобы взять ее, не потеряв при этом армии; потери очень быстро достигнут 7000-8000 человек, если пойти на риск боев с турками на улицах и в домах.

Осада Сен-Жан-д\'Акра продолжалась 62 дня, с 19 марта по 21 мая; она делится на два периода: первый с 19 марта по 25 апреля (36 дней); второй – с 25 апреля по 21 мая (26 дней); всего – 62 дня. В первый период осаждающие взорвали две мины, дважды устраивали ложементы, предприняли один штурм; осажденные сделали десять вылазок – все эти вылазки оказались гибельными для них. Во второй период осаждающие взорвали три мины, устроили семь ложементов, предприняли два больших штурма, проникли в крепость и остались там. Осажденные, используя линии контратаки, сделали двенадцать вылазок, потеряли много людей, но все время получали подкрепления, которые не только восполнили убыль, но даже увеличили их силы. Однако французский главнокомандующий все же взял бы город, несмотря на прибытие дивизии с Родоса, если бы не опустошения, производимые чумой, и не известия из Европы. Против республики составилась вторая коалиция, война возобновилась, и французская армия вступила в Неаполь, что рассматривалось как прискорбное событие: ослабление армии на Адидже заставляло ожидать катастрофы.

V

В первый период осады артиллерия осаждающих состояла из двух каронад – 32-фунтовой и 24-фунтовой, взятых в Хайфе, четырех 6-дюймовых мортир и тридцати шести полевых орудий. Для нужд наблюдательных отрядов оставалось двенадцать орудий. 32-фунтовые и 24-фунтовые каронады не имели лафетов; рабочие парка соорудили их в несколько дней. Артиллерия не имела ядер этого калибра; в траншеях подобрали все валявшиеся там ядра такого калибра, выпущенные с валов крепости, а также

тяжелыми орудиями двух английских линейных кораблей. Парк платил по 5 су за ядро; солдаты принялись за поиски и за несколько дней доставили 300 ядер обоих калибров, когда же они не смогли больше находить их, солдаты измыслили другие способы добычи; они обратились к кипучим страстям английского коммодора и прибегли к различным хитростям, чтобы разжечь их: то они высылали всадников гарцевать на взморье; то они тащили на дюны бочки и фашины, принимались копать землю, словно сооружали батарею; иногда они также ставили на рейде, близ берега, баркас, который доставили из Хайфы. Как только сэр Сидней Смит замечал, что противник предпринимает какие-то действия под дулами его орудий, он снимался с якоря, шел на всех парусах к берегу и выпускал ядра, которые подбирались солдатами. Вскоре парк был снабжен ими в изобилии.

21 марта офицеры инженерных войск заложили траншею в 150 туазах от города; она примыкала к акведуку, который являлся естественной параллелью, защищавшей от огня крепости. Артиллерия соорудила восемь батарей – две против островка с маяком, который противник вооружил; три – против трех башен, простреливавших подступы к бреши. Эти пять батарей состояли из шестнадцати 4-фунтовых орудий и четырех 8-фунтовых; шестая батарея имела четыре 6-дюймовые мортиры, направленные против большой башни; седьмая и восьмая батареи получили четыре 12-фунтовых, столько же 8-фунтовых пушек и две гаубицы; эти батареи должны были проделать брешь в восточном фасе большой башни; 22-го, 23-го и 24-го саперы подобрались ко рву на расстояние в 5 туазов по отрытым ими коленам траншеи, а затем развернулись, соорудив большую параллель, которая прикрывала все маневры осаждающих. 23 марта был открыт огонь; за 48 часов оба орудия маяка были приведены к молчанию, равно как и тяжелые орудия, стоявшие на валах с той стороны, откуда предполагалось идти на штурм. 24-го начали действовать батареи, предназначенные для пробития бреши; в первые 48 часов они не произвели видимого действия, что было приписано непригодности 12-фунтовых пушек; офицеров инженерных войск открыто обвиняли в том, что они связались с древней каменной кладкой, которую не пробить и 24-фунтовым пушкам, как вдруг в 4 часа пополудни со страшным грохотом обрушился весь восточный фас большой башни. Вся армия и 30000 зрителей, сбежавшихся со всей окружающей местности и усеявших высоты, издали радостный крик. Один офицер инженерных войск отправился на рекогносцировку бреши, но был атакован несколькими стрелками, расположившимися вдоль стен; тогда было послано 25 человек,

чтобы прогнать их, и 25 саперов, чтобы расчистить пространство у бреши. Надеялись, что подобно тому, как это имело место в Яффе, Акра будет взята к вечеру. Но 25 саперов были остановлены контрэскарпом. Это явилось первой неприятностью. Джеззар, который погрузил на суда свои сокровища и своих жен, а затем и сам отправился на корабль, оставался на борту его всю ночь. Жители каждую минуту ожидали штурма и взятия крепости. Однако башни и стены остались усеянными солдатами, которые всю ночь вели беглый ружейный огонь, 26-го вечером паша успокоился, вернулся в свой дворец и предпринял вылазку, которая не удалась. Этот злосчастный контрэскарп парализовал все усилия осаждающих в течение четырех дней, то есть того срока, который потребовался для открытия минной галереи и подготовки мины, которая была заряжена 28-го; она взорвала контрэскарп. Капитан штаба Майи был направлен к башне с пятью рабочими, десятью саперами и 25 гренадерами для устройства ложемента. Помощник майора Ложье с 800 солдатами стал за акведуком, в 15 туазах от бреши, чтобы подняться к ней, как только Майи даст ему сигнал о том, что в нее можно проникнуть. Дивизия Бона, построенная на плацдармах батальонными колоннами, предназначалась для поддержки Ложье и овладения крепостью; батальоны ее должны были двинуться к бреши один за другим. Но для достижения успеха было необходимо, чтобы ни один солдат не остановился в пути, несмотря на ужасающий ружейный огонь со стен.

Майи бросился в минную шахту, а оттуда ринулся в ров, причем его не остановили десять футов контрэскарпа, которые не были разрушены взрывом: минеры недостаточно глубоко ушли в землю. Достигнув подножья башни, он приставил к ней три лестницы и взобрался в первый этаж с 40 солдатами; тогда он дал сигнал Ложье, отряд которого двинулся беглым шагом и достиг края рва, полагая контрэскарп разрушенным; солдаты удивились, найдя его почти целым. Ложье с первым взводом бросился в ров и побежал к бреши… [144] Капитан, командовавший вторым взводом, был убит у края контрэскарпа; взвод остановился и, измерив на глазок глубину рва, бросился налево, чтобы найти менее глубокое место. Преследуемый огнем со стен, батальон развернулся, и солдаты его продолжали действовать рассыпным строем, в качестве стрелков; между тем Майи вскарабкался на платформу и сорвал оттоманский флаг; с ним находилось десятеро отважных, остальные были убиты или ранены. Ложье был убит при переходе рва. Те, кто следовал за ним, направились к лестницам, приставленным к башне; но эти лестницы оказались опрокинутыми; они отошли, чтобы принести другие, оставшиеся

у минной шахты. Этот маневр принимают за бегство; солдаты отряда Майи, находившиеся в первом этаже башни, спускаются в ров; на платформе не остается никого, кроме Майи, одного сапера и двух гренадеров. Майи спускается в первый этаж, чтобы позвать на помощь, там его поражает пуля, которая пробивает легкие; он падает, истекая кровью. Гренадеры спускаются, чтобы помочь ему. Между тем главнокомандующий направился к минной шахте, чтобы установить, почему заколебалась колонна Ложье; он понял, как трудно преодолеть препятствие, которым являлся контрэскарп; для этого ничего не было приготовлено; он послал к генералу Бону приказ не выходить из траншеи, так как штурм не удался.

Как только паша увидел оттоманское знамя сорванным с вершины башни, он отправился в порт и погрузился на суда. Весь гарнизон и жители – женщины, дети, старики – покидали город, бросались в барки или укрывались в мечетях. Все казалось потерянным, а город взятым, когда пять мамлюков, трое чернокожих из Дарфура и двое черкесов, храбрецов из личной охраны Джеззара, которые оставались во дворце, чтобы помешать жителям разграбить его, заметили, что на платформе башни находятся только два-три француза, причем количество их не возрастает. Они прокрались вдоль стены, взобрались на платформу, предприняли контратаку и не нашли никого, кроме одного сапера, который спасся бегством. Эти неустрашимые мусульмане спустились с платформы в нижний этаж и нашли там Майи и двух умирающих солдат; они отрубили им головы, снова поднялись на платформу, подняли оттоманский флаг и стали носить головы по городу. Отряд в 500 магрибинцев и арнаутов, поставленных у угла мечети для прикрытия посадки паши на суда, вернулся в башни; город был спасен. Этот штурм обошелся французской армии в 27 человек убитыми и 87 ранеными (в том числе половина из 40 человек, составлявших отряд Майи).

Английская эскадра под предлогом необходимости укрыться от бурь и ветров равноденствия ушла в море и исчезла уже 26 марта; на самом деле сэр Сидней Смит не хотел присутствовать при взятии города, которое он считал неизбежным. Но, узнав, что штурм не удался, он вернулся в ночь с 5-го на 6-е на рейд. Он высадил эмигрантского полковника Филиппе, Дагласа [145] и сотню офицеров и канониров – своих наиболее отважных и опытных моряков. Он использовал артиллерию, захваченную у французов, – 24-фунтовые и 16-фунтовые пушки, наши прекрасные 6-дюймовые мортиры защищали теперь город, для обстрела и покорения которого они предназначались. Все способствовало успокоению гарнизона, который ежедневно

получал с Кипра и из Триполи подкрепления, а также продовольствие и боеприпасы.

Генерал Каффарелли, руководивший осадою, приказал подвести новую мину. 1 апреля она обрушила контрэскарп; начальник артиллерии свел в батарею две каронады – 32-фунтовую и 24-фунтовую, огонь которых имел большие результаты. Со своей стороны, осажденные не теряли времени; брешь была сделана непригодной для нового приступа; ее заполнили бомбами, снарядами, заряженными гранатами, бочками с гудроном, фашинами, кусками дерева, покрытыми серой, железными шипами. Однако 25 человек, посланных для подготовки ложемента, выполнили приказ и преодолели все препятствия; но они вскоре оказались, как на костре. Пятеро гренадеров сгорело, несколько человек было ранено, остальные поспешно вернулись в ложемент контрэскарпа. Тогда распространилось убеждение в невозможности взять город с помощью полевых орудий, имеющихся к тому же в столь малом количестве. Османы торжествовали и каждую ночь весело кричали французским канонирам: «Султан Селим бах-бах-бах; Бонапарт пиф-пиф-паф!». Оставалось надеяться только на подземную войну. Каффарелли повел минную галерею подо рвом, направив ее на большую башню. Осажденные прибегли к контрминам, но более искусные французские минеры обезвредили их.

Филиппе заявил, что опасность неотвратима, что каждую минуту можно ждать взятия города. Он побудил пашу предпринять вылазку, чтобы обнаружить минную шахту и уничтожить минеров. 7 апреля ночью три колонны, численностью в 1500 человек каждая, построились: первая – перед дворцом паши, вторая – у ворот, ведущих к морю, третья – вдоль берега моря. С южной стороны 150 англичан и 300 отборных турецких солдат под командой полковника Дагласа и майора [146] разместились за большой башней для прикрытия бреши. На рассвете все три колонны пошли в атаку; ружейный огонь усилился; противник, как и обычно, сначала продвинулся вперед. Английская колонна стремительно спустилась через брешь – ей нужно было пробежать только 15 туазов, чтобы овладеть шахтой. Английский майор уже достиг выхода из нее, мину можно было считать погибшей, но тут резервный батальон охранения двинулся вперед со штыками наперевес, истребил, покалечил или взял в плен почти всех солдат этой колонны, которую он обошел справа и слева; примерно в это же время вступили резервы траншеи; турки были стремительно отброшены в крепость; несколько небольших колонн были отрезаны и взяты в плен. Эта

вылазка обошлась осажденным в 800 человек, среди которых было 60 англичан. Раненые, принадлежавшие к этой нации, получали медицинскую помощь наравне с французами, а пленных поместили среди частей армии, словно это были нормандцы или пикардийцы; соперничество между двумя нациями исчезло на таком расстоянии от их отечеств и среди столь варварских народов. Турки выказали большую личную храбрость, напористость, преданность; но никакого искусства, никакого умения действовать сообща, никакого порядка, и это делало вылазки чрезвычайно гибельными для них. Убитый английский майор… был предан земле с воинскими почестями, капитан Райт был тяжело ранен. В этот первый период армия ни разу не имела возможности прийти на помощь солдатам, находившимся в траншее.

Али – чернокожий мамлюк Джеззара, одновременно его доверенное лицо, тайный убийца и палач, был предметом ненависти христиан, требовавших мести. Один из офицеров жандармерии приступил к допросу его. Наполеон пожелал его видеть; этот неустрашимый мусульманин сказал ему: «Всю свою жизнь я повиновался своему господину; позавчера я отрубил голову твоему мамлюку и отнес в спасенный мною город; вот, султан, моя голова, отруби ее, но отруби сам, и тогда я умру довольным; Пророк сказал, что нельзя отвергать последнюю просьбу умирающего». Главнокомандующий протянул ему руку, приказал принести ему поесть. В дальнейшем он проявил благодарность. Он был убит в Абукирском сражении, во время атаки отряда французской кавалерии, который он возглавлял.

VI

Паша Дамаска собрал в этом большом городе 30000 человек – пеших и конных. Кавалерия Джеззара и Ибрагим-бея находилась на левом берегу Иордана и обеспечивала коммуникации Дамаска с Набуллусом; набуллусцы выставили 6000 воинов; они жаждали отомстить за оскорбление, нанесенное им в Какунском бою.

Порта приказала дамасской армии перейти Иордан, как только родосская армия высадится в Сен-Жан-д\'Акре, чтобы поставить нас между двух огней. Но опасности, которые угрожали крепости, и в особенности страх, который внушала подземная война, побудили Джеззара в качестве сераскера послать дамасскому паше приказ перейти, не мешкая, Иордан, соединиться с набуллусцами на Ездрилонской равнине и перерезать перед Акрой коммуникации лагеря с Египтом.

Сын Дахэра сообщил, что его дамасские агенты донесли об отбытии армии и о том, что она неисчислима. Положение французской армии становилось деликатным; из 13 000 человек,

вступивших в Сирию, тысяча была убита или ранена в боях за Аль-Ариш, Газу, Яффу и в первый период осады Акры; тысяча больных находилась в госпиталях Назарета, Шафа-Арма, Рамлы, Яффы и Газы; две тысячи составляли гарнизон Катии, Аль-Ариша, Газы и Яффы; пять тысяч были необходимы при осаде для охраны парков и позиций; оставалось только 4000 человек, которых можно было использовать для наблюдения и борьбы с дамасской армией и набуллусцами, которых насчитывалось 40000. Генерал Бертье, предвидя важные события, эвакуировал в Яффу госпитали Назарета, Шафа-Арма и Хайфы, а также перевязочные пункты Акры, равно как и тяжелые обозные грузы, пленных и все, что могло обременить собой армию, которая, употребляя морское выражение, оставалась лишь на одном якоре.

Армия паши Дамаска прибыла на Иордан двумя колоннами; первая, под командованием его сына, численностью в 8000 человек, заняла мост Якова и направила авангард для обложения форта Сафад; он тщетно пытался штурмом овладеть этим фортом. Его отряды заполнили всю Галилею. Сам паша с 25 000 человек стал лагерем на левом берегу Иордана, напротив брода… [147] , который взял под охрану. Он послал свой авангард занять позицию на высотах Лубии, на правом берегу Иордана. Набуллусцы стали лагерем на Ездрилонской равнине.

Генерал Мюрат выступил из лагеря со своей подвижной колонной в составе 1000 человек всех родов войск; заставил противника снять осаду с Сафада, форсировал мост Якова, овладел лагерем сына паши, взял много пленных; палатки, обоз, верблюды, артиллерия попали в руки победителя; добыча была значительной. Молодой сын паши сделал ошибку, разослав так много людей отдельными отрядами; в момент, когда его атаковали, он не смог сосредоточить более 2000 человек. Как только остатки дивизии узнали о захвате моста Якова, они вернулись в Дамаск, обойдя истоки Иордана. Оттуда Мюрат направился к Тиверии, которой и овладел. В этом городе находились склады противника; там он нашел рожь, ячмень, рис, растительное масло и фураж в количестве, равном шестимесячной потребности французской армии.

Генерал Жюно занимал Назарет со своей обсервационной колонной. Как только он узнал, что авангард паши (3000 человек) перешел Иордан, он двинулся ему навстречу; он нашел его в Ханаанской долине и сдержал, хотя имел всего 400 человек. Этот бой был для него весьма почетным и покрыл славой драгунского полковника Дювивье, одного из наиболее отважных офицеров кавалерии французской армии. Главнокомандующий отдал генералу Клеберу приказ отправиться со своей дивизией на

поддержку колонны генерала Жюно. Он присоединился к нему 11 апреля, имея под своим началом 2500 человек. Он двинулся на высоты Лубии, где находился авангард дамасского паши, доведенный путем посылки подкреплений до 7000 человек. Исход боя не вызывал сомнений, противник был разбит; но назавтра Клебер, опасаясь быть отрезанным от Акры, вернулся на свою позицию на высотах Назарета.

Тогда дамасский паша снова занял высоты Лубии и под их прикрытием передвинул остальную часть своей армии на левый фланг. Он стал лагерем на Ездрилонской равнине, присоединившись к набуллусской дивизии. Когда этот маневр был завершен, авангард его, ставший арьергардом, последовал за ним и оставил высоты Лубии, отказавшись от прямой связи с Дамаском. Клебер решил наказать пашу за этот рискованный фланговый марш. Он доложил главнокомандующему о том, что намеревается пройти между Иорданом и противником, чтобы отрезать последнего от Дамаска, с расчетом внезапно атаковать турецкий лагерь в 2 часа утра; что он надеется на такой же успех, какого достиг генерал Ренье в Аль-Арише. План Клебера был плохо продуман; он полагал, что перережет операционную линию противника, тогда как последний уже оставил иорданскую операционную линию, сменяя ее на набуллусскую; следовательно, движение противника этим приостановлено не было бы; он продолжал бы свой марш на Акру; в то же время осада осталась бы без прикрытия и была бы поставлена под угрозу. Надежда на возможность ночной атакой захватить противника врасплох была необоснованной. Генерал Ренье достиг успеха в Аль-Арише потому, что он два дня подряд проводил со своими офицерами рекогносцировку дорог, по которым должны были следовать ночью его колонны, а также потому, что положение лагеря Абдаллаха являлось стабильным; но как мог генерал Клебер действовать ночью на местности, незнакомой как ему лично, так и его офицерам? Когда он обдумывал атаку, он находился в пяти лье от противника и не знал точно, где станет лагерем этот последний. Ему необходимо было бы оставаться по крайней мере сутки на виду у противника, чтобы провести тщательную рекогносцировку местности вокруг мусульманского лагеря; но при наличии армии, настолько превосходившей его численностью, это было невозможно. Наполеон предвидел, что тот только к рассвету доберется до местности, которой не знает, будет охвачен всей этой армией и подвергнется величайшим опасностям, причем как эта дивизия, так и осадная армия будут в одинаковой степени поставлены под угрозу. Он немедленно выступил (15 апреля в час пополудни) с дивизией пехоты, всей

конницей, находившейся в лагере, и резервной батареей, двигался до наступления ночи и стал лагерем на высотах Сафарии. 16-го на рассвете он взял направление на Сулин, следуя по ущельям, обходящим горы. В 9 часов утра глазам его открылась вся Ездрилонская равнина, а в трех лье к северо-востоку он разглядел через свой хороший бинокль у подножья горы Табор два небольших каре, вокруг которых клубился дым: это, несомненно, была французская дивизия, со всех сторон охваченная и атакованная очень большой армией. Ездрилонская равнина весьма плодородна; она была покрыта хлебами; рожь имела уже 6 футов в высоту. Наполеон построил свою дивизию в три полковых колонны; он приказал им двигаться на расстоянии в 400 туазов одна от другой в таком направлении, чтобы перерезать путь отступления противника на Набуллус. Колосья ржи совершенно скрывали солдат, которые приближались к лагерю ничего не подозревавшего противника.

Клебер привел свой план в исполнение; он выступил в направлении Иордана и вернулся на тылы противника; день занялся прежде, чем он успел его нагнать; в 7 часов утра он очутился у него на виду; он напал на передовые посты, перерезав их. Но в лагере вскоре поднялась тревога; вся эта масса вскочила на коней и, увидев, как мало французов, двинулась на них. Клебер был обречен. В качестве смелого и умного человека он сделал все, чего можно было от него ожидать; он выдержал и отбил большое число атак; но турки захватили все отроги горы Табор и все холмы, окружавшие французов. Наши старые солдаты понимали, сколь опасно их положение, и наиболее неустрашимые начинали желать, чтоб дали приказ заклепать пушки и вырваться из кольца через крутые высоты Назарета. Генерал Клебер совещался о том, как поступить, положение его было очень тяжелым, как вдруг солдаты вскричали: «Вот маленький капрал». Офицеры штаба доложили генералу Клеберу об этом слухе; он рассердился, доказал невозможность этого и приказал военному совету продолжать обсуждение. Но старые солдаты Наполеона, привыкшие к его маневрам, продолжали кричать; им казалось, что они увидели блеск штыков. Тогда Клебер поднялся на одну из высот и направил свою трубу в ту сторону; так же поступили офицеры штаба, но они ничего не обнаружили, да и сами солдаты решили, что стали жертвой оптического обмана; этот проблеск надежды исчез. Клебер решился наконец оставить свою артиллерию и раненых и приказал построиться в колонну, чтобы проложить себе путь. Вероятно, что солдаты заметили блеск штыков в тот момент, когда колонны находились в несколько более возвышенной и отрытой местности. Главнокомандующий

придавал большое значение скрытности своего маневра, что должно было дать ему возможность, заняв один холм, совершенно отрезать туркам путь к отступлению. Но внезапно его внимание было привлечено движением всей армии противника, которая смыкалась вокруг каре Клебера. Несколько офицеров штаба сошли с коней, направили в ту сторону свои трубы, увидели, что противник явно готовится атаковать Клебера всеми своими силами и что французские каре как будто расстроились; на самом деле происходило перестроение в колонну для атаки. Каждая секунда была дорога́. Клебер оказался в окружении 30 000 человек, из коих более половины на конях; малейшее промедление могло оказаться гибельным. Главнокомандующий приказал одному каре подняться на дамбу. Солдаты и штыки были замечены друзьями и врагами. В то же время артиллерийский залп демаскировал движение войск. Вскоре было замечено, что солдаты Клебера снова строятся в каре, на остриях штыков подняты в знак радости их шапки; за этим последовал артиллерийский залп – сигнал опознания. Армия противника, удивленная и пораженная, сразу остановилась. Мамлюки Ибрагим-бея, наиболее подвижные в турецкой армии и находившиеся всего ближе к французам, поспешили, прижимаясь к земле, разведать, что это за новые войска; за ними последовали все набуллусцы, больше всех встревоженные тем, что эти колонны преградили путь к их родным местам. Три французских каре на минуту остановились, чтобы обеспечить взаимодействие. Отряд в 300 человек напал врасплох на лагерь, разграбил его и захватил раненых турецкой армии; он поджег палатки, что вселило страх в сердца турок. Несколько отрядов турецкой конницы приблизились к каре на расстояние ружейного выстрела, но, встреченные картечью, удалились. Со своей стороны, Клебер двинулся вперед; соединение не замедлило совершиться; смятение и ужас, охватившие противника, достигли предела; эта армия бежала частью на Набуллус, частью на Иордан. Трудно передать чувство восхищения и благодарности солдат. Противник потерял много людей в различных атаках, предпринятых на протяжении утра; еще больше потерял он во время отступления. Несколько тысяч утонули в Иордане; дожди подняли уровень воды и сделали переход вброд весьма затруднительным. Клебер потерял 250-300 человек убитыми и ранеными. Потери колонны главнокомандующего составили 3-4 человека. Таково сражение у горы Табор. Наполеон взошел на эту гору, имеющую вид сахарной головы и господствующую над частью Палестины. Это сюда, если верить некоторым легендам, диавол перенес Иисуса Христа и предложил ему всю страну, которую можно видеть оттуда, если

он поклонится ему.

Ночь с 16-го на 17-е апреля Клебер провел в палатке главнокомандующего; он покинул ее в 3 часа утра, чтобы присоединиться к своей дивизии, стоявшей лагерем на Иордане. Весь день 17-го он преследовал остатки дамасской армии; солдаты овладели богатой добычей. 17-го вечером Клебер заночевал на том месте, которого достиг, и стал ожидать приказаний на 18-е. Наполеон обдумывал свое положение; в лагере у Акры осталось только 4000 человек, которые должны были держать в осаде восьмитысячный гарнизон, поддерживаемый двумя английскими 80-пушечными кораблями и все время получавший помощь; каждую минуту для поддержки его могла явиться родосская армия, движение которой было согласовано с движением дамасской; поэтому было необходимо срочно вернуть все войска в осадный лагерь; выделить оттуда можно было самое большее 2500 солдат Клебера, 500 кавалеристов и 12 пушек; в этом случае в лагере оставалось бы еще 6000 человек, то есть достаточное количество; но разумно ли поручить Клеберу с 3000 человек овладение большой столицей с населением в 100 000 жителей, наиболее злобных на всем Востоке? Не следует ли опасаться, что, убедившись в малой численности французов, они окружат их со всех сторон? С другой стороны, взятие Дамаска могло произойти самое позднее на завтрашнее утро (18-го или 19-го) [148] ; это было очень соблазнительно; какие только выгоды не принесло бы армии это завоевание! Она нашла бы там лошадей, верблюдов, мулов, в которых нуждалась для восполнения убыли в них; кожи, сукна, полотна, предметы обмундирования; порох, оружие, деньги; там можно было легко взыскать контрибуцию в 7-8 миллионов франков; а самым большим приобретением для армии завоевателей не явилась бы разве слава, которой покрыло бы себя французское оружие? Сражение у горы Табор должно было восстановить его репутацию, несколько поколебленную сопротивлением Акры, но что произойдет, если в Каире, Триполи, Алеппо и Акре узнают, что французское знамя развевается над священным, древним и богатым Дамаском? Разве это не произведет того морального эффекта, который ожидали от взятия Акры? Метуали, арабы, друзы, мароните, все народы Сирии станут тогда под французские знамена. Как ни убедительны были все эти соображения, было невозможно пойти на такой риск, чтобы послать 3000 человек без поддержки; но если бы их удалось поддержать шестью тысячами набуллусцев, дело приняло бы иной оборот. 17-го главнокомандующий говорил об этом с представителями друзов и маронитов, которые сопровождали

армию. Они заявили, что после такой великой победы, как одержанная у горы Табор, считают себя вправе принять определенные обязательства от имени своих наций, что было им приказано сделать лишь после взятия Акры; однако им понадобится по крайней мере две недели, чтобы выставить этот вспомогательный отряд. Дахэр не мог предложить сразу больше 200 человек; бедуины, которые составляли его силу, не хотели принимать на себя обязательств до взятия Акры и передачи ее в руки Дахэра. Но, раз до взятия Акры невозможно овладеть Дамаском, нельзя ли, по крайней мере, Клеберу получить с него контрибуцию, что потребует всего 48 часов? Потребовать контрибуцию и тотчас же уйти обратно за Иордан означало бы предпринять довольно невыгодную и вредную для последующих операций экспедицию, так как это могло бы повлечь за собой гибель живших в этом городе 18 000 христиан, которые должны были в дальнейшем пригодиться армии. 17-го утром были в наказание сожжены и разграблены три большие набуллусские деревни; представители Набуллуса умоляли пощадить их город и представили заложников. Клебер получил приказ отойти за Иордан и остаться для наблюдения на берегу этой реки.

18 апреля Наполеон заночевал в Назаретском монастыре; армия находилась в Святой земле; все деревни были прославлены событиями Ветхого и Нового заветов. Солдаты с интересом побывали на месте, где Олоферну отрубили голову, особенно восхищались чудом на свадьбе в Кане, так как у них не было вина [149] . Иордан представляли себе в виде широкой и быстрой реки, почти такой же, как Рейн и Рона, и очень удивились, увидя только ручеек, поменьше Эна или Уазы у Компьена. Вступив в Назарегский монастырь, армия почувствовала себя, словно в европейской церкви; он красив, все свечи были зажжены, Священное Писание раскрыто, армия присутствовала при Te Deum [150] ; там был очень хороший органист; монахи-францисканцы были все испанцами и итальянцами, за исключением одного француза; они показали грот Благовещения, где Богоматери явился ангел Гавриил. Монастырь очень красив, в нем много помещений и кроватей; там разместили раненых; монахи ходили за ними. В погребах нашлось очень хорошее вино. 19 апреля Наполеон вернулся в лагерь Акры после отсутствия, длившегося пять дней. Сражение у горы Табор возымело ожидаемое действие; друзы, мароните, сирийские христиане, а несколько недель спустя – представители христиан Армении – во множестве стали являться во французский лагерь. Согласно тайной конвенции, заключенной с друзами и маронитами, главнокомандующий должен был принять на денежное

довольствие 6000 друзов и 6000 маронитов под командованием их офицеров, которые должны были присоединиться к французской армии в Дамаске.

VII

Как только контр-адмирал Перрэ получил известие о вступлении армии в Сирию, он вышел из Александрии, с которой сэр Сидней Смит снял блокаду, и 15 апреля прибыл на рейд Яффы с фрегатами «Жюнон», «Альсест» и «Куражез», которые и бросили там якорь. Там же он получил приказы и инструкции, гласившие, что ему необходимо приблизиться к Сен-Жан-д\'Акру, не будучи обнаруженным английским коммодором. Он заметил гору Кармель и выгрузил в бухточке Тантуры шесть орудий тяжелого калибра, равно как и большое количество боеприпасов и провианта. Эта важная операция была осуществлена в трех лье от английской эскадры. После этого он вышел в открытое море и стал крейсировать между Родосом и Акрой, чтобы перехватывать суда, шедшие в эту крепость. Он встретил конвой родосской армии, захватил два судна, на которых находилось 400 человек из состава этой армии, интендант, шесть полевых орудий и сумма в 150000 франков. Он вернулся к берегам Сирии, высадил пленных, сообщил то, что ему стало известно, и получил новые инструкции. В ходе этого крейсерства он взял еще несколько призов; преследовал конвой из небольших судов с набуллусцами, которые хотели войти в Акру, и рассеял его. Поскольку он оказался на виду у английской эскадры, сэр Сидней Смит преследовал его, но не настиг; между тем его фрегаты были не очень быстроходны. Эта морская экспедиция весьма почетна для важного контр-адмирала, который в течение месяца остался в море и, можно сказать, блокировал Сен-Жан-д\'Акр на виду у английской эскадры, состоявшей из двух 80-пушечных линейных кораблей, фрегата и восьми-десяти посыльных судов. Это объясняется тем, что коммодор сэр Сидней Смит пытался входить во все подробности сухопутных операций, хотя не понимал их, да и вообще мало мог сделать в этой области, и запускал морские дела, которые знал, хотя в этой области мог сделать все. Если бы английская эскадра не прибыла в залив Сен-Жан-д\'Акра, этот город был бы взят до 1 апреля, поскольку 19 марта двенадцать тартан с осадным парком прибыли бы в Хайфу, а эти тяжелые орудия в 24 часа сравняли бы с землей укрепления Сен-Жан-д’Акра. Захватив или рассеяв эти двенадцать тартан, английский коммодор, следовательно, спас Джеззар-пашу. Его помощь и советы относительно обороны крепости не имели большого значения. Было бы гораздо полезнее, если бы, высадив там Филиппе и полсотни английских канониров, он вовсе перестал

заниматься сухопутными делами, занялся сохранением своего господства на море и полным прекращением морского сообщения между осаждающими и Дамиеттой и, наконец, захватил бы три фрегата или по крайней мере устроил за ними погоню. Ведь Акра была разрушена посредством тех боеприпасов и пушек, которые они доставили осаждающим.

VIII

В этот второй период осадный парк, независимо от артиллерии, которой он располагал в первый период, увеличился на два 24-фунтовых и два 18-фунтовых орудия, а также на две мортиры. 25 апреля взорвали мину под большой башней; результаты взрыва не полностью оправдали надежды минеров; подземный ход, выводивший к древним постройкам, спутал их расчеты; только половина башни была опрокинута; вторая же была лишь поколеблена; казалось, что башню разрезали бритвой. Триста турок, четыре орудия, все припасы, приготовленные для защиты бреши, были сброшены в ров. Лейтенант инженерных войск, 10 саперов и 20 гренадеров закрепились в нижних этажах, но, поскольку лестница, ведшая в верхние этажи, обрушилась, выбить оттуда противника не удалось. Укрепившийся в башне отряд был отозван, и в несколько часов 24-фунтовые орудия сравняли с землей эту часть башни. Офицер инженерных войск Лиэда руководил устройством ложемента в ее развалинах. Таким образом, французы овладели важнейшим пунктом крепостной стены; вход в крепость был открыт, но противник соорудил за большой башней ретраншемент. В ложементе поставили батареи для обстрела этого ретраншемента и подавления обороны дворца Джеззара и мечети. В то же время батарея, предназначенная для пробития бреши, начала действовать против второй башни того же фаса и к контрэскарпу повели минную галерею, чтобы взорвать его.

Артиллерия осаждающих взяла верх над артиллерией осажденной крепости, стены которой были почти совершенно разрушены. Крепость продолжала держаться только многочисленностью гарнизона и надеждами этого гарнизона на прибытие армии с Родоса. Морские коммуникации были открыты для него; каждый день он получал пополнения, а потому не только не ослабевал в результате ежедневных потерь, а, наоборот, стал гораздо более сильным, чем в начале осады. Осажденные были очень храбры, они с редкой неустрашимостью атаковали траншеи, уничтожали фашины и туры батарей, идя при этом на почти верную смерть. Из каждых десяти участников подобных экспедиций, происходивших каждый день, девять гибло, но десятый возвращался в крепость, где его принимали с триумфом,

что было достаточным для поддержания духа соревнования. Борьба один на один в коленах траншей и на плацдармах была настолько серьезным делом, что французским солдатам пришлось наточить все три грани их штыков, дабы помешать туркам вырывать их из рук. Осман обычно ловок, силен, храбр, метко стреляет; он идеально обороняется за стеной, но в открытом поле отсутствие взаимодействия, дисциплины и тактики делает его совсем нестрашным, изолированные усилия ничего не могут сделать против действия сообща. Все вылазки, которые предпринимал гарнизон, были для него гибельны; в этих вылазках он потерял свыше 9000 человек, в том числе две трети пленными. Выйдя из своих траншей, они тотчас же предавались присущей им порывистости; французским офицерам было легко, отходя перед ними, завлекать их в засады, что делало невозможным возвращение их в крепость.

К концу апреля Джеззар, не надеясь более удержать город, стал подумывать над эвакуацией его. Родосская армия, которая уже давно извещала о своем предстоящем прибытии, задерживалась, откладывая это прибытие со дня на день, в то время как городу угрожала опасность быть взятым штурмом. В этом деликатном положении полковник Филиппе, руководивший обороной, не усмотрел иной возможности затянуть осаду и тем дать родосской армии возможность прибыть на место, как прибегнуть к линиям контратаки. Он сказал паше: «Вы превосходите противника своей артиллерией; ваш гарнизон на треть сильнее осадной армии; вы можете потерять столько же людей, не подвергаясь при этом опасности, так как вместо одного убитого вы получите трех новых солдат. Стоящая перед вами осадная армия насчитывает теперь не более 6000-7000 человек, поскольку часть ее используется для наблюдения на Иордане или же несет гарнизонную службу в Яффе, Хайфе, Газе, Аль-Арише или, наконец, сопровождает караваны. Если бы ваш гарнизон был столь же дисциплинированным, сколь и отважным, я предложил бы вам посадить большую часть его на суда и высадить близ Набуллуса, чтобы вести военные действия на тылах французской армии и тем заставить противника снять осаду; но те примеры, которые каждый день показывают нам различные вылазки, пример дамасской армии, разбитой на Ездрилонской равнине горстью людей, убедительно свидетельствуют о том, каков был бы исход подобного предприятия. У вас остается одно средство спасения – идти на врага, пользуясь линиями контратаки. У вас есть рабочие руки, в изобилии имеется инструмент, тюки хлопка и шерсти, бочки, лесные материалы, мешки для песка – в этой войне преимущество будет на вашей стороне; она утомит

осаждающих, будет им стоить больших потерь, а это подорвет их силу, поскольку у них нет никаких источников пополнения; тогда по прибытии родосской армии вы сможете заставить их снять осаду». Этот проект был принят. В последнюю неделю апреля осажденные соорудили перед морскими воротами и дворцом паши два больших редана в виде плацдармов, которые они вооружили 24-фунтовыми орудиями, и оттуда повели траншеи, из которых могли нанести удар по флангу атакующего противника, и прокопы на сближение с ложементом большой башни. Осаждающие были вынуждены соорудить батареи для борьбы с батареями реданов и траверзов; они в свою очередь повели траншеи, направленные против новых линий противника, что вовлекло их в новые работы, замедлившие весь ход осады. Прибегнув к этому средству, осажденные выиграли 15 дней, в которых нуждались, что дало им возможность вовремя получить помощь с Родоса.

Этот совет военного инженера Филиппе был его лебединой песней. Он потратил столько усилий на проектирование этих работ и руководство ими, что получил солнечный удар и умер 1 мая. Он был французом, учился в военном училище в Париже, в одном классе с Наполеоном (класс профессора Монжа). Оба в один и тот же день держали экзамен у Далласа и вступили в артиллерию в один и тот же год, то есть 14 лет назад. После революции Филиппе эмигрировал. Вернувшись во Францию в период реакции во фрюктидоре 1797 года, он способствовал бегству сэра Сиднея Смита из Тампля [151] . Он получил чин полковника английской службы и был направлен в Левант. Это был человек ростом в 4 фута 10 дюймов, но крепкого сложения. Он оказал важные услуги, однако на сердце у него было неспокойно; в последние минуты жизни он испытывал сильнейшие угрызения совести; он имел случай раскрыть свою душу французским пленным. Он негодовал на самого себя за то, что руководил обороной варваров против своих; родина никогда не теряет полностью своих прав! Полковник Даглас заменил Филиппе, но он не унаследовал ни его образования, ни его знаний. Саперы обеих армий двигались навстречу друг другу, работая бок о бок, так как их разделял слой земли толщиной всего в 2-3 туаза. Когда французские военные инженеры полагали, что находятся уже на фланге противника, минеры приготовляли пороховую мякоть, перерезали траншею противника, и все, что находилось за этим местом, убивалось или бралось в плен. Турки вскоре научились совершать тот же маневр. Три раза все траншеи противника были захвачены с боя, часть их была засыпана, но было невозможно удержаться в них, так как

они простреливались огнем стрелков, размещенных в башнях, которые господствовали над местностью. Следовательно, нужно было упорствовать в применении этого способа ведения войны: траншея против траншеи.

4 мая брешь во второй башне была подготовлена для штурма, куртина между большой и второй башнями – сравнена с землей, подводка мины для подрыва контрэскарпа – завершена; 5-го утром должен был начаться генеральный штурм. Успех казался несомненным; но ночью военные инженеры осажденных разрезали контрэскарпы и повели двойную сапу против минной шахты, причем с такой энергией, что к рассвету обезвредили мину и уничтожили минеров, прежде чем дежурившие днем военные инженеры успели что-либо заметить. Пришлось отрывать новую минную шахту, что вызвало задержку на несколько дней, значение которой оценили не сразу. Предполагалось, что штурм состоится 9-го. Но 7-го утром заметили 30-40 судов, державших курс на взморье; это была деблокадная армия, которую осажденные давно ожидали с таким терпением. Главнокомандующий тотчас же приказал стать в ружье, а генералу Ланну поручил идти на приступ и взять крепость. Погода была тихая, слабый ветер дул с суши. Было маловероятно, чтобы этот конвой мог достигнуть города раньше, чем через сутки. Генерал Ланн построил три колонны. Первая, под командой генерала Рамбо, вошла в крепость через брешь со стороны куртины; вторая, под командой заместителя генерала Ласкаля, вошла в крепость через большую башню; генерал Ланн стал во главе третьей, составлявшей резерв. Генерал Рамбо форсирует брешь, преследует турок в городе, захватывает два орудия и две мортиры противника; но с наступлением ночи ветер переменился, суда подошли и еще до рассвета высадили подкрепление; пришлось оставить занятую часть города и удовольствоваться удержанием ложемента большой башни. Генерал Рамбо был убит во время этого штурма.

На рассвете части родосской армии, гордые небольшим успехом, которого они достигли благодаря своей численности, сделали вылазку с двух плацдармов – у морских ворот и дворца паши. Они льстили себя надеждой на то, что захватят батареи осаждающих и заставят их снять осаду. Действительно, вначале вылазка имела большой успех; они овладели ложементом башни, половиной траншей и батарей; но вскоре трехтысячный отряд, обойденный с флангов, был отрезан от крепости; окруженный со всех сторон, он сложил оружие. Три тысячи других остались убитыми или ранеными на плацдармах и в траншеях. Только две тысячи вернулись в крепость. Исход этого боя снова изменил

положение вещей; уныние охватило осажденных, новые надежды подняли дух осаждающих, которые бросились на штурм, овладели всей той частью города, которую уже занимали прежде, и забаррикадировались там; бои продолжались несколько дней и велись за каждый дом. Считая с начала осады, нападающая сторона понесла значительные потери; эта затяжная война с каждым днем увеличивала их; не было возможности овладеть городом, не потеряв тысяч людей. Чума свирепствовала ужасающим образом среди гарнизона, не было никакого средства, способного предохранить от нее армию; если бы последняя стала упорствовать в своем предприятии и штурмом овладела городом, она потеряла бы еще тысячу человек от чумы. Главнокомандующий много размышлял, взвешивал эти соображения; но снять осаду побудили его полученные днем 13-го новые данные о положении дел республики.

Начиная с апреля в ходе переговоров, которые часто проходили у траншей, полковник Филиппе довел до его сведения об образовании второй антифранцузской коалиции, более могущественной, чем первая. Контр-адмирал Перрэ беседовал с капитанами ряда судов, вышедших из Неаполя; они сообщили ему, что французы вступили в этот город, прогнали короля и учредили республику. Наконец, путем допроса пленных из родосской армии, а также пленных англичан было с несомненностью установлено, что в Европе объявлена война и что французская армия вступила в Неаполь. Было легко предвидеть, что этот поход в Нижнюю Италию будет иметь гибельные последствия и что 30 или 40 тысяч французов, находящихся у Везувия, будет недоставать на Адидже. Главнокомандующий представил себе новое положение вещей. Директория, не пользовавшаяся уважением нации, быть может, низвергнута; если французские войска постигла неудача, операции Восточной армии становятся второстепенными; главнокомандующий стал думать только о средствах возвращения во Францию. Сирия, Галилея, Палестина не имели более никакого значения; нужно было вернуть армию в Египет, где она была непобедима; после этого он сможет покинуть ее и ринуться в поток событий, возникший перед его мысленным взором.

IX

Решение снять осаду было замаскировано удвоением силы огня; вся осадная артиллерия была сведена в батареи. Она непрерывно стреляла в течение шести дней; сравняла с землей все укрепления мечети и дворца Джеззара, а также внутренний ретраншемент. В течение этого времени раненые, больные, пленные и тяжелые обозные грузы направлялись в Яффу;

госпитали в Рамле, Газе и Аль-Арише эвакуировались на Каир. 20 мая дивизия Ренье, находившаяся в траншее, покинула ее. Армия пошла вдоль побережья моря; генерал Клебер командовал арьергардом, дюжина 24-фунтовых и 18-фунтовых пушек, а также орудий меньшего калибра, равно как и английские каронады, были испорчены и брошены в море. Осажденные обнаружили снятие осады только 21-го днем. Радость их была тем более велика, что они считали свое положение отчаянным; они ожидали, что город будет взят штурмом. Совершенно не имея кавалерии, Джеззар не смог преследовать французскую армию. 21-го в 8 часов утра авангард армии занял позицию в Цезарее, основные силы – в Тантуре, арьергард – в Хайфе.

В этот день был издан следующий приказ по армии:

...

«Солдаты!

Вы перешли через пустыню, отделяющую Африку от Азии, с большей быстротой, чем это могла бы сделать армия, состоящая из арабов. Армия, которая выступила в поход для завоевания Египта, уничтожена, вы захватили командующего, парки, обозы, бурдюки, верблюдов.

Вы овладели всеми крепостями, защищающими колодцы пустыни. Вы рассеяли на поле сражения у горы Табор орды, сбежавшиеся со всей Азии в надежде на ограбление Египта.

Наконец, после того как с горстью людей мы в течение трех месяцев вели войну в сердце Сирии, захватили 40 пушек, 50 знамен, 6000 пленных, сравняли с землей укрепления Газы, Яффы, Хайфы, Акры, нам предстоит вернуться в Египет; наступление времени, благоприятного для высадки войск, требует моего возвращения туда.

Через несколько дней вы могли

надеяться захватить самого пашу в его же дворце. Но в это время года взятие замка Акры не сто́ит потери нескольких дней. К тому же храбрецы, которых мне пришлось бы там потерять, необходимы сегодня для более важных операций.

Солдаты, мы стали на утомительный и опасный путь. Мы лишили Восток возможности что-либо предпринять против нас в ходе этой кампании, но нам придется, быть может, отражать нападения части Запада.

Вы найдете при этом новые возможности покрыть себя славой; и, если среди стольких боев каждый день приносит смерть какого-нибудь храбреца, нужно, чтобы появлялись новые храбрецы, способные в свою очередь занять место в той немногочисленной шеренге бойцов, которая в час опасности придает всем энергию и завоевывает победу».

Осада Акры продолжалась после заложения траншеи 62 дня; французская армия потеряла в ходе ее 500 человек убитыми, в том числе ряд выдающихся офицеров: дивизионного генерала Бона, бригадного генерала Рамбо, четырех заместителей генерала, десять офицеров инженерных войск, тридцать старших офицеров и штабных, капитана Круазье – адъютанта главнокомандующего, полковников Буайе (18-й линейный полк) и Вену (25-й) – заслуженных офицеров. Но наиболее чувствительной потерей была гибель генерала Каффарелли дю Фальга; он родился в Лангедоке; к началу революции он был капитаном инженерного корпуса; он любил революцию, но 10 августа [152] отказался принести новую присягу. Этот пример мужества позволяет судить о его принципиальности и силе его характера. Он был уволен из рядов армии, но затем вновь принят на службу; он познакомился с Наполеоном в 1797 г. после возвращения его из Италии и последовал за ним в Египет. 20 апреля он был ранен в траншее ружейной пулей, которая пробила ему локоть, пришлось ампутировать руку; находясь в Самбро-маасской армии, он уже потерял ногу. В течение шести дней он

сильно страдал и все время бредил, но, когда главнокомандующий входил в его палатку, он испытывал потрясение, к нему возвращалось сознание и в течение 15-20 минут он вел с ним беседу, не лишенную здравого смысла. Он умер 25 апреля, произнося очень яркую речь о народном образовании и отсутствии надежды на успешное функционирование центральных школ [153] и вообще системы, которой придерживались до этого времени. Число раненых достигло 2500, но 800 из них были ранены легко и выздоровели в самом лагере; 1700, в том числе 90 с ампутированными конечностями, были эвакуированы в Египет. Опасались того действия, которое окажет на них переход через пустыню в столь жаркое время года: ожидали, что половина из них погибнет. Поэтому приятным сюрпризом явился тот факт, что к моменту прибытия в Салихию из них погибли лишь очень немногие; офицеры медицинской службы приписывали это сухости воздуха, ибо влажность – это то, что всего более противопоказано раненым. Среди раненых находились генерал Ланн, полковник Дюрок и капитан Евгений Богарнэ.

Главнокомандующий в ходе этой осады был легко ранен, под ним убили лошадь. 4 мая, находясь в траншее, он был засыпан землей при разрыве бомбы; бригадиры его охраны, некие Домэсниль и Карбонель, находившиеся рядом с ним, закрыли его своими телами, чтобы предохранить от разрыва бомбы, которая действительно разорвалась вскоре после этого и легко ранила Карбонеля. Капитан Арриги был ранен пулей, которая сорвала шляпу с головы главнокомандующего и попала в рот этому офицеру.

В Акру последовательно прибыло 15 000 турок, к моменту снятия осады их оставалось только 5000. Таким образом, потери составили 10000 убитыми, ранеными и пленными.

22 мая перед выходом из Тантуры главнокомандующему доложили, что 200 раненых, которых офицеры медицинской службы сначала признали способными эвакуироваться пешком, не могут сделать более одного перехода. Он тут же предоставил в их распоряжение всех своих лошадей; офицеры штаба поспешили последовать этому примеру. Один раненый гренадер боялся запачкать красивое вышитое седло и стоял в нерешительности. «Ступай, – сказал ему главнокомандующий, – нет ничего чересчур красивого для храбреца». Офицеры кавалерии спешились и прислали всех своих лошадей, годных под седло. Только убедившись, что все раненые уехали, главнокомандующий сел на одну из своих лошадей.

X

22 мая лагерь был разбит в Цезарее. Наполеон выкупался в порту, который усеян обломками колонн из мрамора, гранита и порфира. Развалины этого города позволяют составить выгодное представление о его прошлом. 23-го армия стала лагерем в Абухабуре – порту набуллусцев; 24-го она переправилась через реку Буш по понтонному мосту и заночевала в Яффе, где провела несколько дней, чтобы взорвать фортификационные сооружения и завершить эвакуацию складов и госпиталей. Был отдан приказ выступить 27-го, но в час ночи адъютант Валетт, совершивший обход складов и госпиталей, чтобы проверить окончание эвакуации, доложил, что он еще нашел в госпитале 11 больных. Спросив у дежурного хирурга, почему их не эвакуировали, он услышал в ответ, что это больные чумой, что совет по делам эвакуации не признал их транспортабельными и что к тому же им остается жить не более суток. Но эти несчастные, увидев, что их хотят оставить, требовали, чтобы их лучше убили, чем предоставили жестокости турок; адъютант добавил, что дежурный хирург просил разрешения оставить подле каждого из них дозу опиума, которой они смогут воспользоваться в случае надобности. Немедленно были вызваны начальник медицинской службы Деженетт и главный хирург Ларрей; они подтвердили невозможность эвакуации зачумленных. Стали обсуждать вопрос о том, уместно ли разрешить хирургу оставить в распоряжении этих несчастных опиум. Деженетту это было противно. «Я имею право предоставлять больным только то, что может их излечить», – сказал он. Другие считали, что уместно поместить опиум в пределах досягаемости этих несчастных, что нельзя отказывать другому в том, что было бы желательно для тебя самого. «Я всегда буду готов сделать для моих солдат то, что я сделал бы для родного сына, – сказал Наполеон, – однако, поскольку в течение суток они должны умереть естественной смертью, я выеду только этой ночью, а Мюрат с 500 кавалеристами останется до двух часов пополудни завтрашнего дня». Он отдал хирургу, остававшемуся с арьергардом, следующий приказ: если к моменту отъезда последнего они еще не умрут, поставить у их постелей опиум, указав, как воспользоваться им в качестве единственного средства избавить себя от жестокостей турок. Английские корабли, крейсировавшие в этом районе, в то время находились далеко в море.

28 мая дивизия Ренье отправилась из Яффы в Замлу, а затем вдоль подножья Иерусалимских гор. Поля были покрыты хлебами, сулившими наилучший урожай. Армия подожгла посевы, что было признано необходимым. 29-го утром она стала лагерем в Газе. В июне пустыня очень сурова, она нисколько не похожа на

ту же пустыню в январе; тогда все было легко, теперь все стало трудно. Песок был раскаленным, солнечные лучи – невыносимыми. 2 июня армия стала лагерем в Аль-Арише. Фортификационные сооружения находились в хорошем состоянии; гарнизон располагал запасами на шесть месяцев, артиллерия оставила там несколько пушек, чтобы усилить вооружение крепости, 4-го она [154] стала лагерем в Катии. Форт, построенный из пальмового дерева, был достаточно прочным, чтобы оказать сопротивление арабам. 5-го главнокомандующий поехал осмотреть Тину и Пелузий; он прогулялся по берегу, на котором был убит великий Помпей. Жара была удушающей; объехав вокруг древней ограды города, он укрылся в тени обломка стены, оставшейся от древней триумфальной арки. Наконец 7-го армия прибыла в Салихию. Нужно самому перенести девятидневные муки от отсутствия тени и особенно от жажды, чтобы представить себе ту радость, которую испытали солдаты, став лагерем посреди пальмового леса, где имелось сколько угодно отличной нильской воды. Тщательно проведенные переклички выявили наличие 11 133 человек. Не хватало, следовательно, 2000 человек. 500 было убито на поле брани, 700 умерли в госпиталях, 600 остались в гарнизонах Аль-Ариша и Катии, 200 ушли вперед; но из 11 тысяч, оставшихся в наличии, 1500 были ранены (в числе последних находилось 85 человек с ампутированными конечностями). Пять инвалидов с ампутированными конечностями умерли в пустыне. Из этих 1415 раненых 1200 к моменту Абукирского сражения вернулись в свои части. Потери, понесенные в Сирийской войне, составили 1400 умерших и 85 оставшихся с ампутированными конечностями, то есть около 1500 человек.

XI

Из Салихии генерал Клебер получил приказ отправиться в Дамиетту и расположиться там. Армия продолжала следовать на Каир, куда вступила 14-го с триумфом. Жители вышли ей навстречу и ждали ее в Куббе. Делегации ремесленных цехов и купеческих гильдий приготовили великолепные подарки, которые поднесли султану Кебиру. Это были прекрасные кобылицы с роскошной упряжью, красивые дромадеры, славившиеся своей быстротой; оружие, ценное своей обработкой; красивые чернокожие рабы и красивые негритянки, красивые грузины и красивые грузинки и даже дорогие шерстяные и шелковые ковры, кашмирские шали, кафтаны, кофе «мокко» самого дорогого сорта, персидские трубки, шкатулки, полные благовоний и ароматов. Французы, находившиеся в Каире, со своей стороны, приготовили на открытом воздухе пиршество, чтобы отпраздновать прибытие

товарищей; они обнялись с ними и пили в течение нескольких часов. Распространялось столько слухов относительно катастрофы Сирийской армии, что, несмотря на отсутствие дивизии Клебера, направившейся прямо в Дамиетту, все удивлялись, видя армию столь многочисленной и мало ослабленной. В строю находилось 8000 человек. Французы, вернувшиеся из Сирии, испытали при виде Каира такое же удовлетворение, какое испытали бы при виде своей родины. Жители, которые чувствовали, что хорошо вели себя во время отсутствия армии, в течение нескольких дней предавались радости, празднуя это счастливое возвращение. Главнокомандующий въехал в город через ворота Побед, предшествуемый начальниками ополчения, главами цехов и гильдий, четырьмя муфти и улемами мечети Аль-Азхар. Месяцы, истекшие между этим моментом и Абукирским сражением, были использованы для принятия делегаций различных городов и провинций, спешивших приветствовать султана Кебира. Полки восполнили убыль большим числом людей, находившихся в запасных частях или вышедших из госпиталей. Было сформировано четыре роты из тяжелораненых и инвалидов с ампутированными конечностями; им была поручена оборона цитадели и башен. Кавалерия занялась пополнением конского состава, артиллерия доукомплектовалась, и уже к началу июля армия отдохнула и находилась в наилучшем состоянии.

Были получены вести из Сирии; Джеззар-паша не выступал из города, а войска его – из его пашалыка. Гарнизон Аль-Ариша высылал патрули до самого Хан-Юнуса, но они не встречали противника. Половина родосской армии была уничтожена в Сирии, но Мустафа – везир и трехбунчужный паша Румелии, сераскер, командовавший этой армией, – имел еще под своим началом три дивизии общей численностью в 15 000-18 000 человек. Он ожидал подхода еще одной янычарской дивизии, формировавшейся в Дарданеллах. Это было неопасно и не должно было возбуждать серьезной тревоги. Шейхи мечети Аль-Азхар обратились к народу со следующим воззванием:

...

«Советы диктуются законом… Прибыл в Каир бережно хранимый вождь французской армии генерал Бонапарт, который любит религию Магомета. Он остановился со своими

солдатами в Куббе, здоровый и бодрый, и возблагодарил господа за милости, которыми тот его осыпает. Он вступил в Каир через ворота Побед, в пятницу 10-го дня месяца мухаррема 1204 года от хиджры, с превеликой свитой и торжеством. Было праздником видеть солдат в добром здравии… Этот день был великим днем, таких никогда не было видано. Все жители Каира вышли ему навстречу. Они увидели и признали, что это действительно главнокомандующий Бонапарт собственной персоной; они убедились, что все, что говорилось о нем, – ложно… Жители Верхнего Египта изгнали мамлюков ради своей безопасности и безопасности своих семей и своих детей, потому что наказание злых влечет за собой погибель добрых их соседей… Мы уведомляем вас, что Джеззар-паша, прозванный так за великие свои жестокости [155] , ибо не делал никакого различия между своими жертвами, собрал множество злодеев, коих обнадежил обещаниями грабежа и насилий, и хочет прийти сюда, чтобы овладеть Каиром и провинциями Египта… Главнокомандующий Бонапарт выступил в поход и разбил солдат Джеззара; он взял форт Аль-Ариш и все бывшие в нем запасы… Он пошел затем на Газу, разбил все войска Джеззара, которые там находились, и они обратились перед ним в бегство, как птицы и мыши бегут от кошки… Прибыв в Рамлу, он снова захватил запасы Джеззара и две тысячи прекрасных бурдюков, которые были приготовлены там для похода в Египет, да предохранит нас

от него Господь. Затем он отправился к Яффе и три дня осаждал ее; и, так как заблудшие жители не пожелали подчиниться и признать его, отвергли его покровительство, он в гневе своем и по воле направляющей его силы предал их грабежу и смерти; около пяти тысяч погибло; он сравнял с землей их валы и дал разграбить все, что находилось за оградой. Это дело рук Божьих, ибо Бог велит вещам быть и они суть. Он пощадил египтян, почтил их, накормил и одел. В Яффе находилось около 5000 человек войск Джеззара, он их уничтожил всех, лишь очень немногие спаслись бегством. Из Яффы он двинулся к горе Набуллус, в место, именуемое Кайюн, и сжег на горе пять деревень. Случилось то, что было записано в Книге судеб; господин вселенной всегда действует одинаково справедливо. Потом он разрушил стены Акры, не оставив камня на камне, и превратил их в кучу обломков, так что люди спрашивают, стоял ли когда город на этом месте… Таков конец построек, возведенных тиранами. Затем он вернулся в Египет по двум причинам: во-первых, чтобы сдержать обещание, данное египтянам, – возвратиться к ним через 4 месяца, а обещания суть для него священные обязательства; во-вторых, потому, что, как он узнал, некоторые злодеи из числа мамлюков и арабов в его отсутствие сеяли смуту, подстрекали к волнениям… Прибытие его рассеяло все эти слухи, все, к чему он всегда стремился, – это уничтожение злых, а мечта его состоит в том, чтобы делать добро

добрым… Вернитесь же к Богу, творения божьи; подчинитесь велениям Его – земля принадлежит Ему; следуйте Его воле и знайте, что Он обладает могуществом и передает его кому захочет; это то, во что Он приказал вам верить… Когда главнокомандующий прибыл в Каир, он дал знать дивану, что любит мусульман и обожает Пророка… что он обучается Корану, который всякий день читает со вниманием… Мы знаем, что он намерен воздвигнуть мечеть, которая не будет иметь равных во всем мире, и принять религию Магомета».

Глава XI Абукирское сражение

I. События, происшедшие в Египте на протяжении февраля, марта, апреля и мая. – II. На протяжении мая, июня и июля французская Брестская эскадра господствует в Средиземном море. – III. Передвижение беев в Нижнем Египте (в июле). – IV. Появление англо-турецкой эскадры у Абукира (12 июля). – V. Высадка родосской армии под командованием везира Мустафы; она овладевает фортом Абукир (16 июля). – VI. Положение обеих армий 24 июля. – VII. Абукирское сражение (25 июля); везир Мустафа, трехбунчужный паша, сераскер родосской армии, взят в плен. – VIII. Осада и взятие форта Абукир (12 августа 1799 г.).

I

Во время Сирийской войны египтяне показали себя хорошими французами; предвосхищая добрые вести, они отказывались верить дурным. Генерал Дезэ покорил Верхний Египет, генерал Дюгуа поддержал спокойствие в Нижнем. Гарнизоны Каира и Александрии пополнились солдатами, вышедшими из госпиталей. Энергично велись фортификационные работы в крепостях, а также сооружение башен для зашиты судоходства на Ниле. Небольшие набеги бедуинов отражались без труда и не оставили никакого следа. Улемы мечети Аль-Азхар проявили рвение и успешно просвещали народ, предотвращая всякого рода бунты. Имели место только два движения такого рода. Первое было связано с восстанием эмир-хаджи. Имущество и привилегии носителя этого сана были очень значительными. Ему требовалось 600 человек для охраны каравана паломников, следовавших в Мекку; он испросил и получил разрешение завербовать их в Шаркии. Он сохранял верность, пока французское оружие одерживало в Сирии победы; но когда ему показалось, что французы потерпели поражение под Акрой, он стал прислушиваться к инсинуациям агентов Джеззара и захотел заслужить прощение какой-нибудь огромной услугой. Он задумал овладеть Дамиеттой; 18 апреля он распространил воззвание, в котором сообщал, что султан Кебир убит под Сен-Жан-д\'Акром, а его армия уничтожена; он ожидал, что воззвание будет иметь большой успех, но оно почти не возымело действия. Только три деревни выступили на его стороне; одно из племен бедуинов прислало ему вспомогательный отряд в 200 всадников. Генерал Ланюсс во главе своей подвижной колонны выступил из дельты, перешел Нил, вступил в Шаркию и после ряда маршей и контрмаршей окружил эмира, предал смерти всех его

приспешников и сжег три восставшие деревни; эмир-хаджи бежал в Иерусалим, куда прибыл всего с четырнадцатью спутниками.

Один из имамов пустыни Дерны, пользовавшийся репутацией великого святого среди арабов своего племени, вообразил или пожелал верить в то, что он – ангел Аль-Мохди [156] . Этот человек обладал всеми качествами, способными возбуждать фанатизм толпы; он был красноречив, прекрасно знал Коран; он проводил все свое время в молитве; по его словам, он жил без пищи. Каждое утро, при восходе солнца, в момент, когда правоверные заполняли мечеть, ему торжественно приносили крынку молока; он столь же торжественно обмакивал в нее пальцы и проводил ими по губам; это была его единственная пища. Он увлек за собой 120 человек из своего племени, направился во главе их в Малый оазис, встретил там караван из 300 магрибинцев, шедший из Феццана; он стал им проповедовать, был ими признан, и все они встали под его знамена. После этого он двинулся на Даманхур, напал врасплох и перерезал 60 французов из морского легиона, захватил их ружья и одну 4-фунтовую пушку. Слухи преувеличили значение этого небольшого успеха, и число его последователей намного увеличилось; феллахи изо всех районов провинции сходились в мечеть Даманхура, где он проповедовал и убедительно доказывал божественный характер своей миссии: «Пророк сказал, что он пошлет ангела Аль-Мохди на помощь правоверным, когда они окажутся в самом критическом положении. Между тем Аравия никогда не подвергалась большим опасностям, чем ныне; она стала добычей бесчисленного войска идолопоклонников с Запада. Те, кто сражаются в защиту ислама, будут неуязвимы; ни ядра, ни пули, ни копья, ни сабли ничего не смогут сделать с ними».

Полковник Лефевр, комендант небольшого порта Рахмания, будучи встревожен успехами этого обманщика, двинулся на Даманхур с 400 солдатами; ангел Аль-Мохди пошел навстречу ему с тысячью человек, вооруженных ружьями, и тремя или четырьмя тысячами, вооруженными копьями и вилами. Французский полковник, будучи окружен со всех сторон, построил батальонное каре и, выдержав довольно неравный бой, длившийся несколько часов, отошел в порядке и вернулся в свой форт. Вдовы и дети убитых, также те, кто был ранен, разразились жалобами и принялись горько упрекать ангела Аль-Мохди. Пули французов не должны были разить правоверных; почему же тогда столько убитых и раненых? Ангел Аль-Мохди прекратил этот ропот, сославшись на некоторые стихи Корана; никто из тех, кто по-настоящему верил в него, не пострадал; те же, в кого попали пули, наказаны за недостаток веры. В результате его репутация

упрочилась. Приходилось опасаться, что восстанет вся Бахейра. Это несчастье было предотвращено воззванием каирских шейхов, что дало генералу Ланюссу время, необходимое для того, чтобы выступить из Шаркии и атаковать 8 мая Даманхур. Он перебил всех, кто пытался оказывать сопротивление; среди убитых был найден труп самого ангела Аль-Мохди, хотя его последователи еще долго утверждали, что он жив и появится, когда для этого придет время. На египтян во все века легко было воздействовать именем божества, будь то бык Апис, Озирис или Магомет.

Командующий артиллерией генерал Доммартен получил приказ провести инспектирование крепости Александрии и побережья, чтобы ускорить фортификационные работы. Он отплыл 17 апреля из Каира на джерме… ружейные выстрелы, продолжал плавание. Он потерял убитыми и ранеными половину своего экипажа, получил четыре огнестрельные раны, от которых и умер в Розетте. Это был офицер, исполненный мужества. Генерал Сонжис заменил его на посту командующего артиллерией армии [157]

Перед Суэцом бросили якорь английский 50-пушечный линейный корабль и фрегат; они прибыли из Калькутты. Было похоже, что они хотят овладеть городом. Но, найдя его готовым к обороне, они 5 мая снялись с якоря, исчезли из виду и возвратились в Индостан.

II

Брестская эскадра в составе двадцати пяти линейных кораблей, в том числе четырех трехпалубных и восьми фрегатов, под командою адмирала Брюи, вышла из Бреста 26 апреля. Адмирал Бриджпорт, который блокировал этот порт с шестнадцатью линейными кораблями, заметил уход только через 36 часов. Он счел, что она предназначена идти в Ирландию, и отправился на высоту мыса Клир. Как только лондонское адмиралтейство узнало об этом событии, резервные корабли, стоявшие в портах Ла-Манша, были посланы на пополнение эскадр мыса Клир и Текселя. К концу мая эскадра Бриджпорта насчитывала 30 линейных кораблей, тексельская эскадра адмирала Дункана – 22. Эти две эскадры, насчитывавшие в общей сложности 52 линейных корабля, продолжали нести наблюдательную службу для обороны Ирландии. Французский флот направился в Египет и 4 мая прошел Гибралтарский пролив; но затем он изменил маршрут и 9 мая бросил якорь в Тулоне. Если бы он продолжал следовать по первоначальному маршруту, то еще до 16 мая прибыл бы к берегам Сирии; одного его присутствия было бы достаточно, чтобы обеспечить падение Акры, и в его распоряжение поступили бы конвои транспортных

судов, которые Порта собрала на Родосе. Чтобы оправдать следование по ложному пути, адмирал сослался, как это в обычае у моряков, – на дурную погоду и необходимость ремонта. Он сказал также, что считал нужным соединиться с испанской эскадрой, как будто его собственная эскадра не была достаточно многочисленной, чтобы справиться с крейсировавшей в египетских водах, в которой было всего два-три линейных корабля. Одни приписывали это прискорбное поведение нерешительности и отсутствию твердости в характере адмирала, который потратил всю энергию, какою обладал, на переход от Бреста к проливу; другие объясняли это приказаниями, которые он получил в Кадиксе через курьера, прибывшего из Парижа. Они утверждают, что Директория отменила поход эскадры в Египет из опасения, чтобы Наполеон, узнав о происходящем в Европе, не вернулся в Париж и не воспользовался критическим положением правительства, потерявшего популярность в результате поражений, – в целях захвата власти. 20 мая Массаредо присоединился в Тулоне к французской эскадре с 21 испанским линейным кораблем. 27 мая Брюи вышел в море со своими 46 кораблями и крейсировал между Генуей и Ливорно, где выгрузил продовольствие и войска; 9 июня он, возвращаясь, прошел мимо Тулона, зашел в Картахену и Кадикс, а 8 августа бросил якорь в Бресте. Англичане, продолжавшие опасаться за Ирландию, не решились воспользоваться эскадрами адмирала Бриджпорта и адмирала Дункана; они ограничились тем, что поручили наблюдение за адмиралом Брюи эскадре лорда Сен-Винцента, состоявшей из 18 линейных кораблей. Брюи господствовал в Средиземном море на протяжении всего мая, июня и июля. Если бы 27 мая – в день выхода из Тулона – он взял курс на Александрию, то прибыл бы туда в середине июня; он покончил бы со всякой подготовкой к Абукирской экспедиции, деблокировал бы и снабдил всем необходимым Мальту. Он не предпринял ни одной из этих операций. Между тем, крейсируя у берегов Италии, он поставил свою эскадру под бóльшую угрозу, чем если бы направился на Мальту и в Египет. А это доказывает, что его поведение обусловливалось политическими мотивами, ибо он не выслал даже легкую эскадру из 5-6 быстроходных кораблей, которая освободила бы от блокады Мальту, доставила бы Восточной армии известия и оказала ей некоторую поддержку. Он не соизволил послать хотя бы один фрегат армии из 30 000 французов, находившейся в этих отдаленных странах. Брюи был хорошим моряком и не глупым, но в характере его не было твердости, и он всегда вел себя по-лакейски. Придется вечно сожалеть о том, что был упущен столь блестящий случай

упрочить владение Мальтой и Египтом.

III

Снятие осады Сен-Жан-д\'Акра и отступление армии вскружили голову и без того легкомысленному английскому коммодору сэру Сиднею Смиту; он уверил себя в том, что Александрию можно взять с налета, а это принудит армию непобедимых капитулировать. Он сообщил о своем решении Патрона-бею – турецкому вице-адмиралу – и сераскеру родосской армии – везиру Мустафе, который имел еще 18 000 человек (остатки войск из его родосского лагеря) и 7000 отборных янычар, находившихся в его распоряжении в Дарданеллах. «С этими 25 тысячами человек он может покрыть себя бессмертной славой, ибо французская армия наполовину уничтожена, очень недовольна, обескуражена и готова взбунтоваться; она понесла огромные потери от огня верхних и нижних батарей английских линейных кораблей и фрегатов, выпустивших более 10 000 ядер; потери ее от перехода через пустыню в июньскую жару были не менее значительны». Принимая на веру эти утверждения, турецкие полководцы не хотели все же втягиваться в операции на равнине, не имея конницы и артиллерийских упряжек. Но мамлюкам и бедуинам пустыни было приказано сосредоточиться: Ибрагим-бею и Эльфи-бею с арабами трех пустынь (Фиваиды, Отшельников и Суэцкой) – у вади Тумилат; Мурад-бею с арабами Сирийской пустыни – у озера Натрон. Эти два отряда кавалерии обеспечивали Мустафа-паше 6000-7000 всадников; таким образом, он мог высадить на Абукирском полуострове армию численностью не менее 30 000 человек.

В действительности Эльфи-бей и Осман-бей с 300 всадниками из их дружин спустились по правому берегу Нила и 7 июля стали лагерем у колодцев Бир-Саба. Бригадный генерал Лагранж преследовал их и в ночь с 9 на 10 июля окружил их лагерь, захватил обоз, верблюдов, все продовольствие и взял в плен тридцать из числа наиболее смелых мамлюков. Оба бея после множества злоключений в самом плачевном состоянии вернулись в Нубийскую пустыню. Когда Ибрагим-бей узнал об этом конфузе, он находился уже всего в двух переходах от Газы; он вернулся в Сирию. В то же время Мурад-бей показался на границе Файюма, собрал несколько сотен бедуинов и занял позицию у озера Натрон. Генерал Мюрат преследовал его с несколькими эскадронами всадников на конях и дромадерах, догнал, атаковал, захватил в плен 15 киашифов и 15 мамлюков, нескольких истребил, а остальных рассеял по пустыне. Мурад-бей совершил контрмарш, направился к пирамидам, поднялся на самую высокую из них и оттуда в течение всего дня 13-го объяснялся

знаками со своей женой Сидэм, которая вышла на террасу своего дома. За этим князем, вождем прекрасного и отважного ополчения, следовало теперь всего несколько сотен человек, павших духом и лишенных всего. Господин всей этой плодородной равнины не имел больше ничего. Несколько дней спустя жена его, встревоженная распространившимися в городе слухами о том, что она преступно передавала сведения противнику, явилась к главнокомандующему, чтобы устранить ущерб, который могли причинить ей эти слухи. Она была принята благожелательно и поняла, что у цивилизованных народов подобные доносы не принимаются в расчет. «Если бы вы пожелали видеть вашего мужа, – сказал ей главнокомандующий, – я бы согласился на 24-часовое перемирие, чтобы предоставить ему и вам эту радость».

Однако чего же хотел бей? К чему столько маршей по этим безводным пустыням в самое жаркое время года? К чему было приближаться к Каиру с востока и с запада, невзирая на столько засад и опасностей? Это указывало на наличие у него определенных планов. Наполеон счел целесообразным выехать из Каира и 14 июля стал лагерем у подножья пирамид с комиссией наук и искусств. В течение нескольких дней ученые рассматривали, измеряли, изучали эти памятники, которые вот уже сорок веков вызывают восхищение народов. Мурад-бей скрылся в пустыне и нашел убежище в Малом оазисе, не будучи настигнут.

IV

В лагере у пирамид 15 июля в 2 часа пополудни Наполеон получил известие о том, что тринадцать 80-пушечных и 74-пушечных линейных кораблей, девять фрегатов, тридцать канонерок и девяносто транспортов с турецкими войсками бросили 12-го вечером якорь на абукирском рейде. Таким образом, форт Абукир был уже обложен. Полагали, что он сможет обороняться две недели. Нужно было, не теряя времени, идти ему на выручку, ибо положение османов на полуострове оставалось критическим до тех пор, пока они не овладели этим фортом. Главная квартира направилась в Газу, и в 10 часов вечера Бертье разослал приказы, необходимые для того, чтобы вся армия пришла в движение – от Асуана до Дамиетты, от Аль-Ариша до Александрии. Вперед были посланы интенданты для заготовки припасов на пути. Главная квартира двинулась до рассвета, не возвращаясь в Каир.

Было несомненно, что это остатки родосской армии осуществляют план, от которого отказались в результате событий в Сирии; ибо разве это осторожно – имея в своем распоряжении

20000-30000 турок, – вступать в бой с Восточной армией? Тут стало понятно, что передвижения беев имели целью соединение с этой армией, которая, прибыв морем, была лишена кавалерии. Однако, чтобы обнаружить сколько-нибудь смысла в этой военной комбинации, необходимо было предполагать участие в ней английской дивизии. Главнокомандующий отдавал приказы таким образом, как если бы был уверен, что дело обстоит именно так. Дезэ получил приказ эвакуировать весь Верхний Египет и направиться в Каир; Ренье, находившемуся в Бельбейсе, было приказано оставить в Салихии 300 человек для наблюдения и идти форсированным маршем по кратчайшему пути на Рахманию; Клебер, находившийся в Дамиетте, получил такой же приказ, его запасной части и нескольких старослужащих солдат было достаточно для охраны Лесбэ. Дивизия Ланна – бывшая дивизия Бона – и конница, находившаяся в Каире, выступили в час ночи, взяв направление на Рахманию. Генерал Дюгуа остался в Каире, в качестве коменданта, с несколькими ротами греков. Старослужащие солдаты и запасные части образовали гарнизоны цитадели Газы; таким образом, вся армия должна была сосредоточиться в одном лагере у Рахмании. После осуществления этой операции численность ее должна была составить 20 000 человек пехоты, 3000 человек кавалерии и 60 орудий с упряжками. Эти войска были лучшими в мире, они могли сделать все, что только в силах человека. 19 июля главная квартира прибыла в Рахманию, сделав 36 лье за три дня. Из Рахмании главнокомандующий написал шейхам мечети Аль-Азхар, что османо-английский флот встал на якорь у Абукира; высадил там армию, состоящую из арнаутов и русских, которую он намерен атаковать, окружить и целиком взять в плен; что пройдет немного дней, и они увидят, как в Каир, через ворота Побед, доставят знамена, орудия, пленников. Он рекомендовал им позаботиться о сохранении общественного спокойствия.

Эти последние [158] выпустили воззвания с целью просветить народ и предостеречь его против козней злоумышленников. Французы не эвакуируют Египет, а сосредоточиваются, чтобы атаковать и пленить армию из русских, арнаутов и англичан, высадившуюся в Абукире; они приказали молиться за того, кого охранял Пророк и кто сражался за то, чтобы оградить страну от опустошений, приносимых войной. Египтяне сохранили спокойствие.

V

По прибытии в Рахманию узнали, что Мустафа высадился 14 июля и 16-го овладел фортом Абукир. Это неожиданное событие не сулило ничего хорошего. Абукирский полуостров заключен

между морем и озером Мадия; сторона, обращенная к морю, – от Римского лагеря до Абукира, имеет протяжение в 8000 туазов, сторона, обращенная к озеру Мадия, – от форта Абукир до моста через Нильский канал, – 9000 туазов (она омывается водами абукирского рейда и озера Мадия). Перешеек от Римского лагеря до озера Мадия имеет протяжение в 1150 туазов; этот полуостров имеет форму треугольника; угол, вершиной которого является форт Абукир, – острый; он песчаный и покрыт пальмами, посредине его имеется колодезь, в изобилии дающий пресную воду, нередко можно также найти воду, пригодную для питья, если рыть колодцы на берегу моря. Между Александрией и Абукиром существует бухточка, куда могут заходить шлюпы. Взморье защищено от северо-западных ветров, которые дуют почти непрерывно в это время года. На этом полуострове находится большое число высоких дюн; с форта Абукир простреливается внутренний рейд и якорная стоянка; он окружен рифами, которые чрезвычайно затрудняют подход к нему судов. В 500 туазах, если следовать линии, продолжающей береговую, находится остров, пушки которого могут охранять стоянку нескольких линейных кораблей. Со стороны суши, приблизительно в 500 туазах от форта, в направлении Александрии, находится красивая деревня (у подножья холма Везира). В 100 туазах впереди этого форта находится несколько больших домов, которые носят название предместья Абукира. В 700 туазах к югу от холма Везира расположен большой утес, именуемый холмом Колодезь и находящийся примерно на равном расстоянии от форта и входа в озеро Мадия; он господствует над всем взморьем со стороны внутреннего рейда. В 800 туазах к юго-западу от холма Везира находится второй утес, именуемый горой Шейх, который господствует над берегом открытого моря. Эти три холма образуют треугольник; в середине его находится голая равнина, на которой там и сям попадаются пальмы.

В феврале, прежде чем отправиться в Сирию, генерал дю Фальга приказал полковнику Кретэну снести деревню и предместье Абукира, дабы обнажить подступы к форту, и использовать материалы, оставшиеся от разрушенных построек, чтобы построить перед фортом хороший кирпичный равелин со рвами и контрэскарпом, – это позволило бы форту сопротивляться в течение двух недель после заложения траншеи. Но бригадный генерал Мармон, комендант этой провинции, воспользовавшись отдаленностью главной квартиры, приостановил выполнение приказа под предлогом, что дома деревни удобны для размещения его войск. Он полагал, что равелин можно заменить земляным редутом, который он и

приказал полковнику возвести на холме Везира, расположенном между деревней и предместьем и господствующем над ними обоими.

Мустафа-паша высадился 14 июля, не встретив сопротивления; он стал лагерем на холмах Колодезь и Шейх и атаковал редут на холме Везир. Комендант форта… заперся в редуте с 300 солдатами, а в самом форту оставил капитана Винаша с 60 воинами. Редут был вооружен пятью пушками и успешно отражал атаки весь день. Но в 5 часов турецкие стрелки проникли в деревню, угрожая отрезать редут от форта. Редут был окружен и гарнизон его изрублен. 17-го в полдень форт, доведенный до… капитулировал. [159] С этого момента Мустафа не трогался с места. Он занял позиции на двух холмах – Колодезь и Шейх. Он дождался подхода своей кавалерии, упряжек и дарданелльской дивизии янычар. Он использовал 200 офицерских лошадей для своей охраны, а также для разведки. Авангард французской армии направился в Бирку, где предполагалось устроить лагерь для сбора всей армии. Отсюда она имела возможность ударить по левому флангу турецкой армии, если последняя двинется на Александрию, или по правому флангу, если она пойдет к Нилу. Работы по укреплению Александрии находились в таком удовлетворительном состоянии, какого только можно было желать; энергия и хорошие директивы, данные полковником Кретэном, принесли последнему похвалу главнокомандующего.

Несколько дней спустя, когда в Бирке собралось 8000 человек, этот лагерь был снят и перенесен на холм Колодезь, посреди полуострова.

Мустафа не имел никаких связей с внутренней частью Египта. Кавалерия александрийского гарнизона заняла все выходы с перешейка и держала их закрытыми. При таком положении можно было рассчитывать захватить его врасплох в лагере. Но один капитан инженерных войск, вышедший довольно поздно из Александрии, с ротой саперов и обозом, везшим инструмент, заблудился, не попал во французский лагерь, укрытый за утесами, и пошел на огни костров турецкой армии; десять саперов были взяты в плен. Турки с удивлением узнали, что французская армия находится в одном лье от них; они провели всю ночь под ружьем и подготовились к отражению атаки, которая казалась им неминуемой.

VI

25 июля, до рассвета, армия двинулась в путь. Генерал Мюрат командовал авангардом, состоявшим из кавалерии, бригады Дестэна и четырех орудий (всего 2300 человек); Ланн командовал

правым флангом численностью 2700 человек с пятью пушками; Ланюсс командовал резервом численностью в 2400 человек, с шестью пушками; генерал Даву, прибывший в Каир в тот момент, когда армия принимала боевой порядок, получил приказ вести во главе 300 всадников наблюдение, с целью охраны коммуникаций между армией и Александрией и недопущения бедуинов на полуостров. Патрона-бей ввел в озеро Мадия двенадцать канонерок, которые тревожили правый фланг армии. Генерал артиллерии Сонжис выдвинул вперед две 24-фунтовые пушки, три 12-фунтовые и три гаубицы. Канонерки удалились, получив довольно значительные повреждения. Генерал Мену прибыл в 9 часов утра на побережье со стороны Розетты с двумя пушками и батальоном пехоты. Вражеские суда, опасаясь оказаться запертыми в озере, эвакуировали его, армию никто больше не тревожил на марше. Она остановилась на виду армии противника, которая была построена следующим образом: первая линия в 8000 человек была разделена на три отряда; правый занимал холм Шейх, левый – холм Колодезь, третий примыкал к домам предместья; вторая линия, численностью в 7000-8000 человек, оседлавшая холм Везир, правым и левым флангами примыкала к морю; резерв в 4000-5000 человек занимал деревню Абукир и форт; там находились обоз, парк и лагерь везира. Несколько канонерок стояли на шпринге в открытом море, поддерживая правый фланг линии противника; другие находились на внутреннем рейде, поддерживая левый фланг; тридцать полевых орудий были распределены между первой и второй линиями. Генерал Сонжис приказал выдвинуть вперед батареи тяжелой артиллерии, завязал дуэль с канонерками, прикрывавшими противника справа и слева, принудив их отойти. Одна из находившихся на рейде была потоплена, всем остальным были нанесены более или менее серьезные повреждения. После этого дивизии развернулись, кавалерия, построившись в три линии, стала в центре, бригада Дестэна – слева, дивизия Ланна – справа; Ланюсс с гидами стал во второй линии. На двух холмах – Шейх и Колодезь – можно было видеть недавно произведенные земляные работы. Янычары выглядели хорошо. Паша со своими тремя бунчуками находился на холме Везир; несколько английских офицеров гарцевали на расстоянии выстрела от французских линий. Со своим обычным любопытством они скоро приблизились к французской кавалерии на расстояние в десять шагов и вступили в разговор с ее офицерами, к великому негодованию и великому удивлению турок. В море, на расстоянии полутора лье от берега, виднелся лес мачт; это были военные корабли и транспорты, а также несколько катеров с турецкими и

английскими морскими офицерами, среди которых можно было различить катер сэра Сиднея Смита. Последний находился на суше и исполнял свои функции заместителя паши, являясь его советником, хотя не имел никаких тактических знаний и никакого опыта ведения войны на суше. Сераскером армии был везир Мустафа – трехбунчужный паша, занимавший должность паши Румелии; последний пост является одним из самых важных в империи.

VII

Армии в течение двух часов стояли друг против друга в молчании, являющемся предвестником бури. Наконец началась артиллерийская дуэль между турецкими батареями, расположенными на двух холмах, и батареями полевых орудий дивизии Ланна и Дестэна. Генерал Мюрат выслал вперед две кавалерийские колонны, по четыре эскадрона и три легких орудия в каждой; первая колонна направилась в промежуток между холмами Колодезь и Везир; турецкая пехота держалась стойко; огонь стрелков был очень силен с обеих сторон, но, когда снаряды и ядра легких орудий, сопровождавших кавалерийские колонны, стали поражать противника сзади, он встревожился за свою линию отступления и потерял выдержку. Генералы Ланн и Дестэн, вовремя заметив это, беглым шагом взобрались на обе высоты; турки скатились вниз в долину, где их ожидала кавалерия; не имея возможности отступить, они были прижаты к морю – одни на берегу внутреннего рейда, другие – на берегу открытого моря. Преследуемые картечью и ружейным огнем, атакуемые кавалерией, эти беглецы бросались в волны. Они пытались достичь своих судов вплавь, но девять десятых были поглощены морем. Тогда центр первой линии турок двинулся вперед, чтобы прийти на помощь крыльям; этот маневр был неосторожным. Мюрат скомандовал развернуться поэскадронно направо и налево и охватил противника. Пехота Ланюсса, оставшаяся без прикрытия в результате этого маневра нашей кавалерии, беглым шагом двинулась вперед батальонными колоннами, на дистанции развертывания. Смятение охватило центр [160] , зажатый между кавалерией и пехотой. Лишенные возможности отступить, турки не имеют другого выхода, как броситься в море, ища спасения в направлении налево и направо. Их постигает та же участь, что и первых, – они исчезают, поглощенные морем. Вскоре в волнах можно было заметить только несколько тысяч тюрбанов и шалей, которые море выбросило потом на берег; это все, что осталось от этих храбрых янычар, ибо они заслужили название «храбрых»!! Но что может сделать пехота без порядка, без дисциплины, без тактики?

Сражение продолжалось всего час, а 8000 человек уже погибли: 5400 утонули, 1400 были убиты или ранены на поле сражения, 1200 сдались в плен; в руки победителя попали 18 пушек, 30 зарядных ящиков, 50 знамен.

После этого была проведена рекогносцировка второй линии вражеской армии; она занимала грозную позицию. Справа и слева она примыкала к морю и прикрывалась фланкирующим огнем канонерок и семнадцати полевых орудий. Центр занимал редут холма Везир. Казалось невозможным атаковать ее – даже после только что достигнутого успеха. Главнокомандующий собрался было занять позиции на двух захваченных возвышенностях, но он установил, что у подножья утеса Колодезь берег вдается в рейд в виде мыса; батарея, установленная у входа на этот мыс, смогла бы обстреливать с тыла весь правый фланг противника. Действительно, она принудила его сосредоточиться между редутом и деревней, переменив фронт и отведя левый фланг назад. Этот маневр оставлял на левом фланге линии промежуток в 200 туазов, через который можно было совершить прорыв, что и было осуществлено. Ведомый полковником Кретэном, который стремился со славою вернуться в свой редут первым, Мюрат с 600 всадниками проник в этот промежуток. Между тем Ланюсс и Дестэн вели сильный артиллерийский огонь по центру и правому флангу противника. 18-й линейный, не вовремя брошенный в атаку, дрогнул в момент, когда редут был уже почти захвачен им, и оставил на гласисе 50 раненых. Турки, следуя своему обычаю, высыпали на гласис, чтобы отрубить головы этим несчастным и заслужить серебряный плюмаж. 69-я, возмущенная этой жестокостью, беглым шагом ринулась на редут и проникла в него. Кавалерия, пройдя между холмом Везир и деревней, ударила во фланг второй линии и прижала ее к морю. Ланн пошел прямо на деревню и закрепился в ней; оттуда он направился к лагерю паши, где находился резерв; вся эта оконечность полуострова превращается в поле резни, беспорядка и смятения. Паша, с ханджаром в руке, окруженный самыми отважными воинами, совершает чудеса храбрости; он получает тяжелую рану в руку от генерала Мюрата, которого в свою очередь ранит в голову выстрелом из пистолета. Наконец он уступает необходимости и сдается в плен с тысячью своих воинов. Остальные, охваченные ужасом, бегут от смерти, ищут спасение в волнах, предпочитая морскую пучину милости победителя. Сэр Сидней Смит едва не был захвачен в плен и с трудом добрался до своей шлюпки. Три бунчука паши, 100 знамен, 32 полевых орудия, 120 зарядных ящиков, все палатки, обозы, 400 лошадей остались на поле сражения. От трех до четырех тысяч беглецов направились к

форту, расположились в лежащей перед ним деревне и закрепились в ней. Все попытки выбить их оттуда не имели успеха.

Победа была полной. Главнокомандующий находился в редуте холма Шейх, когда неожиданным взрывом было уничтожено несколько пушек. Раздались тревожные крики – редут минирован; этот панический страх прошел через какую-нибудь минуту.

Полковник инженерных войск Кретэн был убит ружейным выстрелом; он был одним из лучших офицеров этого рода оружия. Командир 14-го драгунского полковник Дювивье был убит одним из офицеров паши, нанесшим ему удар ханджаром. Он покрыл себя славой; он был одновременно неустрашимым, дерзким и осторожным; это был один из лучших кавалерийских офицеров Франции. Генерал Мюрат, получивший тяжелое ранение, больше всех способствовал славному исходу этого сражения. Главнокомандующий сказал ему на поле сражения: «Разве кавалерия поклялась сделать сегодня решительно все?». Адъютанту Жюиберу пробило грудь картечной пулей; тем, кто ободрял его, этот храбрый юноша ответил: «Мужества мне хватает, но я слишком страдаю». Командиру 18-го линейного полковнику Фюжьеру пушечным ядром оторвало обе руки. «Вы теряете одного из своих наиболее преданных солдат, – сказал он главнокомандующему, – когда-нибудь вы пожалеете, что не умерли, подобно мне, на поле сражения – смертью храбрых». [161]

Везира Мустафу доставили в лагерь у пристани и обращались с ним чрезвычайно любезно. На следующее утро главнокомандующий нанес ему визит, в результате которого паша направил в Константинополь тартану. Он посоветовал своему сыну и своему кахье, которые заперлись в форте, сдаться на капитуляцию, выговорив право вернуться с гарнизоном на эскадру. Это предложение было передано в форт; но османы единодушно отвергли его. Они поклялись оборонять эту позицию до последней крайности; пришлось заложить траншею. Дивизионному генералу Ланну было поручено руководить осадой, командиру саперного батальона Бертрану – заведовать инженерной частью, а полковнику Фотрие – командовать артиллерией. Главнокомандующий отправился в Александрию.

Потери французов в этом сражении составили 200 убитыми и 550 ранеными. Турки потеряли в нем почти всю свою армию: 2000 убитыми, 3000 пленными, 10 000 – 11 000 утонувшими; из ее состава спаслось самое большее 1200 человек (считая и гарнизон форта). Две небольшие английские пушки, подаренные

королем Англии султану Селиму, были переданы кавалерийской бригаде; на них выгравировали слова главнокомандующего, имена Мюрата… [162] Дювивье и номера кавалерийских полков.

VIII

Паша Мустафа осудил упрямство своего сына. Он снова написал ему, чтобы довести до его сознания, что тот не прав, не желая предотвратить пролитие драгоценной крови и воспользоваться своим положением, чтобы спасти храбрецов, которыми командовал. Для передачи этого письма было достигнуто соглашение о прекращении огня на несколько часов. Командир батальона Бертран воспользовался им, чтобы провести рекогносцировку форта, но вскоре после этого снова завязалась перестрелка. Осажденные захватили несколько домов, которые были им нужны; возмущенный этим генерал Ланн хотел было выбить их оттуда, но военный инженер Бертран отговорил его: «Зачем нести потери в бою против отчаянных людей? Предположим, что нам это удастся – все равно в следующие дни придется опять нести потери, чтобы удержаться в деревне. Нужно оставить осажденных в покое на 2-3 дня, то есть на столько времени, сколько требуется, чтобы заложить траншею. Тогда противник будет удержан за оградой своего форта, причем это не будет стоить осаждающим ни единого человека».

28 июня противник, гордый своим небольшим успехом, сделал вылазку и захватил еще несколько домов деревни; после этого он стал дерзким и предпринял еще одну вылазку, угрожая редуту на холме Шейх. Ланн не смог удержаться, пошел на врага и отбросил его, но был ранен ружейной пулей, что вынудило его покинуть осадный лагерь. Генерал Мену принял от него командование. Траншея была заложена уже несколько дней назад, батареи – сооружены, их собирались размаскировать, когда осажденные, сделав новую вылазку, овладели одним из плацдармов. Генерал Даву, находившийся в траншее, атаковал противника во главе резерва, отбил деревню и отбросил осажденных в форт. Тогда вступили в действие три батареи тяжелых орудий и две батареи мортир. В ночь на 30-е минеры углубились в землю, чтобы взорвать контрэскарп. Но 2 августа на рассвете, без капитуляции, осажденные вышли толпой из форта, прося о пощаде. Этим несчастным не хватало воды; форт был завален 1200 трупами и телами более 1800 умирающих. Столь большое количество турецких раненых было обременительно. Их вернули на их флот, что послужило поводом к переговорам между штабами. Мустафа-паша сообщил, что уже полгода назад в Европе возобновилась война и что французские армии повсюду были разбиты. Английский коммодор передал пачку английских

и франкфуртских газет; они содержали известия, относящиеся к апрелю, маю и июню месяцам.

Порта с полным основанием была недовольна и заявила о своем недовольстве коммодору сэру Сиднею Смиту, которого винила в этом гибельном предприятии. Джеззар также укорял его за то, что был им втянут в несколько неосторожных операций, стоивших ему больших потерь. Янычары с Кипра и судовые экипажи обвиняли вице-адмирала Патрона-бея в попустительстве и повиновении неверным, а потому предали его смерти. На что рассчитывал сэр Сидней Смит, советуя провести столь ошибочную операцию? Завоевать Египет посредством 18 000 человек недисциплинированной пехоты, без кавалерии, без артиллерийских упряжек? Побудить французскую армию вступить в переговоры о возвращении ее в Европу? Но он не мог не знать, что хозяином положения является Наполеон. Следовательно, его поведение нужно приписать полному невежеству этого офицера в вопросах сухопутной войны. Несколько месяцев спустя он совершил еще большую ошибку, бросив на верную гибель на взморье у Дамиетты прекрасную дарданелльскую дивизию янычар. Если сэр Сидней Смит не проявил ни здравого смысла, ни разума в этой войне, то он выказал способность к интригам, ловкость и энергию в переговорах, которые происходили в Аль-Арише и в последующий период; он сумел напустить на себя важность и покорить этим Клебера.

Генералы Мюрат и Ланн были произведены в чин дивизионных, полковник Фотрие – в чин бригадного генерала, а Бертран – в чин полковника [163] .

Газеты, которые любезно передал английский коммодор, сообщали о всех недугах, от которых страдала республика. Вторая коалиция оказалась победоносной; армии России и Австрии разбили генерала Журдана на Дунае, Шерера на Адидже, Моро – на Адде. Цизальпинская республика была уничтожена, Мантуя – осаждена; казаки достигли альпийской границы; Массена с трудом удерживался в горах Швейцарии.

Было совершено третье покушение на конституцию – якобинцы из «Манежа» [164] подняли голову, и при виде их Вандея взялась за оружие. С национальной трибуны громко призывали на помощь отечеству главнокомандующего Итальянской армии [165] . Варвар, залитый кровью несчастных поляков, нагло угрожал французскому народу. Нельзя было больше терять ни минуты; Наполеон решил отправиться на родину и спасти ее от ярости иностранцев и собственных сынов. От него не укрылось, что разгром французских армий был

результатом плохих военных планов, принятых в Париже. Если бы армии Дунайская, Гельветская и Нижнерейнская составляли единую массу, если бы Неаполитанская и Итальянская армии соединились в марте на Адидже, республика не испытала бы никаких поражений. Русский полководец, который в апреле победил на Адидже, в июне допустил прибытие Неаполитанской армии на По… [166] Наполеон понял, что при виде его все переменится; три дня – 18 фрюктидора, 22 флореаля и 30 прериаля, – уничтожили конституцию 1795 года, которая не представляла собой более никакой гарантии ни для кого; ему будет легко стать во главе республики; он был полон решимости по прибытии в Париж, придать ей новую форму и удовлетворить общественное мнение нации, которое с 1798 г. призывало его возглавить правительство. Закон 22 флореаля 1798 г. развеял все республиканские иллюзии, какие у него были.

Глава XII Возвращение Наполеона на Запад

I. Наполеон принимает решение вернуться в Европу. – II. Контрадмирал Гантом формирует легкую эскадру. – III. Клебер назначается командующим Восточной армией. – IV. Нужно уважать религию Пророка. – V. Инструкции об обороне границ. – VI. Планы наступления и обороны границ. – VII. Политические инструкции. – VIII. Прибытие во Фрежюс 9 октября 1799 г. на рассвете.

I

Пока существует эта вторая коалиция и Франция вынуждена вести войну на своих границах, она не сможет оказать никакой помощи Восточной армии и Порта не пожелает прислушаться к каким-либо предложениям; поэтому окажется невозможным что-либо предпринять в Азии; придется ограничиться удержанием Египта, улучшением управления им, увеличением средств обороны его. Впрочем, Египту ниоткуда ничто не угрожало. Туземцы подчинились, большинство их привязалось к французам. Мамлюки ничего более не значили. Две армии, сформированные Портой в начале кампаний – в Сирии и на Родосе, были уничтожены. Первая потеряла 6000 человек в различных боях в районе Аль-Ариша, 8000 – в Яффе, 6000 – в Сен-Жан-д\'Акре; 30000 были рассеяны у горы Табор; сорок орудий, составлявших парк ее полевой артиллерии, были захвачены в Яффе, равно как и ее склады и запас бурдюков. Вторая армия потеряла в Сен-Жан-дАкре 12 000 человек, а именно: 4000, составлявших первые два отряда, выделенные из состава этой армии на помощь гарнизону крепости, и 8000, прибывших 7 мая; 18 000 погибли только что на поле Абукирского сражения; в этом сражении был также захвачен парк ее полевой артиллерии в составе 32 орудий и пленен ее главнокомандующий – везир Мустафа, румелийский паша. Порта не имела более ни одного организованного войскового соединения, если не считать семи или восьми тысяч янычар, составлявших арьергард родосской армии, которые не успели прибыть в Абукир и находились в Дарданеллах. Великий везир, покинув Константинополь, переправился через Босфор и стал лагерем в Скутари с 4000 человек, составлявших его свиту. Ему нужно было много времени, чтобы собрать новую армию. Янычары Порты были не в силах бороться с французской армией. Несомненно, что в Египет могли прибыть европейские войска, которые высадились бы в Абукире или в Дамиетте, но с того

момента, как вторая коалиция возобновила военные действия, Египет стал второстепенным объектом. В дальнейшем Англия стремилась отвоевать Египет в Милане, в Амстердаме или в Брюсселе, быть может, на равнинах Фландрии или Шампани.

Французская армия потеряла с 1 января 1799 г. в Сирии 700 человек, умерших в госпиталях, особенно от чумы, и 700 человек, убитых на полях сражений; кроме того, 200 человек, раненных в Сирии, умерли в госпиталях Египта. 650 человек было убито в Верхнем и Нижнем Египте на полях различных сражений или же умерли от ран (сюда входят и потери у Абукира); 400 человек умерло в госпиталях от болезней; следовательно, армия потеряла 2750 человек. Мы уже сказали, что на 1 января 1799 г. она насчитывала 29700 человек, значит, на 1 сентября 1799 г. оставалось 27 050 человек, в том числе 400 старослужащих солдат, годных, однако, для несения гарнизонной службы в крепостях. Кавалерия насчитывала 3000 коней, могущих участвовать в кампании; артиллерия располагала весьма значительной материальной частью, способной обеспечить восполнение потерь, понесенных в нескольких кампаниях. Действовали арсеналы в Александрии и Газе; в госпиталях и лазаретах дело было поставлено не хуже, чем во Франции. Армия могла выставить на поле сражения 24000 человек, не считая вспомогательных отрядов численностью в 2000; 3050 человек были либо старослужащими, либо больными, либо нестроевиками, либо состояли в кадрах запасных частей. Экипажи Александрийской и Нильской флотилий сюда не включены.

Покидая Францию, главнокомандующий был облечен военной властью. Ему была предоставлена от правительства свобода действий как в отношении мальтийских дел, так в отношении египетских и сирийских, равно как и константинопольских и индийских. Он имел право назначать на любые должности и даже избрать себе преемника, а самому вернуться во Францию тогда и так, как он пожелает. Он был снабжен необходимыми полномочиями (с соблюдением всех форм и приложением государственной печати) – для заключения договоров с Портой, Россией, различными индийскими государствами и африканскими владетелями. В дальнейшем его присутствие являлось столь же бесполезным на Востоке, сколь оно было необходимо на Западе; все говорило ему, что момент, назначенный судьбой, настал!!!

II

Он посвятил в свое решение совершить переход в Европу контр-адмирала Гантома и приказал ему приготовить два фрегата – «Мюирон» и «Карэр» – и две маленькие шебеки – «Реванж» и

«Фортюн». Оба фрегата были венецианской постройки, и тоннаж их несколько превышал тоннаж французских 44-пушечных фрегатов. Этот небольшой отряд был снабжен трехмесячным запасом воды и четырехмесячным запасом продовольствия для экипажей и 400 пассажиров.

Пока в александрийском арсенале шли эти приготовления, главная квартира достигла Каира. Везир Мустафа прибыл туда несколькими днями раньше. При виде трофеев Абукирского сражения население Каира почувствовало удовлетворение. Наполеон чрезвычайно энергично заботился о всех нуждах армии. Он приказал закупить все имевшиеся каркассонские и ландресийские сукна любого цвета, ибо найти синие не представлялось возможным, и сам определил новые цвета мундиров каждого полка. Он внес в управление страной некоторые изменения, подсказанные опытом. Однако в ряде важных вопросов разбирались еще слишком плохо, чтобы можно было осуществить более значительные перемены. Трудности языкового характера и нежелание коптов давать разъяснения намного замедлили познание финансовых дел. Праздник Пророка был отмечен с торжеством, которое вызвало самую горячую признательность везира Мустафы и офицеров, плененных будь то в Абукире или в Сирии. На следующий день после этого праздника главнокомандующий отправил нескольких, лучше всего настроенных, из числа этих офицеров в Константинополь и Мекку. Их рассказы вызвали сенсацию, благоприятную для французов.

Комиссия наук и искусств ожидала подчинения Верхнего Египта, чтобы совершить туда путешествие. Господин Денон, сопровождавший главную квартиру Дезэ, вернулся. Зарисовки и заметки, находившиеся в его портфеле, возбудили дух соревнования в других ученых и художниках. Члены комиссии разместились на трех джермах, хорошо меблированных и вооруженных; они осмотрели, зарисовали и описали памятники Верхнего Египта. Они провели несколько месяцев в этом интересном путешествии, которого Европа дожидалась уже столько веков.

Контр-адмирал Гантом прислал донесение, датированное 13 августа, в котором говорилось, что все четыре судна будут готовы выйти в море 20-го; но что, однако, не следует надеяться на возможность сделать это с какими-либо шансами на успех до ноября месяца; тогда ветры станут дуть с юга, а длинные ночи будут благоприятствовать переходу. Но 19 августа, в 5 часов утра, в Каир прибыл дромадер с курьером генерала и доставил депешу, в которой говорилось, что, по счастливой случайности,

английские корабли, крейсировавшие перед портом, неожиданно исчезли, оставив для наблюдения за ним только маленький бриг; что в результате этого 24-го в полдень его отряд станет на якорь вне фарватеров; что необходимо прибыть на побережье 24-го, до полудня, чтобы он смог выйти в море, и, воспользовавшись ветрами с суши, удалиться от берега. Это известие оставило главнокомандующему лишь столько времени, сколько нужно было, чтобы продиктовать свои последние инструкции и указать лиц, которые должны были сопровождать его; нельзя было терять ни минуты, чтобы воспользоваться этим счастливым стечением обстоятельств.

III

Генерал Дезэ был офицером, наиболее способным командовать Восточной армией, но он мог принести больше пользы во Франции. На втором месте стоял Клебер, третьем – Ренье. Наполеону пришла было мысль увезти во Францию всех троих, поручив командование армией генералу Ланюссу; но, учитывая опасности, связанные с переходом, он понял, что будет правильнее предоставить командование Восточной армией способному полководцу; выбор его пал на генерала Клебера. Одновременно он продиктовал три памятные записки о положении дел и своих планах. Первая заключала в себе принципы, которые руководили им при управлении Египтом. В этой записке говорилось:

IV

Внутреннее управление

Араб – враг турок и мамлюков. Последние правили им только силой, власть их была только военной; турецкий язык столь же чужд туземцам, сколь и французский. Арабы считают себя от природы выше османов. Улемы, великие шейхи являются вождями арабской нации; они пользуются доверием и симпатией всех жителей Египта, и именно это во все времена возбуждало такую зависть турок и мамлюков и побудило последних держать их вдали от общественных дел. Я не счел нужным подражать этой политике. Мы не можем претендовать на то, чтобы оказывать непосредственное влияние на народы, которым мы столь чужды; мы должны дать им вождей, не то они выберут их сами. Я предпочел улемов и докторов богословия – во-первых, потому, что они являются естественными вождями народа; во-вторых, потому, что они являются толкователями Корана и что самые большие препятствия, с которыми мы столкнулись и еще столкнемся, порождены религиозными идеями; в-третьих, потому, что улемы – люди мягкие, любящие справедливость, богатые и придерживающиеся высоких моральных принципов. Это,

бесспорно, самые честные люди страны. Они не умеют ездить верхом, не приучены ни к каким военным маневрам и мало пригодны к тому, чтобы возглавить вооруженное движение. Я заинтересовал их в моей системе управления. Я воспользовался ими, чтобы обращаться к народу, я образовал из них диваны правосудия; они явились тем средством, которым я воспользовался для управления страной; я увеличил их богатства; я при всех обстоятельствах выказывал им величайшее почтение. Однако тщетно было бы заботиться таким образом о них, не проявляя самого глубокого уважения к религии ислама и допустив эмансипацию коптов – христиан, православных и католиков, которая изменила бы существующие отношения. Я желал, чтобы они проявляли еще больше покорности и уважения к учреждениям и лицам, связанным с исламом, чем это было в прошлом.

Порта обладала правом назначения всех кади. Я встретился с немалыми трудностями, когда решил изменить этот обычай и побудить улемов воспользоваться вновь прерогативой, которую они потеряли. Важно сохранить то, что мною сделано. Каир – «второй ключ» к священной Каабе; Мекка – центр магометанства. Политика константинопольских султанов состояла в дискредитации шерифа Мекки, ограничении и прекращении сношений улемов с Меккой. Мои интересы, естественно, толкали меня к ведению противоположной политики. Я оживил древние обычаи, приобрел дружбу шерифа и сделал все возможное для расширения и укрепления связей между мечетями и священным городом. Нужно не жалеть никаких усилий, чтобы убедить мусульман в том, что мы любим Коран и уважаем Пророка. Одно плохо обдуманное слово или действие могут уничтожить все, достигнутое за несколько лет. Я никогда не разрешал представителям администрации непосредственно воздействовать на персонал мечетей или принимать какие-либо меры в отношении их имущества. В таких случаях я всегда обращался к улемам и предоставлял действовать им. Во всех спорных вопросах французская власть должна быть на стороне мечетей и религиозных учреждений. Лучше потерять некоторые выгоды, но не давать повода для клеветы на секретные решения администрации по столь деликатным вопросам. Это средство было наиболее сильным из всех и всего более способствовало популярности установленного мною режима. Шестимиллионная контрибуция, которую мне пришлось наложить при моем прибытии на город, вызвала меньше ропота и была выплачена легче, чем это могло бы быть, потому что для распределения и взыскания ее я использовал только шейхов, и жители с

удовлетворением отметили отсутствие притеснений и всякого рода актов произвола, которые бесчестили управление турок и мамлюков.

Копты ведают финансовыми делами и сбором податей; следует оставить за ними эти функции и следить за тем, чтобы турки не вмешивались в эту важную область управления, которую надо будет со временем передать в руки европейцев. Мамлюки не существуют более как самостоятельная сила, они могут пригодиться в качестве подчиненного ополчения; это прирожденные враги арабов и шейхов; они могут оказать услуги во многих случаях. Мурад-бея и Ибрагим-бея можно будет привлечь на нашу сторону, возведя их в княжеское достоинство; других беев – произведя их в генеральский чин и вернув им их владения. Нужно, однако, следить за тем, чтобы беи никогда не располагали вместе больше чем 900-1000 всадниками. Их будут использовать вместе с шестью полками кавалерии на дромадерах, сформированными на этот предмет – для сдерживания арабов пустыни. Нужно овладеть всеми колодцами шести пустынь, чтобы непосредственно управлять всеми этими кочевыми племенами.

Не следует упускать из виду, что Александрия должна стать со временем столицей страны. Нужно, следовательно отдавать предпочтение розеттскому рукаву Нила перед дамиеттским; пускать в Бахейру больше воды, хотя бы и за счет Шаркии; восстановить канал Рахмания – Александрия; наконец, покровительствовать александрийскому порту, предоставив ему монополию на торговлю с Европой и восстановив все его древние связи с Нижним Египтом, Файюмом и Бахейрой; постоянные фортификационные сооружения, склады, госпитали, арсеналы, ветряные мельницы, мануфактуры следует строить по преимуществу в Александрии, где нужно всеми средствами создать многочисленное население из греков, евреев и сирийских христиан.

Нужно покровительствовать Суэцу в ущерб Косейру, превратив его в единственное складочное место для импортного кофе и пряностей и экспортных товаров из Европы и Нижнего Египта. Торговля Косейра должна быть ограничена экспортом продукции Верхнего Египта. Нужно незаметно приучить страну к набору рекрутов для сухопутной армии и военно-морских сил. Особенно важно ежегодно приобретать несколько тысяч чернокожих из Сеннара и Дарфура и включать их в состав французских полков, по 20 человек на роту. Привыкшие к пустыне, к жаре экваториального пояса, они после трех-четырех лет обучения станут хорошими солдатами, преданными солдатами. Нужно приноровиться к обычаям людей Востока,

отказаться от шляп и узких штанов и придать обмундированию наших солдат известное сходство с одеянием магрибинцев и арнаутов. Одетые таким образом, они приобретут в глазах жителей характер национальной армии; и это будет соответствовать существующему в стране положению.

V

Фортификационные сооружения

На Египет не может быть совершено нападение со стороны южной границы. Если несколько тысяч лет назад он был завоеван вторгшимися эфиопами, то это потому, что в верхнем течении Нила жили в то время многочисленные и могущественные нации, от которых нам остались только те величественные развалины, что можно видеть на острове Мероэ и на равнинах Сеннара. В равной мере на него не может быть совершено нападение и со стороны западной границы. Правда, в X веке с этой стороны явились халифы – Фатимиды; но это потому, что в то время в Киренаике и стране мариотов имелись большие города и большое население, которые в настоящее время не существуют. К тому же Фатимидам не пришлось прибегнуть к силе; чтобы утвердиться в Египте, они воспользовались только влиянием религиозных воззрений. Дерна – первый город, который встречаешь сейчас на этой границе; он населен 7000 арабов и отделен от Александрии более чем 150 лье пустыни. Красное море прикрывает Египет с востока; это препятствие тем более значительно, что долина Нила отделена от Красного моря крутыми горами и безводными пустынями. Со стороны востока туда можно проникнуть, только перейдя через Суэцкий перешеек по маршруту: Газа – Аль-Ариш – Катия – Салихия. Этот путь проходит через пустыню протяжением в 70 лье, которая шесть месяцев в году почти непреодолима для армии и во всякое время года требует для прохода через нее большого количества верблюдов и бурдюков.

Положение Египта – в своем роде единственное. При протяжении сухопутных границ в 600 лье на него можно напасть только по одному пути. Именно по этому пути и вторгались в него Камбиз и его преемники – цари Персии, цари Сирии, а после них – Александр, Селевкиды, грозные мусульмане, багдадские халифы, татары, османы. Крепость в Аль-Арише, другая, меньшая, – в Катии, форт в Салихии, небольшой форт в вади Тумилат, шесть башен у каждого из промежуточных колодцев от Аль-Ариша до Салихии и от Салихии до Суэца намного увеличили бы значение естественного препятствия, каким является эта граница.

Я приказал разрушить деревню Аль-Ариш; нужно завершить сооружение каземата в форту, а также контр-эскарповой галереи,

контрэскарпов и реданов из кирпича, чтобы прилегающие к форту лощины перестали служить прикрытием и простреливались артиллерией.

Вооружение [167]

	Орудия калибра, превышающего 12-фунтовый	Орудия меньшего калибра	Гаубицы или мортиры	Всего орудий	Численность гарнизона
Аль-Ариш.....	6	9	6	23	400 человек
Катия.....	2	6	2	10	150 »
Салихия.....	4	6	4	14	200 »
Шесть башен	0	12	0	12	120 »
Вади Тумилат	2	6	2	10	130 »
Итого	14	39	16	69	1000 человек

Северная граница прикрыта Средиземным морем. На этом побережье протяжением в 120 лье высадка десанта может быть проведена только в трех пунктах: Александрии, Абукире и Дамиетте. Александрия, будучи крепостью, административным центром и узлом обороны, не может быть захвачена врасплох; марабутский пляж входит в систему ее фортификационных сооружений. Пока французская армия владеет этим городом, ей можно оказывать поддержку и Египет не может быть потерян безвозвратно. В качестве временной меры нужно восстановить стену Арабов, прикрыть ее контрэскарповой галереей и гласисом; отрыть у подножья стены глубокий ров шириной в десять туазов и глубиною в три, заполнив его водой из моря; построить четыре форта: один – впереди Розеттских ворот, один – у Помпеевой колонны, один – промежуточный и четвертый – со стороны форта Бань; прикрыть эти форты затопляемыми участками и рвами, полными воды, казематированным редутом на 200 человек. Форт мыса Смоковница, который должен быть закрытым со стороны горжи, форт Бань, форт Турецкий, форт Треугольник, Маяк, Малый Маяк, форт Турецкий в новом порту, оконечность стены Арабов – всего восемь фортов, будут иметь восемь береговых батарей, которые станут оборонять оба порта, причем огонь их будет перекрестным (на дистанции в 1500 и 1000 туазов). Форт Марабут имеет особенно большое значение, поскольку он защищает входы в фарватеры и пляж, пригодный для высадки десанта. Снеся мечеть, находящуюся на острове, и превратив ее в хороший каземат, можно придать этому форту исключительную

обороноспособность. Как только это станет возможным, нужно будет перегородить стеной обе набережные старого и нового порта, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения и в целях экономии средств, необходимых для обороны. Триста орудий всех калибров, гарнизон численностью в 6000 человек, в том числе 300 кавалеристов, 3000 моряков, составляющих экипажи военных кораблей и судов флотилии; 200-300 канониров на суше, 1000 старослужащих солдат и личного состава запасных частей, 1500 человек хорошей пехоты – явятся для этой крепости гарантией от всякого нападения. Абукир защищен фортом, который в нынешнем своем состоянии слишком слаб. Необходимо сделать его способным обороняться в течение двух недель после заложения траншеи, путем сооружения кирпичных верков. На острове Аль-Бекейр нужно построить казематированную башню, служащую укрытием для состава береговой батареи, способной обстреливать открытое море и внутренний рейд; то же самое надо сделать у входов в озеро Мадия. На холме Колодезь надо соорудить форт, вроде форта Кретэн, прикрывающий береговую батарею.

Вооружение

	36-и 24-фунтовые пушки	16- или 12-фунтовые пушки, стреляющие каленными ядрами	Мортиры	Гаубицы или пушки малого калибра	Всего	Гарнизон
Форт Абукир...	8	2	3	6	19	200 человек
Остров Аль-Бекейр....	10	2	3	3	18	180 »
Форт у входа в оз. Мадия.....	4	2	2	3	11	130 »
Форт Колодезь	6	2	2	4	14	150 »
Итого	28	8	10	16	62	660 человек

Самим фактом своего существования эти укрепления предотвратят высадку десантов, ибо пляж и рейд окажутся под перекрестным огнем батарей, стреляющих ядрами, снарядами и бомбами. В случае появления вражеской эскадры гарнизон Александрии выделит два батальона численностью в 400 человек каждый, эскадрон численностью в 180 человек и 8 полевых орудий, к которым присоединятся 6 полевых орудий трех фортов, что в общей сложности составит 14. Маневрируя между фортами, этот подвижной отряд сделает невозможной высадку какого бы то ни было десанта. В Дамиетге высадка десанта может быть

осуществлена только в лучшее время года, но и в это время случается, что на рейде суда не держатся на якорях. Вооружение башни посреди богаза и завершение укрепления Лесбэ, наконец, несколько прам [168] или канонерских лодок, поставленных на шпринг в фарватерах, смогут защитить этот пункт, менее важный, чем другие; будет достаточно 500 человек и 36 орудий всех калибров, включая шесть полевых.

Обеспечив оборону трех единственных пунктов, где может высадиться армия, надо позаботиться о каботажном судоходстве и прежде всего об отбытии и прибытии посылочных и торговых судов, чтобы поддерживать связь с Францией. С этой целью надо занять: 1) Аль-Баретун, где имеются развалины, вода, деревья, хорошая гавань; 2) два пункта на побережье между портом и Александрией – для охраны каботажного судоходства. Форт Юлиан является достаточной зашитой для розеттского фарватера. У выхода из буруллусского фарватера нужно поставить башню с двумя 18-фунтовыми пушками, полевым орудием, гарнизоном в 30 человек и плоскодонную канонерскую лодку, вооруженную двумя тяжелыми орудиями, могущую господствовать над озером и стать на шпринге у входа в него под защитой башни; то же самое надо сделать на озере Манзала, у входов в него в пунктах Диба, Омфара и Пелузий, что составит восемь тяжелых орудий, восемь 18-фунтовых пушек, четыре полевых орудия и 200 человек. В мои намерения входит направлять суда на Аль-Баретун и озеро Манзала. Завидев гору Кармель, эти суда пойдут вдоль побережья пустыни на Тину и станут разгружаться у берега озера.

VI

Оборона Египта

На Египет могут напасть: 1) армия, которая сосредоточится в Сирии, выступит из Газы, перейдет через пустыню Суэцкого перешейка и выйдет в долину Нила; 2) армия, которая высадится на побережье Средиземного моря; 3) обе упомянутые армии, действующие согласованно, причем одна, выйдя из Газы, проникнет в пустыню, а другая высадится на побережье Средиземного моря. Турецкая армия предпочтет первый способ, английская – второй; если же встанет вопрос о принятии третьего, то турки будут действовать со стороны пустыни, а англичане – со стороны моря.

1) Камбиз, Ксеркс, Александр Великий, Амр, император Селим вступили в Египет во главе одной армии, пройдя пустыню от Газы до Пелузия. Артаксеркс – царь Персии – напал на него с двумя армиями, из которых одна перешла через пустыню, а другая высадилась у Дибы; но он был разбит и потерпел неудачу. Один из его преемников – Ох – вторгся в Египет с тремя армиями;

действовавшая с моря вошла в Нил и высадилась у Коровьего Брюха; вторая обложила Пелузий, готовясь к осаде его, третья двинулась на Бир-Сабу. Египетский царь пошел против колонны, высадившейся у Коровьего Брюха, но она успела уже закрепиться там. Он соединил свои три армии, захватил Мемфис и всю страну. Антигон – один из преемников Александра – двинулся по суше из Газы на Пелузий, а сын его – по морю; но флот был рассеян бурей, что обрекло экспедицию на неудачу. Антиох был разбит у Рафии Птолемеем Эвергетом, который перешел через пустыню и двинулся ему навстречу. Людовик Святой и Наполеон напали на него [169] с моря – одной армией; первый высадился в Дамиетте и после годичной кампании был разбит и пленен мамлюками. Второй высадился у Марабута, в первый же месяц овладел всем Нижним Египтом и столицей, а затем всей страной; он уничтожил власть мамлюков.

Турция – больше не государство; это совокупность независимых пашалыков, управляемых в соответствии со взглядами, интересами и страстями пашей. Она не может больше выставлять многочисленные армии, подобные тем, которые ужасали Европу в прежние века. Турецкое ополчение не имеет ни дисциплины, ни организации, ни боевой подготовки, ни тактики. Пятьдесят или шестьдесят тысяч человек, из которых половина на конях, а половина – пешие, вооруженных ружьями всех калибров и холодным оружием всех видов, образуют толпу, но не заслуживают названия армии. Турция способна выставлять только армии вроде той, что действовала у горы Табор; высаженная в Абукире была составлена из отборных европейских войск. В турецкой армии численностью в 60 000 человек находится в строю едва 40 000 бойцов; она не способна выдержать удар французской дивизии численностью в 6000 человек. Она обложит Аль-Ариш своим авангардом и эшелонирует свои дивизии, расположив их у колодцев Зави, Рафия и Хан-Юнус; ей потребуется 20 дней, чтобы взять Аль-Ариш; такой же срок понадобится ей и для взятия Катии. У французской армии будет время сосредоточиться в лесу Катии и ожидать противника у границ пустыни. Заняв такую позицию, 20000 солдат Восточной армии разобьют 200000 турок и отбросят их в пустыню.

2) Если английская армия захочет в одиночку завоевать Египет, численность ее должна составить 35 000 пехотинцев, 3000 кавалеристов, 1000 артиллеристов и штабных. Она высадится в Абукире, овладеет фортом Юлиан, городом Розеттой, озером Мадия. Обеспечив, таким образом, свои коммуникации, она осадит Александрию; она сможет взять эту крепость, прежде чем французская армия закончит концентрацию своих сил, или же

разбить эту армию, если та попытается заставить ее снять осаду. Со взятием Александрии Египет будет потерян для Франции. Не покинув морского побережья, не потеряв из виду мачт своих кораблей, англичане завоюют эту прекрасную страну и гарантируют от нападения свои владения в Индии. Но в настоящее время Англия не может свободно располагать своей армией; она необходима ей для того, чтобы сдерживать Ирландию и охранять Португалию; формирование подобной армии, которое придется осуществить на Темзе, чтобы она могла действовать на Ниле, поглотит огромные суммы.

3) Поэтому более вероятно, что если Египет подвергнется серьезному нападению, последнее явится комбинированной операцией. Турецкая армия численностью в 40 000 – 50 000 человек перейдет через пустыню из Газы в Салихию, 15-тысячная английская армия, имеющая в своем составе 500 кавалеристов и 500 артиллеристов, высадится на берегу Средиземного моря. Общая численность этих армий вдвое превысит численность Восточной армии. Какое время года наиболее благоприятно для подобной операции? В каком пункте побережья должна будет высадиться английская армия? Операция должна начаться 1 апреля; турецкая армия двинется на Аль-Ариш, заложит траншею; довольствие и осадный парк будут доставляться ей водным путем; после весеннего равноденствия море спокойно. По взятии Аль-Ариша она обложит Катию; и туда все необходимое для нее сможет подвозиться морем – это будет в мае. Английский флот станет на рейде Дамиетты. В его ставе будут канонерки, вооруженные 24-фунтовыми орудиями и имеющие осадку самое большее в 18 дюймов; эти канонерки войдут в озеро Манзала через три входа, овладеют им и вступят в сношения с турецкой армией. Английская армия займет позицию перед Дамиеттой позади Ашмунского канала; или же соединение двух армий совершится не так далеко – либо путем передвижения турецкой армии из Катии через косу, отделяющую озеро Манзала от моря (с наведением понтонных мостов через три входа в это озеро), либо путем комбинированного движения в район, лежащий впереди озера.

Как только этот план противника будет раскрыт, вся французская армия сосредоточится у Салихии; для этого ей потребуется несколько недель; ей придется эвакуировать Верхний Египет. Из лагеря у Салихии она двинется на Аль-Ариш, чтобы снять с него осаду и разбить турецкую армию, или же на Катию, если Аль-Ариш уже будет взят; или же, наконец, она выступит навстречу английской армии, чтобы атаковать ее до соединения с турецкой. На случай поражения она должна подготовить свое

отступление на Александрию через дельту. Она может оборонять местность, изрезанную рукавами Нила, и выиграть время, необходимое для завершения эвакуации Каира. Она должна обороняться в Александрии до последней крайности, ибо сменяющиеся дни не похожи друг на друга; случайности изменяют политическое положение наций; наконец, чем больше французская армия затянет свое сопротивление, тем дольше будет она держать скованной английскую армию, а потери последней будут все возрастать.

Но если вместо высадки в Дамиетте английская армия высадится в Абукире, шансы будут более благоприятны для французской армии. В этом случае ей будет необходимо сосредоточиться у Александрии за возможно меньшее число дней и атаковать английскую армию до овладения последней фортом Абукир. Если французская армия одержит победу, Египет будет спасен; если же, напротив, она будет разбита, ей придется предоставить Александрию собственным силам, поспешно двинуться к Салихии – навстречу турецкой армии, разбить последнюю, прогнать в пустыню и затем снова повернуть на англичан; в этом положении родина еще может быть спасена. Но если французская армия снова будет разбита (турками), ей останется только одно: сосредоточиться в Александрии и обороняться там до последней крайности. Этот анализ показывает, сколь важно владение Аль-Аришем, который я считаю аванпостом или же одним из ключей страны. Оно будет разделять и держать в отдалении одна от другой две армии: ту, которая перейдет через пустыню, и другую, которая высадится на побережье Средиземного моря.

VII

Политика

Нужно назначить поверенных в делах в Сеннар, в Абиссинию, в Дарфур. Я предложил государям этих стран направить таковых в Египет. Все их сношения с Египтом являются торговыми; но, помимо коммерческих целей, я имел еще одну – приобрести средства к проникновению во внутренние области Африки и организации регулярной ежегодной закупки 10 000 рабов в возрасте от 14 до 18 лет. 20 000 будут включены в состав армии – по 20 на роту, а остальные образуют вспомогательные отряды с французским ядром. Это заменит подкрепления, если республика не сможет прислать таковых. Я приказал уже схватить две тысячи молодых мамлюков-рабов, – все они принадлежат сирийским вельможам. Их можно без промедления распределить по частям.

Республика имеет консула в Триполи; нужно настаивать на том, чтобы власти Туниса и Триполи направили в Каир

поверенных в делах. Агенты этих властей будут очень полезны для установления сношений с Европой.

Султан Селим был принужден к войне с Францией; диван расположен к нам; гибель сирийской и родосской армий сняла с его глаз пелену. Это были лучше всего обученные войска империи; в состав их входило несколько полков европейского образца – все они погибли. Канониры, обученные на французский манер, и 80 пушек, отлитых нашими рабочими, представляют для Порты чувствительные потери; глаза ее теперь раскрыты, и она содрогается от ужаса при виде русских. Напишите великому везиру, что мы не хотим сохранить за собой Египет, что мы пришли туда только как в караван-сарай на пути в Индию. Через Каир ежемесячно проходят люди с положением – паломники, которые возвращаются из Мекки, – переправляются через Красное море, высаживаются в Косейре, спускаются по Нилу к Каиру и садятся на суда в Дамиетте. Встречайте их с почетом, сводите их с теми из великих шейхов, которые наиболее расположены к нам; поручайте им передавать Порте письма и устные послания – вы добьетесь успеха, если подле великого везира окажутся благодаря вам французские агенты, могущие информировать вас и противодействовать интригам англичан.

Вы должны заняться просвещением армии и уничтожить призраков, которых создает недоброжелательство. Россия не является противницей египетской экспедиции. Царь был бы настроен по отношению к Восточной армии скорее благожелательно, чем враждебно, если бы это не скомпрометировало его и не создало ему репутацию бесхарактерности. В действительности Египет представляет собой яблоко, которым раздор пользовался и будет пользоваться, чтобы заставить французов и османов браться за оружие. В случае поражения Восточной армии и эвакуации Египта дружба между обеими нациями снова стала бы такой, какой была она со времен Франциска I, ибо турки хорошо знают, что нас интересует не их территория, а Индия; что мы не стремимся унизить на берегах Нила полумесяц, а преследуем там английского леопарда. Следовательно, Россия никогда ничего не предпримет против этой армии.

Одни лишь англичане искренне желают прежде всего изгнать нас из Египта; но они упустили эту возможность. Поскольку вторая коалиция возобновила войну в Италии, Германии и на Севере, они нуждаются в своих вооруженных силах, чтобы иметь возможность извлечь пользу из событий. Если вторая коалиция будет побеждена и мир на материке восстановлен, Англия сможет свободно располагать своими войсками, потому что у нее не

будет тогда других помыслов, кроме как о египетских делах и о своих интересах в Индостане. Но тогда она не будет больше пользоваться поддержкой Порты, которой придется тем больше считаться с Францией, чем полнее будет победа последней.

Чума – один из наиболее сильных врагов, представляющих угрозу для армии: в силу потерь, которые она причиняет; в силу ее морального воздействия на умы; в силу апатии, которая охватывает даже тех, кто излечивается от нее. Следует не допускать каких-либо отступлений от марсельских санитарных правил и тщательно следить за лазаретами.

VIII

Депеша адмирала Гантома, назначавшая днем посадки 24 августа, была совершенно неожиданной. Она противоречила планам главнокомандующего, который хотел бы отложить посадку на две недели, ибо ему нужно было многое устроить. Тем не менее колебаться не приходилось. 19 августа днем генерал Бертье разослал генералам Дезэ, Клеберу, Мену, Мюрату, Мармону, Бессьеру, членам Института – Монжу, Бертолле, Денону, Персевалю и отряду гидов – приказ в самом срочном порядке явиться в Александрию. Главная квартира вечером погрузилась на суда на Ниле, остановилась в Менуфе, где командовал генерал Ланюсс, а 23-го прибыла в Рахманию, где высадилась на берег; лошади уже находились там; 24-го в 4 часа пополудни стали бивуаком в Римском лагере, близ Александрии, на берегу моря. Дезэ и Клебер не явились к месту сбора; первый командовал войсками в Верхнем Египте; второй находился в Дамиетте и явился только на следующий день. Между тем адмирал Гантом торопил с посадкой. Он тяжело пережил то, что ее отложили до вечера; его подгонял английский бриг, который в 3 часа пополудни подошел достаточно близко, чтобы увидеть фрегаты, стоявшие на якоре, и заметить, что они готовы к отплытию. Этот бриг немедленно взял курс на Кипр, вероятно для того, чтобы уведомить об этом английскую крейсерскую эскадру. Вскоре после того поднялся юго-восточный бриз, это было чудом в августе месяце, то есть в то время, когда еще дули северо-западные ветры, обычные для этого времени года. Адмирал пришел к выводу, что этот бриз способен унести отряд кораблей на 30-40 лье от сферы действия крейсерской эскадры, наблюдавшей за Александрией. Наполеон передал генералу Мену инструкции для генерала Клебера и приказ генералу Дезэ – вернуться во Францию, воспользовавшись зимней непогодой. Ему очень хотелось увезти его с собой. Генерал Мену был чрезвычайно огорчен; но он питал исключительное доверие к главнокомандующему и знал, насколько важно, чтобы Наполеон

прибыл в Европу. Тут-то, прогуливаясь перед своей палаткой по пляжу, увлажняемому морскими волнами, главнокомандующий сказал ему: «Я приеду в Париж, разгоню это сборище адвокатов, которые издеваются над нами и не способны управлять республикой; я стану во главе правительства, я сплочу все партии; я восстановлю Итальянскую республику и я упрочу обладание этой прекрасной колонией».

После этого разговора Наполеон вошел в свою палатку на берегу моря и продиктовал своему секретарю господину Бурьену письмо, адресованное генералу Клеберу, на основании которого последний счел себя вправе договариваться с противником и капитулировать.

Его последний приказ гласил:

...

«Солдаты, известия, полученные из Европы, побудили меня уехать во Францию. Я оставляю командующим армией генерала Клебера. Вы скоро получите вести обо мне. Мне горько покидать солдат, которых я люблю, но это отсутствие будет только временным. Начальник, которого я оставляю вам, пользуется доверием правительства и моим».

Посадка состоялась в 7 часов вечера; генералы Ланн, Мюрат, Мармон, господа Персеваль и Денон с половиной охраны отплыли на «Каррэре»; этим кораблем командовал капитан Дюмануар. Главнокомандующий, Бертье, Монж, Бертолле, Буррьен и вторая половина охраны отплыли на «Мюироне». Этот фрегат был назван в честь носившего такую фамилию адъютанта, который был убит при Арколе, прикрывая собственным телом главнокомандующего; Каррэр – фамилия артиллерийского генерала, убитого у Неймарка (Каринтия) в кампанию 1797 года. Эти два фрегата были красивы, велики, хорошо вооружены и способны выдержать бой; но поскольку они имели осадку на два фута меньше, чем у французских фрегатов, хотя корпуса их были длиннее и шире, то они плохо забирали ветер; при преследовании превосходящими силами они не могли уйти от погони. Две маленькие шебеки имели подводные части, обшитые медью. Они были быстроходны; ими предполагалось воспользоваться в случае

преследования превосходящими силами, с тем что фрегаты отвлекут на себя внимание вражеских судов.

Этот маленький отряд вышел в 9 часов вечера и в 6 часов утра находился в 30 лье к западу от Александрии, за мысом Арас. Но вскоре после восхода солнца бриз совершенно стих и обычный северо-западный ветер снова стал дуть в полную силу; так продолжалось 15-20 дней. Иногда за сутки удавалось продвинуться на 2-3 лье в нужном правлении, но нередко суда оказывались отнесенными назад; они уклонялись под ветер, относимые течениями, которые в этом море дают себя чувствовать в направлении с запада на восток. Армейские офицеры принимались дразнить морских и с иронией спрашивали, когда же они бросят якорь в александрийском порту. Обиженный адмирал решил взять курс на Кандию. Но когда он обратился с этим предложением к главнокомандующему, последний его отклонил и приказал адмиралу держаться возможно ближе к берегу и даже войти в залив Сидра, чтобы лучше спрятаться; он добавил, что скоро равноденствие, и тогда суда пойдут вперед; что дни, потерянные в этих неизведанных водах, – выигранные дни; что нужно стать выше насмешек невежд. Адмирал тем охотнее подчинился этому приказу, что он согласовывался с приобретенным им опытом и всем, что ему было известно об этих морях. Наконец подул ветер равноденствия. В 3-4 дня отряд обогнул мыс Бон, делая по 13 узлов; обогнув берег Африки, он пошел вдоль побережья Сардинии, затем вышел в открытое море, чтобы подойти к берегу в проливе Бонифачо, и следовал вдоль берега Корсики до мыса Кровавого – в заливе Аяччо. Не имея уверенности в том, что этот остров [170] все еще за Францией, шебека «Фортюн» проникла в залив, снеслась с рыбаками и дала сигнал входа. Отряд бросил якорь 30 сентября в 2 часа пополудни. Пассажиры высадились на берег; непогода задержала их там на 7 дней.

Подробности событий, происшедших в 1799 г. и в особенности на протяжении июля, августа и сентября, показали, какие опасности угрожают родине. Жубер был убит на поле сражения у Нови. При вести о прибытии Наполеона главы общин острова поспешили в Аяччо. Главнокомандующий употребил свое влияние, чтобы примирить враждующие партии и успокоить разгоревшиеся страсти. 7 октября, когда отряд находился на полпути между Корсикой и Провансом, на него налетел сильнейший шквал (ветер Либеччо). Потом он стих. Восьмого вечером корабли находились в 8 лье от Тулона и быстро продвигались вперед, однако в густом тумане. Было установлено, что они находятся посреди эскадры – притом в непосредственной

близости от кораблей ее, – судя по пушечным выстрелам с них. Еще на Корсике стало известно, что эскадра Брюи вернулась в океан. Следовательно, теперь корабли находились посреди вражеской эскадры. В 7 часов произошло прояснение, длившееся не более минуты, но позволившее установить, что отряд находился всего лишь на расстоянии выстрела от 74-пушечных линейных кораблей; трудно было решить, как поступить. Адмирал, отличавшийся большой впечатлительностью, приказал повернуть на другой галс, чтобы вернуться к Корсике. «Что вы делаете? – сказал ему главнокомандующий. – Уходя, вы себя выдаете; идите, напротив, на врага». Это удалось, не возникло никаких подозрений. Несколько минут спустя завеса тумана снова приподнялась. Адмирал поступил мудро, захватив в Аяччо две фелуки [171] – быстроходные суда с экипажами, состоявшими из матросов – местных уроженцев, хороших пловцов. Он хотел, чтобы пассажиры пересели на эти фелуки и отправились в Порто-Крос, куда они обязательно прибыли бы к ночи. Фрегаты же вернутся на Корсику. Однако это не встретило одобрения главнокомандующего, который приказал взять курс на Антиб. Несколько часов спустя стало ясно, что был найден правильный выход. Предупредительные пушечные выстрелы отдалились; вражеская эскадра, видимо, направлялась к Корсике. 9-го на рассвете отряд бросил якорь напротив Сан-Рафаэля, в заливе Фрежюс. После 45-дневного плавания он прибыл во Францию. Было замечено, что на протяжении всего плавания Наполеон всецело полагался на адмирала и никогда не выказывал беспокойства. Он ни в чем не имел своей воли. Он отдал только два приказания, которые дважды спасли его. Он отплыл из Тулона 19 мая 1798 г. Следовательно, он находился вне Европы 16 месяцев и 20 дней. За этот короткий срок он овладел Мальтой, завоевал Нижний и Верхний Египет; уничтожил две турецкие армии; захватил их командующего, обоз, полевую артиллерию; опустошил Палестину и Галилею и заложил прочный фундамент великолепнейшей колонии. Он привел науки и искусства к их колыбели.

Заключительные замечания Наполеона об Египетском походе

Первое замечание (о *плане кампании)*. Английский кабинет предпринял в 1801 г. войну в Египте с помощью армии, имевшей в строю 60 000 человек, из коих 34 000 англичан и 26 000 турок, а именно: 19 500 англичан, посаженных на суда эскадры адмирала Кейса и в марте высадившихся в Абукире; 7500, взятых из состава Индийской армии и высадившихся в Косейре в августе; 7000 человек резерва, которые отплыли из Лондона, из Гибралтара, из Германии и высадились в Абукире в июле; 6000 турок, посаженных на суда эскадры капудан-паши и высадившихся 25 марта в Абукире; наконец, 16 000 сосредоточенных в Палестине под командованием великого везира и прибывших в Египет в мае. С такими значительными силами английский кабинет имел право рассчитывать на успех. Но он принял оперативный план настолько порочный, настолько противный всем принципам военного искусства, что последний мог и должен был обречь экспедицию на провал: 1) Приказания, отправленные из Лондона в октябре месяце, не могли прибыть в Индию до конца января; дивизия, которая должна была отплыть оттуда, могла достичь Баб-эль-Мандебского пролива только в апреле месяце, то есть уже после южного муссона; северный муссон дул бы ей навстречу, и все лето она не смогла бы подняться вверх по Красному морю и добраться до Суэца. Но даже если бы она прибыла в Косейр и Суэц вовремя, она все равно не имела бы средств, необходимых для перехода через пустыню. Фактически суда с этой дивизией бросили якорь в Косейре в августе, через шесть месяцев после высадки генерала Эберкромби в Абукире; если она совершила переход через пустыню Коптос, то это потому, что великий везир, став хозяином Каира, смог предоставить ей 5000 верблюдов, чего он не сумел бы сделать, если бы союзники не одержали уже победы. Не следовало предпринимать никакой диверсии со стороны Красного моря; два фрегата и один корвет с десантным отрядом в 200 человек – вот и все, что следовало послать для занятия Суэца и Косейра; нужно было оставить Индостанскую армию в покое на берегах Ганга и соответственно увеличить армию Эберкромби. 2) Резерв, отплывший из Лондона и из Гибралтара, прибыл в Египет только через шесть месяцев после генерала Эберкромби. 3) 6000 человек капудан-паши прибыли в Абукир только через 20 дней после генерала Эберкромби. 4) Великий везир перешел через пустыню и

вступил в Египет только три месяца спустя – в мае, так что вместо 19 500 англичан и 26 000 турок генерал Эберкромби явился в Египет только с 19500 англичан, лишенными решительно всего. Если бы его разбили, как должно было случиться, то какую пользу принесли бы ему Индостанская дивизия, резервы капудан-паши и великого везира? 5) Генерал Эберкромби высадился без артиллерийских упряжек, без лошадей для своей кавалерии, не имея ничего из того, что необходимо армии; между тем он провел два месяца на Мальте и два месяца в Малой Азии, чтобы подготовиться к походу; за эти четыре месяца властям было бы нетрудно доставить ему 2500 лошадей, в которых он нуждался, поскольку их можно было закупить в Сицилии, Тунисе, Триполи, Дерне, на Кандии, в Греции, Малой Азии, на Кипре, в Алеппо, в Триполи Сирийском, Акре, Яффе. Эти ошибки были совершены кабинетом, задумавшим план кампании. Это – новое доказательство плохой работы английских органов управления – наихудших в Европе.

Второе замечание *(о маневрах генерала Эберкромби)*. В конце февраля генерал Эберкромби отбыл из Макри и 2 марта бросил якорь на абукирском рейде. Он правильно рассудил, что, завладев Александрией, убедит французов принять условия капитуляции в Аль-Арише [172] и, таким образом, достигнуть цели, поставленной его правительством, не идя на риск генерального сражения. Но: 1) Ему следовало дождаться лучшего времени года; в марте море в этих местах слишком бурное; ему надлежало прибыть к Александрии только 15 апреля. 2) Его кавалерии нужно было иметь с собой коней, а артиллерии – упряжки; не имея кавалерии и артиллерии с упряжками, он подвергал свою армию слишком большому риску. 3) Он совершил здесь ошибку, которую уже допустил в Голландии в 1799 г.: ему следовало соединиться в Макри с капудан-пашой, направиться вместе с ним на яффский рейд и принять там на суда 6000 человек великого везира, в том числе Ибрагим-бея с его конными мамлюками; тогда 15 апреля он явился бы на абукирский рейд с 19 500 англичан, 12 000 турок, в том числе 2500 кавалерии; он захватил бы Александрию врасплох – прежде чем французская армия успела бы прибыть из Каира на выручку этой крепости. 4) Достигнув Александрии 1 марта, генерал Эберкромби из-за плохой погоды высадился только 8-го; он был замечен за неделю до высадки; половина французской армии, то есть 10 000 – 12 000 человек, должна была бы уже находиться на взморье; поэтому ему следовало бы сняться с якоря, исчезнуть из района Абукира, создать угрозу высадки в Дамиетте, чтобы привлечь туда французскую армию, затем незаметно вернуться, следуя вне

пределов видимости с суши, и осуществить высадку в Абукире. 5) Адмирал Кейс, под командой которого находились девять линейных кораблей, вооруженных для ведения боевых действий, и много мелких судов, на которых не было никаких войск, должен был бы предпринять три ложные атаки – одну у Марабута, вторую у мыса Смоковниц, третью – у Малого маяка, выделив для участия в них по два линейных корабля, от 8 до 10 фрегатов, корветов, транспортов или шебек, и угрожать высадкой в каждом из этих пунктов дивизии в 5000 – 6000 человек. Это приковало бы к ним все внимание генерала Фриана, заставило бы его вернуться в Александрию, оставив на взморье у Абукира самое большее 200 – 300 человек. Адмирал Кейс ничего не сделал, чтобы привлечь к себе внимание французов и облегчить высадку, что привело к гибели тысячи англичан и сделало операцию в целом чрезвычайно рискованной. 6) 8 марта в полдень высадка была осуществлена; английский генерал потерял остаток дня, а также 9-е, 10-е, 11-е и 12-е (четыре с половиной дня) – в условиях, когда нельзя было терять ни одного. Уже к 5 часам пополудни 8 марта ему следовало достигнуть позиции у Римского лагеря, а 9-го – двинуться на город, которым он, вероятно, овладел бы. Вместо этого он выступил только 13-го; генерал Ланюсс, прибывший в город уже 11-го вечером, обезопасил его от всякого нападения. Если бы высадка совершилась в тот самый день, когда конвой был замечен в Александрии, то есть 1 марта, он имел бы 11 дней для овладения Александрией, прежде чем туда успели бы прибыть первые подкрепления из Каира. Если бы в 1798 г. Наполеон появился под стенами Александрии только через 13 дней после того, как бросил якорь у Марабута, он не достиг бы успеха. Он нашел бы стены снабженными бойницами и хорошо вооруженными, половину мамлюков уже прибывшими из Каира с огромным количеством арабов и янычар; но он двинулся на Александрию и штурмовал эти стены с горстью людей, не дожидаясь своих пушек – через 18 часов после того, как был замечен его флот. Одним из принципов военного искусства является: когда можно использовать внезапность, ее следует предпочесть пушкам. 7) Бой 13 марта ознаменовал неудачу экспедиции генерала Эберкромби. Он знал, что численность французской армии составляет 25 000 человек, что главнокомандующий был уведомлен о появлении его уже 13 дней назад. Осторожность оставляла ему только два выхода: первый состоял в том, чтобы вернуться на суда и ожидать на Кипре прибытия новых подкреплений из Англии, а также и тех, которыми командовали капудан-паша и великий везир; второй заключался в том, чтобы занять позицию за перешейком, к

которому подошли суда, или на холме Шейх, расположенном на Абукирском полуострове, и укрепиться там; эта позиция была бы неприступной. Та же, которую он занимал в Римском лагере, с правым флангом, примкнувшим к морю, и левым – к озеру Мадия, при протяжении ее в 1500 туазов, не годилась для 15-тысячного соединения, не имевшего ни кавалерии, ни артиллерии с упряжками; ему следовало ожидать в ближайшие дни атаки превосходящих сил противника, обладающего многочисленной и неустрашимой конницей, который при поддержке нескольких легких батарей прорвал бы его левый фланг и отсек его армию от флота, что повлекло бы за собой его гибель.

Третье замечание *(о маршах и маневрах генерала Хатчинсона)*. 1) Этот генерал принял командование на следующий день после сражения 21 марта [173] . Он знал, что французская армия может через несколько дней получить подкрепление в виде дивизии генерала Бельяра численностью в 5000-6000 человек, это должно было побудить его оставить свою позицию в Римском лагере и занять другую – у места высадки. 2) Когда пять дней спустя прибыл капудан-паша с 6000 человек, ему следовало немедленно поставить их в строй, распределив между своими бригадами. 6000 турецких стрелков являлись хорошим подкреплением для европейской армии, в то время как, образуя один резерв, они не представляли большой ценности. 3) 13 апреля он проделал брешь в дамбе озера Мадия и создал озеро Мареотис; тем самым он оказал большую услугу Александрии: он сделал то, что следовало сделать французам 12 марта, поскольку благодаря этому крепость стала очень сильной и была гарантирована от всяких неожиданностей; между тем целью всей кампании являлось взятие Александрии. Таким образом, он пожертвовал главной задачей ради вспомогательной; левый фланг его позиции, без сомнения, стал лучше обеспечен, но того же можно было достигнуть, построив в воде хорошие редуты и поставив на шпринг в озере несколько плавучих батарей. 4) Марш на Рахманию при продолжающейся оккупации Римского лагеря, маневры, рассчитанные на соединение в июне с великим везиром в районе Каира, – все это порочные операции. Это великому везиру надо было идти на Александрию, чтобы соединиться с английской армией, а не этой армии – удаляться от важнейшего объекта и гоняться за второстепенными. Когда имеется возможность нанести удар в сердце, нельзя давать отвлечь себя какими-либо маневрами. 5) Когда 9 мая генерал Лагранж двинулся из Рахмании на Каир, генерал Хатчинсон имел прекрасную возможность закончить кампанию. Ему следовало

поспешно вернуться в Римский лагерь с капудан-пашою, атаковать генерала Мену, ослабленного выделением отряда генерала Лагранжа; он отбросил бы его к стене Арабов и овладел бы городом в несколько недель. 6) В течение мая и до 22 июня, то есть в течение 41 дня, он подвергался двойной опасности: а) генерал Мену, у которого было в Александрии 9000 человек, мог с 6000 человек атаковать 4000 человек генерала Кута и захватить Римский лагерь; б) генерал Бельяр, у которого было в Каире 14 000 человек, мог разбить великого везира у Аль-Ханки и, отбросив последнего за пустыню, повернуть на генерала Хатчинсона с 10 000 человек и соединиться с генералом Мену. После боя у Аль-Ханки ему следовало опасаться и того, что генерал Бельяр, оставив своих больных, охромевших и старослужащих солдат, то есть 2000-3000 человек, в Каирской цитадели, схватится с ним, пустив в дело все свои силы. Он избег бы всех указанных опасностей, если бы упорно держался основного принципа: вести все операции против Александрии и завоевать Египет, не теряя из виду мачты своего флота. 7) Но если он считал абсолютно необходимым идти на Каир, ему нужно было эвакуировать Римский лагерь и расположить лагерь генерала Кута у места высадки или на горе Шейх. 8) Чтобы представилась возможность маневрировать против генерала Бельяра, великому везиру следовало перейти через дельту и соединиться с англичанами на левом берегу розеттского рукава, на высоте Рахмании, – тогда генерал Хатчинсон смог бы двинуться на Каир с армией в составе 25 000 турок и 5000 англичан, а также с многочисленной нильской флотилией. 9) Когда 19 июня он построил мост через Нил, положение его было этим значительно улучшено, но ему не следовало останавливаться на этой полумере; нужно было расположить войска великого везира в лагере на левом берегу Нила, а после взятия Газы и уничтожения моста, наведенного французами, обе армии стали бы действовать вместе на правом берегу, оставив в обоих случаях наблюдательный отряд на противоположном берегу. Фактически, если бы 22 июня в 2 часа утра генерал Бельяр вышел из Газы с 10 000 человек, он отбросил бы генерала Хатчинсона и капудан-пашу и захватил бы мост, прежде чем великий везир принял бы какое-либо решение. Если предположить, что последний укрепился бы в нескольких домах Каира, то, не заняв никакого важного форта, он был бы назавтра выбит оттуда. 10) Генерал Хатчинсон все время чувствовал, насколько опасно его положение; ему казалось, что он устраняет эту опасность, двигаясь очень медленно; правда, он все время заблуждался относительно численности войск генерала Бельяра,

которую он преуменьшил вдвое. Он полагал, что войска, которые двигались на Аль-Ханку, – те же самые, что находились в Рахмании; он ошибался. Когда генерал Бельяр стал лицом к лицу с великим везиром, при нем не было ни одного из пехотинцев, находившихся в Рахмании. Военное искусство имеет неизменные принципы, основным назначением которых является: гарантировать армии от ошибок полководцев при определении силы врага, – ошибок, которые в большей или меньшей степени имели место всегда. 11) Генерал Кут переправился через озеро Мареотис и осадил Марабут с 5000 солдат; такого количества было недостаточно; ему нужно было иметь 7000; генерал Хатчинсон почувствовал это и пять дней спустя послал ему, в качестве подкрепления, англо-турецкий отряд, но сделал это слишком поздно. Каких только последствий не могла иметь одна эта ошибка!

Четвертое замечание *(о маневрах генерала Фриана)*. 1) Губернатор Александрии генерал Фриан поспешил на абукирский пляж со всеми силами, какими располагал, чтобы воспрепятствовать высадке. Но ему следовало взять с собой больше артиллерии и соорудить две хорошие береговые батареи с 24– и 18-фунтовыми пушками и мортирами. 2) Поскольку возможность построить на утесе кирпичный форт была упущена, ему следовало возвести там редут из пальмового дерева, что он мог сделать за 36 часов; в Александрии не было также недостатка в мешках для песка. 3) Он допустил ошибку, ослабив свои силы на 300 человек, которых направил на противоположный берег озера Мадия. Если бы противник высадился со стороны Розетты, этот слабый отряд ничего не смог бы сделать; между тем 300 человек имели бы некоторое значение, если бы находились вместе с 1700, которые были при нем. Кто знает, что произошло бы, если бы эти 300 человек с четырьмя пушками находились на горе Колодезь? 4) В любом случае ему следовало поставить на высоту Колодезь шесть полевых орудий, поддерживаемых одним каре 75-й; ибо высота эта – ключ ко взморью; высадка не могла считаться обеспеченной, пока противник не овладел высотой Колодезь.

Пятое замечание *(генерал Ланюсс)*. Генералу Ланюссу следовало избегать боя. 13-го ему следовало бы отойти на высоты перед Розеттскими воротами и даже, если потребуется, укрыться за стеной Арабов и под защиту орудий фортов. Поскольку англичане несколько часов дефилировали у него на глазах, он их пересчитал; следовательно, было неразумно сойти со своей позиции, чтобы бросить вызов вчетверо более многочисленной армии, в то время, когда он ожидал значительных подкреплений.

Шестое замечание *(генерал Лагранж)*. 1) Когда 10 мая генерал Лагранж двинулся из Рахмании на Каир, ему следовало оставить в форте решительного человека со 150 солдатами и приказать ему держаться до последней крайности; он смог бы задержать на 8-10 дней продвижение английской армии. Он [174] же оставил там плохого коменданта с 40 солдатами и сам приказал привести в негодность боеприпасы и склады. Этот комендант сдался 10-го на рассвете, и если в этот момент в форте оказалось 110 человек, то это потому, что 60 или 70 остались там без приказа, упившись при разграблении складов. 2) Генералу следовало послать шлюп в канал Менуф и туда же направить разведывательный отряд, чтобы конвои отошли на Каир. 3) Почему в течение 20 дней, которые были им проведены в Рахмании, он не сосредоточил там гарнизоны Лесбэ и Буруллуса? Этим он увеличил бы свои силы на 700 человек, которых вместо того потерял. 700 человек составляли пятую часть его дивизии.

Седьмое замечание *(полковник Кавалъе)*.

Поведение полковника Кавалье не может быть оправдано [175] . По прибытии во Францию его следовало судить военным судом. Римляне казнили бы в его отряде каждого десятого. Солдат побудило капитулировать желание вернуться во Францию. Но вся ответственность ложится на командира. Зная настроение своих солдат, он должен был воспрепятствовать всяким переговорам, встречать парламентеров ружейным огнем, продолжать марш к Александрии и озеру Натрон. Полковник Кавалье был храбрым человеком и выдающимся офицером, чрезвычайно преданным главнокомандующему; от этого его поведение в данном случае становится еще более достойным осуждения. Шестьсот сданных им верблюдов очень пригодились английской армии. Нужно издать во французской армии закон, запрещающий всякие переговоры с парламентерами. Наши солдаты такие добрые, такие дружелюбные, а наших офицеров так легко обмануть, что иностранцы систематически их надувают.

Восьмое замечание *(генерал Белъяр)*. 1) 13 мая вечером, когда генерал Лагранж соединился в Каире с генералом Бельяром, под командованием последнего оказалось 14 000 человек, в том числе 500 старослужащих солдат, сотня гражданских чиновников, вооруженных и собранных в отряд образца национальной гвардии, 800 больных и 1500 других хилых солдат, рабочих и постоянного состава запасных частей. Этих трех тысяч человек было достаточно для охраны цитадели, Газы и фортов вокруг Каира; следовательно, он мог свободно распоряжаться 11 000 человек. Оставив в Каире в качестве резерва подвижную колонну из 1000 человек пехоты и конницы и

нескольких пушек, он мог удалиться с 10 000 солдат (в том числе 1000 кавалеристов) и 24 пушками. Вместо этого он оставил для охраны города 8000 человек и пошел навстречу великому везиру всего с 6000 человек. 2) Впрочем, 6000 французов (в том числе 1000 кавалеристов) и 24 орудия с хорошей прислугой было более чем достаточно, чтобы разбить великого везира и отбросить его за пустыню. Великий везир привел с собой всего 16 000 турок, из коих четверть находилась в Дамиетте. В бою у Аль-Ханки участвовало 9000 османов: если бы генерал Бельяр не страдал недостатком решительности, ему достаточно было приказать барабанщикам дать сигнал к атаке, и он спас бы Египет, покрыв себя бессмертной славой. 16-го он заночевал бы в Бельбейсе, 18-го в Салихии; он вернулся бы в Каир 20-го или 21-го, перешел бы через Нил 23-го или 24-го, прибыл бы 27-го или 28-го в Террану и атаковал бы генерала Хатчинсона, с которым было 4000 англичан и 6000 турок капудан-паши. Английская армия была очень ослаблена болезнями; она еще не получала никаких подкреплений. 3) Генерал Бельяр возвратился 18 мая в Каир, не атаковав великого везира; в этот момент нужно было принять окончательное решение, двинувшись на Александрию по левому берегу Нила со всеми французами, находившимися в Каире, отправив туда же по реке все, чего нельзя было перевозить по суше, и оставив в цитадели 2000 человек. Великий везир не имел возможности взять цитадь, которая смогла бы обороняться долго. Когда же гарнизон ее потерял бы надежду на освобождение от блокады в результате соединения войск генералов Бельяра и Мену, он смог бы капитулировать на почетных условиях и солдаты этого гарнизона – большей частью хилые, старослужащие или выздоравливающие – были бы спасены. 4) 18 июня, то есть через 40 дней после боя у Аль-Ханку, генерал Хатчинсон прибыл наконец в район Газы, а великий везир на правый берег – напротив него, – обе армии были разделены Нилом. Если бы генерал Бельяр атаковал всеми своими силами одну или другую армию, он вышел бы победителем. Поражение одной из этих двух армий повлекло бы за собой отступление другой. С другой стороны, в случае неудачи, он все же успел бы нанести противнику большой урон, и его дела от этого не пошли бы хуже. 5) 19-го генерал Хатчинсон навел мост для установления связи с великим везиром, и это значительно улучшило его положение. Однако если бы, как это предлагал полковник Дюпа, генерал Бельяр атаковал противника на рассвете, сосредоточив свои силы на одном берегу реки, он захватил бы мост прежде, чем армия, находившаяся на другом берегу, успела бы перейти по нему 6) 22 июня он еще не был окружен, английская армия находилась на

левом берегу напротив Газы, а армия великого везира – напротив Каира, все верхнее течение Нила было еще свободно; англичан насчитывалось всего 4000 человек, а турок – 30 000, считая и 16 000 бедуинов или египетских войск, совершенно лишенных стойкости. У генерала Бельяра было 10 000 боеспособных солдат и 400 пушек; он был в изобилии снабжен всем, имел 70 000 снарядов и 200 000 фунтов пороха; поскольку он упустил все случаи разбить армии противника поодиночке, которые предоставила фортуна, ему оставалась славная перспектива оборонять крепость со всем упорством, которого требовали спасение армии, честь французского оружия и воинские уставы. Стараясь атаковать при вылазках преимущественно англичан, он в конце концов уничтожил бы этот небольшой отряд, который один только и придавал стойкость всей армии. Самое меньшее, он сумел бы выиграть август месяц. Тогда паводок, затопив всю местность, заставил бы противника прекратить осадные действия, поскольку он смог бы продолжать их только против той части стены, которая обращена к пустыне; таким образом, продержавшись 30 дней, генерал Бельяр смог бы выиграть время до ноября месяца, а за этот срок еще больше усилить свои укрепления; месяцы сменяются, но не походят друг на друга. На протяжении всего этого времени Александрию не тревожили бы. 7) Генерал Бельяр полагал, что перед ним – английское соединение численностью не менее 10 000 человек; но кто дал ему право держаться этого мнения? Если бы он предпринял вылазку со стороны Газы и развернулся в боевую линию, англичане показались бы и он смог бы сосчитать их. Если бы 21 июня был созван военный совет, последний единодушно принял бы решение взяться за оружие. Правила войны требовали, чтобы при принятии столь важных решений не держались одних слухов, а маневрировали – с целью принудить противника показаться и дать подсчитать свои силы. Списочный состав английского отряда равнялся 4000 человек. 8) Но, не принудив противника развернуть свои силы, не сражаясь, не попытав счастья, он [176] капитулировал! Он сдал столицу Египта с ее складами, 400 пушками, фортами, не сделав ни единого ружейного выстрела! Верно, что интересы генералов, офицеров и рядовых были ограждены с большой тщательностью. Из этих 14 000 человек 500 вступили в ряды мамлюков, а 13 723 были приняты в Абукире на суда и прибыли во Францию. Армия привезла с собой свои знамена, оружие, 50 пушек, много лошадей, огромный обоз, все редкости. Впрочем, условия этой капитуляции полностью соответствовали аль-аришским. Когда армии полагают, что из критического положения можно выйти без бесчестья посредством

заключения конвенции, – тогда все потеряно. Это все равно, что доверить оборону и честь оружия старухам с веретенами. 9) Во время перехода из Каира в Абукир генерал Мур сопровождал с эскортом французскую армию, но последняя была более многочисленна, чем этот эскорт. При приближении к Абукиру английский генерал резонно опасался, как бы негодование не охватило французских солдат и последние не напали на англичан или не присоединялись к Мену, чтобы спасти Египет. Офицер, доставивший во Францию известие об этой необыкновенной капитуляции, был задержан в марсельском лазарете; он отправил по начальству свое донесение и сведения о составе армии. Легко представить себе, какую боль это причинило первому консулу, первым его движением было арестовать генералов, участвовавших в военном совете, и с примерной строгостью наказать их за подобное нарушение всех воинских уставов. Дивизионный генерал, командовавший соединением, не имел права бросить своего главнокомандующего и армию в целом, чтобы спасти собственное соединение. Дивизия же генерала Бельяра была налицо в полном составе; она не потерпела ни единой неудачи, не померялась силами с противником и сложила оружие на основании соглашения тем более позорного и бесчестного, чем более выгодны для отдельных лиц были его условия. Все, что генерал привел в своем донесении в оправдание своего поведения, ссылаясь на политические соображения, не может быть принято во внимание. Он получил от республики право посылать ее солдат на смерть ради ее защиты, но не право спасать их за счет общественного блага. Он боялся прибытия из Индии английской дивизии, а 22 июня, в день капитуляции, эта дивизия находилась еще в красноморском порту Джидда, на побережье Аравии, в 300 лье от него! Он утверждал, что окружен весьма многочисленной английской армией, а сам не тронулся с места, не завязал ни единого боя, чтобы заставить ее развернуться; он ее не видел; она насчитывала всего 4000 человек! Он указывал на недостаток боеприпасов, а сам признавал, что мог дать 60 000 [177] пушечных выстрелов. Он указывал на недостаток продовольствия, а склады были заполнены им! Сравнивать это позорное поведение со славным поведением Шевера в Праге, где маршал Белль-Иль оставил его с горстью солдат в качестве арьергарда и для облегчения своего отхода, – значит искажать значение слов. Шевер приносил себя в жертву своей армии; Бейяр принес в жертву армию и честь, чтобы спасти свое соединение.

Но за этим первым движением консула последовали размышления, которые привели к изменению его решения.

Генерал Бельяр был выдающимся офицером; он оказал большие услуги в ходе этой же кампании; он выказал большое мужество в Итальянскую кампанию; при Арколе он прикрыл своим телом Наполеона, и предназначавшаяся последнему пуля попала в него; по своим взглядам он являлся решительным сторонником удержания Египта и ожесточенным противником аль-аришской конвенции. Его марш на Аль-Ханку доказывает, что он хорошо понял, как надо поступить, но ему не хватало дерзости и твердости характера; природа не создала его для столь важных действий. Главнокомандующий оставил его без всяких наказаний. Всеобщее недовольство и отчаяние, вызванные в армии медлительностью, нерешительностью и отсутствием военного таланта у генерала Мену, лишили ее всякой надежды и всякого доверия. Генералы, которые подписали акт капитуляции, были выдающимися офицерами, и все они были решительно настроены против аль-аришской конвенции. Приличествовало ли в том блестящем положении, в каком находилась республика после Люневилльского мира, мира с Россией, Портой и Англией, поднявшего так высоко престиж Франции, помрачать блеск этой славы и огорчать нацию проведением следствия, позорящего храбрецов, которые в других случаях столько раз полностью заслужили признательность родины? Не было ли предпочтительнее закрыть глаза и приписать все происшедшее судьбе и полному ничтожеству главнокомандующего? Ибо, в конце концов, что ни делай, какую бы энергию ни проявляло правительство, сколь бы строгим ни было законодательство, армия львов под командой оленя никогда не будет армией львов.

Девятое замечание *(генерал Мену)*. 1) Генерал Мену должен был уже 3 марта получить донесение о появлении английского флота перед Александрией; однако он получил его только 4-го, во второй половине дня; это запоздание на сутки весьма прискорбно. Он уже 2 марта должен был узнать о захвате в плен 28 февраля на абукирском рейде английского военного инженера и познакомиться с бумагами другого инженера, который был убит; эти бумаги содержали достаточно ясные указания наэкспедицию генерала Эберкромби. 2) Главнокомандующий, обманувшись, рассредоточил свои войска. В ночь с 4-го на 5-е генерал Ренье получил приказ о выступлении. Он отправился в главную квартиру, чтобы выразить огорчение, которое он испытывал от этих планов. Он напомнил главнокомандующему о том, что произошло, когда 12 июля 1799 г. Мустафа-паша появился перед Абукиром. Наполеон узнал об этом 15-го, находясь в лагере у пирамид, и немедленно разослал по всей армии приказ сосредоточиться у Рахмании. «Следует взять его поведение за

образец, выступить в эту же ночь, эвакуировать Верхний Египет, оставить в Каире только старослужащих солдат, больных и несколько орудий». Генерал Мену остался глух и холоден; он настоял на выполнении своих приказов; на рассвете войска двинулись в расходящихся направлениях, что противоречило всем принципам военного искусства. Один из адъютантов Мену прибыл 12 мая в Александрию, в главную квартиру генерала Ланюсса (на высоте Римлян), и стал хвалить офицерам штаба мудрые распоряжения, которые сделал его генерал, получив известие о появлении флота перед Александрией. «Мой старый генерал, – сказал он, – не дал ввести себя в заблуждение; он понял, что действительная атака будет проведена совсем не там, где ему угрожают; он позаботился о Дамиетте, о выходе из пустыни и из Красного моря. Откуда бы ни показался враг, он убедится, что старый лис может заткнуть любую дыру в своем мешке». – «Боже, – воскликнул генерал инженерных войск Бертран, присутствовавший при этом разговоре, – а я-то полагал, что военное искусство состоит в том, чтобы сосредоточить все силы в важнейшем пункте, пренебрегая второстепенными; когда англичане овладеют Александрией – что станется с войсками, находящимися в Суэце, в Верхнем Египте, в Салихии!!» 3) Приняв решение сосредоточить свою армию у Александрии, Мену оставил генерала Бельяра с сильным гарнизоном в Каире, а также гарнизоны в Дамиетте, в… [178] и в Верхнем Египте, поэтому он вывел на поле сражения только 12 000 человек, хотя мог бы выставить 19 000; при наличии у него лишних 7000 человек исход сражения 21-го числа не был бы неопределенным. 4) Следовало ли ему атаковать 21-го английскую армию? Последняя имела превосходство в пехоте, но сильно уступала в коннице. Можно было опасаться, что она получит подкрепление, ибо морской путь был для нее открыт; слабым звеном английского боевого порядка, несомненно, был левый фланг. В ночь с 20-го на 21-е французской армии следовало, переменив фронт и отведя левое крыло назад, оседлать дорогу на Каир, примкнув правым флангом к озеру Мадия, а левым – к Александрии; ей следовало также оставить на высотах перед Розеттскими воротами несколько взводов кавалерии и орудий, а также всех пехотинцев, которым была поручена защита крепостной ограды со стороны этих ворот. Едва забрезжил рассвет, армия, построенная в 4-5 линий, должна была атаковать левый фланг противника, одновременно начав обстрел флотилии на озере из нескольких 24-фунтовых орудий. После того как левый фланг был бы оттеснен, вся французская кавалерия с 18 легкими орудиями направилась бы на тылы противника, со стороны его центра и

правого фланга. Атакованный сзади, лишенный коммуникаций с озером, откуда поступали боеприпасы и где находились перевязочные пункты, поставленный под угрозу лишиться также пути к отступлению и совершенно не имея конницы для своей защиты, противник оказался бы в критическом положении.

Если же генерал Мену хотел наносить удар со стороны своего левого фланга, тогда в течение ночи центру и правому флангу французской армии надлежало отойти за левый фланг, которым командовал генерал Ланюсс, оставив на прежних позициях несколько орудий, взводов кавалерии и дромадеров. Передвинувшись на край своего левого крыла, армия пошла бы на дом Птолемея и, овладев им, закрепилась бы там; с первыми лучами солнца кавалерия проникла бы на тылы противника со стороны его центра и левого фланга, угрожая его коммуникациям; батарее тяжелой артиллерии следовало открыть огонь по канонеркам, поставленным на шпринг в открытом море, а также по правому флангу неприятельской армии. Подобная комбинация увенчалась бы полным успехом: холм [179] был бы взят; если бы центр и левый фланг английской армии попытались овладеть им, то этим частям пришлось бы двигаться под огнем всей французской артиллерии, в то время как французская конница и легкая артиллерия тревожили бы их с флангов и с тыла; это было мало вероятным. 5) После дела 21-го числа генералу Мену опять-таки следовало сосредоточить у Александрии все свои силы, чтобы иметь возможность дать новое сражение; он имел еще возможность собрать свыше 16000 человек. 6) Когда в апреле месяце образовалось озеро Мареотис, генералу Мену следовало немедленно проложить через это озеро дорогу на Даманхур, использовав при этом все средства, находившиеся в его распоряжении: земляные насыпи, мосты на сваях, плотах, лодках. Глубина озера большей частью не превышала 3-4 футов; у выхода с этой дамбы ему следовало построить предмостное укрепление и поставить вдоль нее батареи для обороны от вражеских судов. Мосты имели важное значение, так как предоставили бы ему возможность маневрировать. 7) Когда в мае генерал Хатчинсон отправился на Нил, генералу Мену следовало с помощью обратного маневра сосредоточить свои силы у Александрии и воспользоваться разбросанностью английских сил для нападения на Римский лагерь, который оборонял генерал Кут; достаточно было, чтоб генерал Лагранж выиграл сутки. 8) В конце мая генерал Кут имел только 4000 человек; генерал Мену мог атаковать его с 6000 человек, успех был вероятен и стал бы решительным. 9) Генерал Мену после боя у Аль-Ханки должен был бы приказать генералу

Бельяру двинуться на Террану с 10 000 человек, сам же выступить с 4000 человек и 800 верблюдами и, достигнув озер Натрон, атаковать затем правый фланг генерала Хатчинсона в Терране, в то время как генерал Бельяр атакует его с фронта; он оставил бы в Александрии 6000 человек, чего было бы достаточно. 10) Укрепленный лагерь на высотах перед Розеттскими воротами был слишком обширен, ибо для охраны периметра требовалось 6000 человек, что парализовало армию; нужно было иметь просто триудачно расположенных форта, на расстоянии пушечного выстрела со стены, в которой находились Розеттские ворота, со рвами, наполненными водой, и гарнизоном в 1000 человек, что помешало бы противнику расположиться на холмах перед Розеттскими воротами. Генерал Мену получил бы тогда возможность укрепить Александрию со стороны запада и привести эту сторону в состояние равновесия, создав первую линию на высоте форта Бано. Этот форт закрывает доступ в старый порт и находится в 500 туазах от озера Мареотис. 11) Надо было создать вторую линию перед этим фортом, примкнув ее слева к озеру Мареотис и связав с фортом Помпея. Этот злосчастный укрепленный лагерь со стороны Розетты и был источником всего зла… [180] 12) При том положении вещей, которое создалось к концу августа, было бы приличнее продолжать обороняться до последней крайности; таково было бы единодушное мнение офицеров, участвовавших в военном совете, если бы их заверили, что к 15 ноября им придет на помощь новая армия или же они получат известие о подписании предварительных условий мира [181] . Этот пример, как и тысяча других, которые можно заимствовать из истории, доказывает, что комендант крепости должен думать только о том, чтобы обороняться до последней крайности. Значит, надо было держаться, пока противник не преодолеет стену Арабов, не возьмет форт Кретэн и форт Каффарелли и не пробьет бреши, пригодной для штурма, в стене перешейка; только тогда честь была бы спасена. Только тогда капитуляция, каковы бы ни были ее условия, явилась бы славной. Чтобы быть почетным, акт капитуляции должен заключать в себе плохие условия. В отношении гарнизона, выходящего из крепости по золотому мосту, всегда существует неблагоприятная для него презумпция.

Приложение Из работы «Очерк войн Фридриха II»

Глава IV, § 6

Прикрыть осаду крепости можно только двумя способами:

1) Сначала разбить неприятельскую армию, удалить из района военных действий, отбросить остатки ее за какую-либо значительную естественную преграду, как, например, горы или большая река, выставить потом за этой преградой особый наблюдательный корпус и тем временем заложить траншею и взять крепость.

2) Но если мы намерены овладеть крепостью в присутствии армии, пришедшей ей на выручку, не решаясь на сражение, то необходимо иметь при себе полный осадный парк и рассчитанное на предполагаемую длительность осады количество артиллерийских и продовольственных припасов; устроить циркум– и контрвалационные линии, используя условия местности: болота, высоты, леса, затопляемые участки. Не имея, в таком случае, нужды заботиться о коммуникациях с магазинами, осаждающему остается лишь сдерживать деблокадную армию; для этого выделяют особый наблюдательный корпус, который, не теряя из виду эту армию, будет преграждать ей путь в крепость и всегда успеет атаковать неприятеля во фланг или в тыл, если последний сумеет произвести скрытое движение, либо же, наконец, пользуясь контрвалационными линиями, можно с частью осадной армии обратиться против деблокадной и дать ей сражение.

Но кто надеется делать три вещи сразу: 1) осаждать крепость и сдерживать гарнизон без контрвалационной линии; 2) сохранять коммуникации с магазинами, находящимися в шестидневных переходах [182] , и 3) сдерживать войско, пришедшее на выручку крепости без помощи естественных преград и циркумвалационных линий, – тот ошибается в своих расчетах, и это может привести его только к катастрофе, если он не обладает двойным превосходством сил над неприятелем.

Глава IX, § 2

Успехи, которых добился король [183] в эту войну [184] , приписали новому тактическому боевому порядку, будто бы им изобретенному и названному «косым боевым порядком».

Фридрих в продолжение Семилетней войны дал десять сражений, которыми руководил лично, и шесть, где действовали его полководцы, в том числе при Максене и при Ландсхуте. Из первых он выиграл семь, проиграл три. Из сражений, данных его полководцами, он проиграл пять и выиграл одно. Из шестнадцати сражений прусская армия выиграла восемь и проиграла восемь. Ни в одном из этих сражений король не употреблял новой тактики. Как действовал он, так действовали до него полководцы древних и новых времен во все века.

Что же такое косой боевой порядок? Приверженцы его расходятся во мнениях: одни утверждают, что все маневры армии в день сражения или накануне его, имеющие целью усиление правого фланга, центра или левого фланга, либо же действия в тылу неприятеля – относятся к косому порядку. В таком смысле уже Кир в сражении при Тимире; галло-бельги в сражении на Самбре против Цезаря; маршал Люксембург в сражении при Флерюсе (он воспользовался одной высотой, чтобы обойти противника справа); Мальборо при Гохштете; принц Евгений при Рамильи и при Турине; Карл XII при Полтаве – применяли косой боевой порядок. Нет почти ни одного сражения древности или нового времени, в котором военачальник, атакуя, не старался бы усилить свои наступающие колонны то большим числом войск, то придачей им гренадеров, то большим числом орудий. Если бы Фридрих был изобретателем такого маневра, то он изобрел бы самую войну, но, к несчастью, она столь же стара, как мир.

Другие говорят, что косой порядок есть тот же маневр, который король приказывал выполнять на потсдамских парадах, когда два отряда становились друг против друга в параллельном боевом порядке. Отряд, назначенный маневрировать, перестроясь в сомкнутые или в разомкнутые колонны, быстро передвигается на один из флангов другого отряда; незамеченный полководцем противника, он появляется неожиданно на одном из его флангов и атакует последний со всех сторон, так что противнику недостает времени подоспеть туда на помощь.

1) При двух параллельных линиях, длиной в 3000 туазов и расположенных в 900 туазах друг от друга, невозможно одной из них принять такое наклонное положение к другой, чтобы одним крылом находиться только в 300 туазах от линии противника, а

другим (в то же время) – достаточно далеко, чтобы оно было вне опасности и пределов досягаемости; передвигаясь для принятия косого порядка, войско обнажает свой фланг и если будет при этом атаковано, то потерпит поражение. Угрожаемый же фланг неприятеля легко предохранить второю линией армии или резервами.

2) Операционная линия армии, принимающей косой боевой порядок, должна проходить со стороны фланга, на который она опирается; в противном случае придется оставить операционную линию, что сопряжено с опасными последствиями.

Есть два правила войны, которые нельзя нарушить безнаказанно:

1) Никогда не проводить флангового движения перед неприятелем, стоящим в боевом порядке.

2) Нужно постоянно сохранять свою операционную линию и добровольно не жертвовать ею.

Поэтому некоторые приверженцы косого боевого порядка требуют, чтобы перестроение проводилось скрытно от неприятеля, дабы поразить его и захватить врасплох, чтобы оно совершалось ночью или под прикрытием тумана либо цепи передовых постов.

1) Поскольку такой маневр должен проводиться не на виду у неприятеля, то он не является тактическим порядком; его сила не в нем самом, а во внезапности, неожиданности, и потому его следует отнести к засадам, скрытым движениям и нечаянным нападениям.

2) Засады, скрытые движения и нечаянные нападения употреблялись во все времена не только дисциплинированными войсками, но даже и дикарями и недисциплинированными войсками.

Фридрих в Семилетнюю войну дал десять сражений. Но ни в одном из них не было применено ни потсдамских, ни каких-либо новых маневров. Все предписанные им маневры были известны и употреблялись во все времена.

В 1756 г. он провел, в сражении при Ловозице, два маневра: первый – для отражения атак на высоту; вторым явилось движение кавалерии, которым он угрожал левому крылу австрийцев и тем заставил их отступить обратно за реку Эгер. Но тут нет никакого изобретения.

В 1757 г. австрийская и прусская армии были равны по силе, но последняя состояла из старых, опытных и обученных войск, а армия герцога Лотарингского состояла большей частью из вновь набранных, весьма посредственных войск. В сражении [185] обе армии были разделены оврагом. Король двигался тремя линиями

влево, пока не нашел перехода. Герцогу Лотарингскому следовало двигаться тремя линиями вправо, следуя параллельно движению короля, или перейти в наступление через овраг левым флангом и центром и атаковать правый фланг короля. Но он не сделал ни того, ни другого. Он ограничился переменою фронта, отодвинув назад свой правый фланг. Во все времена были примеры, что две армии, порою на протяжении нескольких лье, шли вдоль препятствия с целью овладеть проходом, через который можно было бы с выгодою атаковать противника.

Приверженцы косого порядка восхищаются маневрами короля в Коллинском сражении, и хотя эти маневры имели самые гибельные результаты – поражение, потерю половины войска и 200 орудий, снятие осады Праги и очищение Богемии, – однако же они упорствуют в своем заблуждении и никакие доводы не могут раскрыть им глаза. Одни утверждают, что он [186] лишился победы из-за ошибки командира одного батальона, который несвоевременно приказал повернуть направо и тем задержал движение армии. Другие, более благоразумные, сознавая все неудобства, всю опасность флангового маневра на виду у неприятеля, расположенного в боевом порядке, но сохраняя приверженность к косому порядку, полагают, что королю следовало провести свой маневр ночью: он избег бы огня австрийской армии, которая не заметила бы его, а с рассветом привел бы ее в изумление, неожиданно атаковал, разбил и рассеял бы противника. Действительно, прекрасное дело – атаковать неприятеля врасплох; но к чему же ограничиваться обходом одного только крыла? Лучше напасть на противника с тыла, овладеть обозами, парками, орудиями, снятыми с передков, боеприпасами, оружейными пирамидами! Проигрыш Коллинского сражения должно приписать нарушению первого правила, изложенного выше. Если бы Фридрих имел против себя другого полководца, а не Дауна, который после сражения провел в своем лагере 12 дней, распевая Te Deum, то он испытал бы все гибельные последствия нарушения правила – не жертвовать операционной линией. Остатки его армии не достигли бы ни магазинов, ни корпуса, стоявшего перед Прагой, и он никогда не оправился бы от этого удара.

В Росбахском сражении принц Субиз вздумал собезьянничать, применив косой порядок. Он провел фланговый маневр перед позицией короля. Последствия этого достаточно известны. Фридрих лишился при Коллине только войска, а Субиз при Росбахе – и войска, и чести.

В Цорндорфском сражении король возобновил коллинский маневр. Вместо того чтобы атаковать левое крыло русской армии,

стоявшее вблизи мостов, по которым он наступал, король провел перед этой армией фланговый маневр, чтобы атаковать противоположное крыло. Русские, сорвавшие за год перед тем подобную попытку в сражении при Егерсдорфе, где они разбили маршала Левальда, теперь атаковали фланг наступавших колонн, прорвали их строй и внесли расстройство в их ряды. Все было бы потеряно, если бы неустрашимый Зейдлиц не спас положение своей несравненной кавалерией и собственной проницательностью – этой отличительной его чертой. Русская пехота не была достаточно подвижной, чтобы поэшелонно подкреплять атаковавшие колонны, и была отброшена. Сражение продолжалось; пруссаки победили, но только потому, что сила обстоятельств вернула их к соблюдению истинных правил войны. Вопреки приказанию Фридриха, войска его расстроили как раз левый фланг русских. В следующем году прусский генерал Ведель снова провел в сражении при Кайе фланговый маневр, но Салтыков заставил его раскаяться в этом и дал ему хороший урок.

Но, скажут нам, вы ничего не говорите о Лейтенском сражении – этом шедевре косого порядка. Действительно, это сражение может обессмертить Фридриха и показывает в полном блеске его военные дарования. Но в нем все же нет ничего похожего на потсдамские маневры. Он [187] обязан победой внезапности, и потому победа эта принадлежит к разряду случайностей. Если бы у принца Лотарингского была впереди хоть пара часовых или хоть один разъезд, то он узнал бы, что король двинулся вправо и перешел болото, которое казалось непроходимым, с намерением атаковать его левое крыло; принц направил бы туда свои резервы, а правым флангом и центром перешел бы в наступление, атаковал с фланга и разбил бы прусскую армию, застав ее «на месте преступления». Большая ошибка – смешивать нечаянное нападение с определенным порядком маневрирования.

Может быть, станут утверждать, что Даун употребил в Гогенкирхенском сражении косой порядок, потому что при первом выстреле окружил уже все правое крыло прусских войск; но такое мнение было бы только игрою в слова. Надобно просто сказать, что Даун неожиданно атаковал короля, потому что последний занимал дурную позицию и упорно оставался на ней в продолжение нескольких дней. После изобретения пороха никогда не следовало делать такой ошибки.

Восьмое сражение – битва при Кунерсдорфе. В начале его король стоял перпендикулярно к левому флангу неприятельской армии. Следовательно, боевой порядок его был более чем косой. Такое расположение не было результатом маневра на поле

сражения, а следствием движения, скрытого от неприятеля лесами и болотом. Русский полководец, стоявший сперва фронтом к Франкфурту, переменил потом свое расположение так, что фронт его образовал с фронтом пруссаков как бы букву «Г». Непроходимые болота не позволяли королю осуществить свой план атаки. Однако же он атаковал с той позиции, какую занимал, и приобрел некоторый перевес над русским левым крылом, которое застал врасплох. Но когда центр русских выстроился в боевой порядок параллельно с пруссаками, они одержали полную победу, которая привела Пруссию на край гибели.

Девятое сражение этой войны – при Лигнице – было случайной встречей, избавившей Фридриха от опасности, в которую завлекли его самые ошибочные маневры.

Десятое сражение произошло при Торгау. Все распоряжения короля в этом бою были гибельны, плохо задуманы и столь же худо выполнены. Судя о Фридрихе по этому сражению, мы получили бы о его дарованиях весьма неудовлетворительное представление. Как при Лигнице, так и при Торгау не видно ничего нового и никаких следов пресловутого косого порядка.

Старик Фридрих тихонько смеялся на потсдамских парадах над увлечением молодых французских, английских и австрийских офицеров косым порядком, который годился только для того, чтобы составить репутацию нескольким штабным офицерам. Основательный разбор кампании вразумил бы этих офицеров, а полностью рассеять их иллюзии должно было то обстоятельство, что Фридрих никогда не прибегал к развертыванию, а всегда маневрировал линиями и с фланга.

Таким образом, ни одно из этих десяти сражений не имело особенного или нового характера: король проиграл некоторые из них, потому что по своей воле проводил фланговые маневры перед неприятелем, стоявшим в боевом порядке. Уроки, полученные им при Коллине и Цорндорфе, маршалом Левальдом при Егерсдорфе, генералом Веделем при Кайе, принцем Субизом при Росбахе – доказывают всю опасность таких маневров.

Французские офицеры, почитатели косвенного боевого порядка (в том числе и Гибер), заблуждались до такой степени, что утверждали, будто маневры герцога Фердинанда при Крефельде и при Вильгельмстале против флангов французской армии являлись блестящими результатами применения косого порядка, вовсе пренебрегая правилом: не оставляйте между различными частями своего боевого порядка промежутка, куда мог бы проникнуть неприятель. И если нарушение этого правила удалось ему [188] , то это потому, что над французами

начальствовал граф Клермон.

Примечания

1

Специально воспитанные для несения военной службы белые рабы.

2

Британская Ост-Индская компания.

3

Правительство Османской империи.

4

Флаг Франции.

5

Нестор – в греческой мифологии царь Пилоса, один из участников Троянской войны. В «Илиаде» изображался старцем, славящимся мудростью и житейским опытом.

6

Акко, город в Западной Галилее (Израиль), названный крестоносцами резиденцией Сен-Жан д\'Акр.

7

Отряд Нельсона.

8

Иерусалимский орден св. Иоанна, члены которого назывались сперва иоанниты, затем родосскими и мальтийскими рыцарями. Это древнейший духовно-рыцарский орден, возникший в половине XI в. Члены делились по нациям или языкам (lingua), которых было 8: Прованс, Овернь, Франция, Италия, Арагония (с Каталонией и Наваррой), Кастилия (с Португалией), Германия и Англия.

9

Древний город, когда-то бывший политическим центром Мальты, Ситта Нотабиле – Благородный Город; его прозвище появилось благодаря тому, что старинные мальтийские роды жили и продолжают жить в этом городе.

10

Мальтийский орден.

11

В северной части средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (бальяжа). Должность бальи упразднена во время Великой французской революции 1789 г.

12

Символ османской династии.

13

Имеется в виду столица Мальты.

14

Наполеона.

15

Во французскую армию.

16

Дворец турецкого султана.

17

Пороги реки Нил, что находятся близ древнего города Сиене (теперь Асуан).

18

Мусульманские отшельники.

19

Пахари, земледельцы.

20

Бедуинов.

21

Одногорбый верблюд.

22

Заместитель.

23

Совет.

24

Знатоки теоретических и практических сторон ислама.

25

Указ на владение.

26

Откупщик государственных земель, помещик.

27

В исламе – духовное лицо, которое заведует мечетью, совершает требы.

28

Староста деревни.

29

Знаменитый древнееврейский историк Иосиф Флавий (ок. 37 – ок. 100).

30

Арабский полководец Амр ибн аль-Ас, завоеватель Египта.

31

Низменность во Франции, представляющая собой сильно заболоченные обширные слабо обжитые пустоши.

32

Почетный титул, соответствующий русскому «господин»; дается чиновникам, ученым, поэтам и вообще образованным людям.

33

Глава отряда, охраняющего караван.

34

Одного недостает. Зачастую число беев не достигало двадцати четырех и их положение не всегда было определено.

35

Высшее духовное лицо у мусульман; наделен правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам, давать разъяснения по применению шариата.

36

Командующий корпуса янычар.

37

Мамлюкские офицеры.

38

Судья, осуществляющий судопроизводство на основе мусульманского права (шариата).

39

Вотчина.

40

Земельная мера в Египте.

41

Земля, розданная туркам, участникам завоевания Египта.

42

Мелкая монета.

43

Здесь у автора допущена описка: Александрия находится в Африке.

44

Суда речной флотилии.

45

Французские инженеры, прибывшие с Наполеоном в Египет, разработали проект сооружения канала для соединения Нила с Красным морем.

46

Побережье на юго-востоке Малой Азии.

47

Жители Александрии.

48

Потомок пророка Мухаммеда.

49

Потомки турецких солдат, зажиточная прослойка, владевшие крупными земельными участками, мельницами, корчмами, занимавшиеся торговлей.

50

Арабы.

51

В это число входят моряки, которых оказалось возможным выделить из судовых команд конвоя. – *Прим. франц. ред.*

52

Горло, проход *(тюрк.)*.

53

Духовное повеление, послание.

54

Французы.

55

Французский негоциант, долго живший в Каире, где он был французским консулом. Отплыв из Тулона вместе с армией на борту «Ориана», он был прикомандирован к штабу и постоянно изображал Египет в самом блестящем виде. – *Прим. франц. ред.*

56

После купания.

57

Члены тайного роялистского общества в Клиши, уничтоженного после переворота 18-го фрюктидора.

58

Комиссия ученых и художников.

59

Мамлюки.

60

Плывшие по реке.

61

Нерегулярная пехота – курды и арабы, наименее ценная часть турецкого войска.

62

Нилометр, устройство для измерения уровня воды в реке Нил в Древнем Египте.

63

Переводчик *(араб.)*.

64

В рукописи только эти три буквы. – *Прим. франц. ред.*

65

Небольшое гребное судно.

66

Высшее научное учреждение во Франции того времени.

67

Людовик.

68

Автор именует Баррэ то капитаном, то адмиралом.

69

Брюэйс.

70

Брюэйса.

71

Наполеона.

72

В битве участвовали четыре фрегата; остальные, числом семь, в том числе два вооруженные для боя, и пять, используемых как транспорты, остались в порту Александрии, равно как и два только что упомянутых 64-пушечных линейных корабля. См. рапорт контр-адмирала Вильнева от 11 фрюктидора VI года (28 августа 1798 г.). – *Прим. франц. ред.*

73

Т. е. два корабля, стоявшие по обе стороны от него. – *Прим. франц. ред.*

74

Нельсон.

75

Командующего эскадрой.

76

Абукирском.

77

«Серьез» – капитан Мартэн. «Спартиат» – командир Эмерио, начальник дивизиона, ранен. «Аквилон» – командир Тевенар, начальник дивизиона, убит. «Пепль-Суверен» – командир Ракор, капитан 1-го ранга, ранен. «Франклин» – контр-адмирал Бланке-Дюшайла и Жилэ – капитан 1-го ранга, оба ранены. «Тоннан» – командир Дюпти-Туар, начальник дивизиона, убит. – *Прим. франц. ред.*

78

Наполеон.

79

Султан Османской империи.

80

Мусульманская святыня в Мекке, главное святилище ислама.

81

Здесь: руководители мусульманских общин, сект, школ.

82

Династия арабских халифов (909-1171), возводившая свое происхождение к Фатиме, дочери Мухаммеда.

83

Переход в мусульманство французской армии.

84

К учению Мухаммеда.

85

Так называется колодец, предназначенный для измерения уровня воды в Ниле.

86

Переселение Мухаммеда из Мекки в Медину, где была основана первая исламская община (622 г. н. э.), принято за начало мусульманского летоисчисления.

87

На воздушном шаре.

88

Меккой.

89

Титул верховного главы мусульманской общины.

90

Наполеон.

91

В Мекку.

92

Госпожа Мену была египтянкой, дочерью владельца бани. – *Прим. франц. ред.*

93

Хорошо *(араб)*.

94

Египтян.

95

Капудан-паша – командующий военно-морскими силами.

96

Реис-эфенди – министром иностранных дел Турции.

97

Сераскер – должность военачальника.

98

Аль-Шаркауи.

99

Начальник.

100

Главнокомандующего.

101

Это был тот самый шейх, которого генерал Клебер приказал впоследствии избить палками, что и явилось одной из основных причин гибели этого генерала. – *Прим. франц. ред.*

102

Отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону (от *нем.*

Werk – сооружение, укрепление, завод.

103

Суэц.

104

Заливомж.

105

Автор, очевидно, имеет в виду ханвар, т. е. тамаринд.

106

Это слово не удалось разобрать в рукописи. – *Прим. франц. ред.*

107

Имеется в виду Ветхозаветное предание о гибели армии фараона в водах Чермного моря.

108

Арабское название сухих русел рек или речных долин, во время сильных ливней заполняющихся водой.

109

Вода Барежского серного источника (в Пиренеях).

110

Одна из областных групп арабо-суданцев, населяющая долину Нила.

111

Здесь в рукописи пробелы. – *Прим. франц. ред.*

112

Здесь в рукописи пробелы. – *Прим. франц. ред.*

113

Оруженосец.

114

Госпиталь, устроенный в бывшем доме Ибрагим-бея.

115

Далее в рукописи пробел – *Прим. франц. ред.*.

116

Французскую флотилию.

117

Очевидно, в длину.

118

Дальше в подлиннике пробел. – *Прим. франц. ред.*

119

Кочевое племя бедуинов, живущее в северо-восточной Африке, в верхнем Египте и Нубии.

120

Имеется в виду – восточной долготы.

121

Акке.

122

Имеется в виду о. Маврикий.

123

Имеется в виду турецкий султан.

124

Глава антитурецкого восстания в Сирии

125

Личная охрана Наполеона.

126

Гласис (франц. glacis) – полагая земляная насыпь впереди наружного рва крепости, долговременного сооружения или полевого укрепления.

127

Ворота в Каире.

128

Палестину.

129

Наемники-албанцы.

130

Жители Дамаска.

131

Далее в рукописи следует слово, вписанное карандашом рукой Наполеона, которое не удалось прочитать. – *Прим. франц. ред.*

132

Город.

133

«Месри» означает «Египет». – *Прим. франц. ред.*

134

Кинжал, обоюдоострое короткоклинковое оружие с прямым (иногда изогнутым) клинком.

135

Дальше в рукописи небольшой пробел.

136

Между горами Ливан и Антиливан.

137

Название отсутствует в рукописи и на картах. – *Прим. франц. ред.*

138

Горные арабские племена, живущие очень изолированно; они принадлежат к магометанской секте шиитов и очень нетерпимы.

139

Шииты.

140

Административная единица Османской империи.

141

Здесь автор допускает ошибку: в Средиземном море нет коралловых рифов.

142

Далее в рукописи пробел. – *Прим. франц. ред.*

143

Турецкой.

144

Далее в рукописи следует несколько слов, написанных карандашом рукой Наполеона, прочесть удалось одно из них – «отважный» или «отвага». – *Прим. франц. ред.*

145

Английский полковник.

146

Имя не приведено в рукописи. – *Прим. франц. ред.*

147

Название в рукописи опущено. – *Прим. франц. ред.*

148

Здесь у автора допущена описка: «завтрашнее утро» – это в данном случае утро 18-го.

149

Имеется в виду первое чудо Иисуса на свадьбе в Кане – превращение воды в вино.

150

Духовное песнопение, носившее гимнический характер (название происходит от начальных слов латинского текста «Te Deum Laudamus» – «Тебя, Бога, хвалим»).

151

Тюрьма в Париже.

152

Народное восстание 10 августа 192 г. повлекло за собой падение королевской власти во Франции..

153

Средние учебные заведения, созданные во всех департаментах Франции в 1795 г.

154

Армия.

155

Джеззар-паша, Джаззар, Ахмед-паша (около 1720 – апрель 1804), правитель Палестины и значительной части Сирии в 1775-1804. Родом босниец. За жестокость, проявленную при подавлении восстания бедуинов, получил прозвище «мясник» (*араб.* «джаззар»).

156

Мессия, который установит на земле справедливость.

157

Этот абзац, начиная со слов «командующий артиллерией генерал Доммартен», написан карандашом рукой Наполеона. В пространстве, где стоит многоточие, находилось около 25 слов, которые не удалось разобрать. Дата «17 апреля» сомнительна; ее не удалось проверить. – *Прим. франц. ред.*

158

Шейхи.

159

Этот абзац написан полностью карандашом рукой Наполеона. Многоточия обозначают слова, которые не удалось расшифровать. – *Прим. франц. ред.*

160

Турецкой армии.

161

Эта последняя фраза написана карандашом рукой Наполеона. Над словом «поле» он написал другое, которое не удалось разобрать. – *Прим. франц. ред.*

162

Последние строчки написаны карандашом рукой Наполеона. После имени Мюрата стоит другое имя собственное, которое не удалось разобрать. – *Прим. франц. ред.*

163

Это генерал Бертран, редактор данных мемуаров. – *Прим. франц. ред.*

164

Якобинский клуб, открывшийся 6 июля 1799 г., собирал своих членов в Тюильрийском манеже.

165

Т. е. Наполеона.

166

Далее следуют около двух строк, написанных карандашом рукой Наполеона; их не удалось разобрать. – *Прим. франц. ред.*

167

При сложении цифр, стоящих в третьем столбце, получается «14», а не «16». Хотя ошибка несомненна, оставлены цифры рукописи, поскольку ни одна из них не внушает сомнений. Вероятно, вместо шести гаубиц или мортир в Аль-Арише требовалось восемь, и ошибка допущена переписчиком. См. подробности взятия Аль-Ариша. – *Прим. франц. ред.*

168

Плоскодонное артиллерийское парусное судно XVIII века.

169

На Египет.

170

Корсика.

171

Небольшое палубное судно.

172

То есть капитуляции, подписанной Клебером, условия которой английское правительство решило в конце концов утвердить.

173

В этом сражении был смертельно ранен генерал Эберкромби.

174

Генерал Лагранж.

175

Отряд Кавалье численностью в 500 человек, охранявший верблюдов, капитулировал на марше перед англичанами, гарантировавшими ему возвращение на родину.

176

Бельяр.

177

В подлиннике, видимо, допущена описка. Выше говорилось о 700 000 выстрелов.

178

Здесь в рукописи пробел. – *Прим. франц. ред.*

179

Холм у Римского лагеря, на котором укрепился правый фланг английской армии.

180

Далее следует строка, написанная карандашом рукою Наполеона. Она была сильно стерта; нам никак не удалось ее прочитать. – *Прим. франц. ред.*

181

Имеется в виду подписание в Лондоне предварительных условий мира между Францией и Англией; известие об этом было доставлено в Александрию 15 ноября 1801 г. Французские войска, сосредоточенные в этом городе, капитулировали 2 сентября 1801 г.

182

Имеется в виду осада Фридрихом Ольмюца в 1758 г.

183

Фридрих II.

184

Имеется в виду Семилетняя война.

185
Речь идет о сражении при Праге.
186
Фридрих II.
187
Фридрих II.
188
Фридриху II.